

ISSN 2587-9820

ВОСТОЧНО-СИБИРСКИЙ ИНСТИТУТ МВД РОССИИ

КРИМИНАЛИСТИКА: вчера, сегодня, завтра

Выпуск № 3 (39)
2026

Иркутск

ISSN 2587-9820

**КРИМИНАЛИСТИКА:
ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА
2026. Т. 39. № 3**

ISSN 2587-9820

**FORENSICS:
YESTERDAY, TODAY, TOMORROW
Kriminalistika: vchera segodnya,
zavtra
2026. Vol. 39. No. 3**

Учредитель: Федеральное
государственное казенное
образовательное
учреждение высшего образования
«Восточно-Сибирский институт
Министерства внутренних дел
Российской Федерации»

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Зарегистрирован в Федеральной службе
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)
ПИ № ФС 77 - 69590 от 02.05.2017
Издание входит в перечень
рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы
основные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата
наук, на соискание ученой степени
доктора наук, рекомендованных ВАК
Минобрнауки Российской Федерации

Подписной индекс по каталогу Роспечать
39897. Цена свободная.

Издается с мая 2017 года
Выходит четыре раза в год

Адрес редакции, издателя, типографии:
ул. Лермонтова, 110, Иркутск, 664074
тел. +7(3952) 410-989, 410-215,
факс (3952) 411-953
<https://kvsz.ru/>
e-mail: editor@kvsz.ru
© Восточно-Сибирский институт
МВД России, 2026

The founder of the journal is Federal State
Budget Institution for Higher Education
«East-Siberian Institute of the Ministry
of Internal Affairs of the
Russian Federation»

COLLECTION OF SCIENTIFIC PAPERS

Registration: The Federal service
for supervision in the sphere of mass
communications
(Roskomnadzor)

PI No. FS 77 - 69590 dated 02 May, 2017
The publication is included in the list of
peer-reviewed scientific publications,
in which the main results of the thesis for
the degree
of candidate of sciences should be
published, for the degree of doctor of
science recommended by the Higher
Attestation Commission of the Ministry of
Education and Science of the Russian
Federation.

Subscription index in the Rospechat
catalogue 39897. The price of free.

Published since may 2017.
Issued four times a year

Address of the editorial office, publisher:
664074, Irkutsk, Lermontov St. 110
Tel. (3952) 410-989, 410-215,
Fax: (3952) 411-953,
<https://kvsz.ru/>
e-mail: editor@kvsz.ru
© East Siberian Institute of the Ministry
of Internal Affairs of the Russian Federation,
2026

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Грибунов О. П., доктор юридических наук, профессор, ректор Байкальского государственного университета, профессор кафедры уголовного процесса Восточно-Сибирского института МВД России.

Заместитель главного редактора:

Третьякова Е. И., кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики Восточно-Сибирского института МВД России, г. Иркутск, Российская Федерация.

Ответственный секретарь:

Милус А. И., кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры криминалистики Восточно-Сибирского института МВД России, г. Иркутск, Российская Федерация.

Члены редакционной коллегии:

Варданян А. В., заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности Ростовского юридического института МВД России, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация;

Васюков В. Ф., доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Московского государственного университета международных отношений МИД России (МГИМО), г. Москва, Российская Федерация;

Полянова Ж. А. кандидат юридических наук, начальник управления научных исследований Экспертно-криминалистического центра МВД России, г. Москва, Российская Федерация;

Николюк В. В., заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник научно-исследовательского центра № 5 Всероссийского научно-исследовательского института МВД России, г. Москва, Российская Федерация;

Россинский С. Б., доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Института государства и права Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация;

Степаненко Д. А., доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедры криминалистики, судебных экспертиз и юридической психологии Байкальского государственного университета, г. Иркутск, Российская Федерация;

Шахматов А. В., доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности в ОВД Санкт-Петербургского университета МВД России, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация.

Editorial

Chief Editor:

Oleg P. Gribunov, Doctor of Legal Sciences, Professor, Rector of Baikal State University, Professor in the Department of Criminal Procedure at the East Siberian Institute of the Russian Interior Ministry.

Deputy Chief Editor:

Elena I. Tretyakova, Candidate of Law, Associate Professor, Professor at the Department of Criminalistics of the East Siberian Institute of the MIA of the Russian Federation, Irkutsk, Russian Federation.

Executive Secretary:

Alexander I. Milus, Candidate of Law, Deputy Head of the Department of Criminalistics. East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russian Federation.

Editorial Board:

Acop V. Vardanyan, Honoured Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminalistics and Investigative Activities of the Rostov Law Institute of the MIA of the Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation;

Vitaly F. Vasyukov, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Forensic Science, Moscow State University of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (MGIMO), Moscow, Russian Federation;;

Zhanna A. Polyanova, Candidate of Law, Head of the Department of Scientific Research at the Expert Forensic Center of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation;

Vyacheslav V. Nikolyyuk, Honoured Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Chief Researcher at Research Center No. 5 of the All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation;

Sergei B. Rossinsky, Doctor of Law, Chief Research of Criminal Law Sector criminal procedure and criminalistics of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation;

Diana A. Stepanenko, Doctor of Law, Professor, professor of Department of Criminalistics, Forensic Examinations and Legal Psychology of the Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation;

Aleksandr V. Shakhmatov, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Operational Investigative Activities in the Department of Internal Affairs of the St. Petersburg University of the MIA of Russia, Saint-Petersburg, Russian Federation.

СОДЕРЖАНИЕ

Уголовно-правовые науки

Абсатаров Р. Р., Трещенко Е. В. Личность преступника и личность потерпевшего в системе криминалистической характеристики преступлений, связанных с дискредитацией Вооружённых Сил Российской Федерации.....	7
Березин Д. В. Механизм слеодообразования в разных средах передачи информации.....	15
Борисовская Т. Н. О криминалистической характеристике расследования присвоения или растраты, совершаемых на железнодорожном транспорте.....	25
Дубынин Е. А., Космодемьянская Е. Е. К вопросу об использовании искусственного интеллекта в доказывании по уголовным делам.....	35
Журавлев С. Ю. Комплексный анализ информации как средство формирования антикоррупционного алгоритма сотрудников органов внутренних дел.....	48
Крынин А. А. Криминалистическая характеристика хищений на маркетплейсах.....	63
Кузьмин Д. А. Психофизиологические методы в раскрытии преступлений прошлых лет на новых территориях Российской Федерации	74
Москвичев А. А., Дерюгин Р. А., Богомолов О. В. Криминалистический анализ хищений, совершенных с использованием технологии NFC	82
Попов В. А., Рудавин А. А. Тактика допроса подозреваемых по делам о преступлениях против правосудия.....	95
Пудовкин А. А., Сулейманов Т. А. О. Особенности производства осмотра в жилом помещении.....	105
Синюк В. Д. Дифференциация судебной взрывотехнической экспертизы при расследовании объемных взрывов	113
Тактоева В. В. О некоторых правовых и тактических аспектах допроса подозреваемых и обвиняемых	125
Татьянина Л. Г. Проблемы реализации права на оказание квалифицированной юридической помощи иностранным гражданам на начальном этапе уголовного судопроизводства.....	136

Тимофеев С. В., Самоделкин А. С. Деструктивные группы в условиях гибридной реальности: методологические основания классификации и идентификации	145
Унжакова С. В. Теоретико-правовые основы противодействия расследованию незаконной рубки лесных насаждений	160
Фельк А. А. Проблемы правового регулирования реализации полномочий следователя на этапе окончания предварительного следствия.....	173
Шавловский А. Б. Криптографически защищенная информация как объект компьютерно-технической экспертизы	190

CONTENTS

Criminal Law Sciences

Absatarov R. R., Treshchenko E. V. Perpetrator's identity and victim's identity in the system of criminal characteristics of crimes aimed at discrediting the use of the Russian Federation Armed Forces	7
Berezin D. V. Mechanism of trace formation in different information transmission media	15
Borisovskaya T. N. On the criminalistics of investigation of misappropriation or expenditure committed on railway transport.....	25
Dubynin E. A., Kosmodemyanskaya E. E. On the use of artificial intelligence in proving criminal cases	35
Zhuravlev S. Yu. Comprehensive information analysis as a means of developing an anti-corruption algorithm for law enforcement personnel.....	48
Krynin A. A. Forensic characterization of thefts on marketplaces	63
Kuzmin D. A. Psychophysiological methods for investigating crimes from previous years in the new territories of the Russian Federation	74
Moskvichev A.A., Deryugin R.A., Bogomolov O.V. Forensic analysis of thefts committed using NFC technology.....	82
Popov V.A., Rudavin A.A. Tactics for interrogation of suspects in cases of crimes against justice.....	95
Pudovkin A.A., Suleymanov T.A.O. Features of inspection in a residential building	105
Sinyuk V.D. Differentiating forensic explosives engineering expertise for volumetric explosion investigations.....	113
Taktoeva V.V. On some legal and tactical aspects of interrogation of suspects and accused persons.....	125
Tatyana L.G. Problems of realizing the right to receive qualified legal assistance for foreign citizens at the initial stage of criminal proceedings	136
Timofeev S.V., Samodelkin A.S. Destructive groups in the conditions of hybrid reality: methodological foundations of classification and identification.....	145

Unzhakova S. V. Theoretical and legal foundations of counteraction to the investigation of illegal felling of forest stands.....	160
Felk A.A. Problems of legal regulation of the implementation of the powers of the investigator at the stage of completion of the preliminary investigation	173
Shavlovsky A. B. Cryptographically protected information as an object of computer forensics	190

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья
УДК: 343.9

ЛИЧНОСТЬ ПРЕСТУПНИКА И ЛИЧНОСТЬ ПОТЕРПЕВШЕГО В СИСТЕМЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ДИСКРЕДИТАЦИЕЙ ВООРУЖЁННЫХ СИЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Роман Рифович Абсатаров¹, Екатерина Валерьевна Трещенко²

¹Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России, г. Калининград, Российская Федерация, karelia.abc@rambler.ru

²Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, г. Калининград, Российская Федерация, lawenforcementkatya@yandex.ru

Аннотация. В настоящей статье рассматривается место личности преступника и личности потерпевшего в целостной и взаимосвязанной структуре криминалистической характеристики преступлений, связанных с дискредитацией Вооружённых Сил Российской Федерации. Приводя современные примеры из судебной практики, авторы на основании трёх критериев выделяют особенности личности преступника, причастного к совершению публичных действий, направленных на дискредитацию использования Вооружённых Сил Российской Федерации, а также указывают на необходимость учёта личности потерпевшего в глубинном, социальном смысле. Авторами приводится научное обоснование того, что знание отличительных черт личности преступника и личности потерпевшего с точки зрения их криминалистической характеристики в полной мере способствует оптимизации сложившейся системы предварительного расследования.

Ключевые слова: дискредитация Вооружённых Сил, криминалистическая характеристика, личность преступника, личность потерпевшего, предварительное расследование

Для цитирования: Абсатаров Р. Р., Трещенко Е. В. Личность преступника и личность потерпевшего в системе криминалистической характеристики преступлений, связанных с дискредитацией Вооружённых Сил Российской Федерации // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2026. Т. 39. № 3. С. 7–14.

PERPETRATOR'S IDENTITY AND VICTIM'S IDENTITY IN THE SYSTEM OF CRIMINAL CHARACTERISTICS OF CRIMES AIMED AT DISCREDITING THE USE OF THE RUSSIAN FEDERATION ARMED FORCES

Roman R. Absatarov¹, Ekaterina V. Treshchenko²

¹Kaliningrad branch of the St. Petersburg University of the MIA of the Russian Federation, Kaliningrad, Russian Federation, karelia.abc@rambler.ru

²Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation, lawenforcementkatya@yandex.ru

Abstract. This article examines the place of the perpetrator's identity and the victim's identity in the holistic and interconnected structure of the criminal characteristics of crimes aimed at discrediting the use of the Russian Federation Armed Forces. Using contemporary examples from judicial practice, the authors identify the characteristics of the perpetrator's identity involved in public actions aimed at discrediting the use of the Armed Forces of the Russian Federation based on three criteria, and also emphasize the importance of considering the victim's identity in a deeper, social sense. The authors provide a scientific justification for the fact that understanding the distinctive features of the perpetrator's identity and the victim's identity can significantly contribute to optimizing the existing system of preliminary investigation.

Keywords: discrediting the Armed Forces, criminal characteristics, perpetrator's identity, victim's identity, preliminary investigation

For citation: Absatarov R. R., Treshchenko E. V. Lichnost' prestupnika i lichnost' poterpevshego v sisteme kriminalisticheskoy harakteristiki prestuplenij, svyazannyh s diskreditaciej Vooruzhyonnyh Sil Rossijskoj Federacii [Perpetrator's identity and victim's identity in the system of criminal characteristics of crimes aimed at discrediting the use of the Russian Federation Armed Forces]. *Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra* = Forensics: yesterday, today, tomorrow. 2026, vol. 39, no. 3, pp. 7–14 (in Russ.).

Введение

Криминалистическая характеристика того или иного преступления играет значимую роль в криминалистической методике расследования преступлений. В свою очередь, выделение в структуре криминалистической характеристики преступления её значимых элементов позволяет сотруднику органов предварительного расследования спланировать ход расследования, учитывая возможные тактические риски, и способствует производству предварительного расследования с соблюдением основополагающего принципа уголовного процесса – разумного срока уголовного судопроизводства.

О месте криминалистической характеристики преступлений в системе криминалистической методики в 70-х годах XX века высказывался выдающийся советский криминалист Р.С. Белкин, отмечая, что криминалистиче-

ская характеристика того или иного вида преступления представляет собой поверхностное описание отдельных элементов преступной деятельности. Впоследствии Р.С. Белкин раскрыл элементы криминалистической характеристики преступлений, среди которых отдельно выделил систему данных о личности вероятного преступника и информацию о потерпевшем [1, с. 91].

Отметим, что в настоящее время особая роль в системе криминалистической характеристики дискредитации Вооружённых Сил Российской Федерации по-прежнему отводится личности преступника и потерпевшего. Посвящение научной статьи подробному исследованию личности преступника и потерпевшего обусловлено наличием в структуре преступлений, связанных с дискредитацией Вооружённых Сил Российской Федерации, ряда значимых особенно-

стей. Кроме того, до 2022 года в связи с отсутствием законодательной конструкции, устанавливающей уголовную ответственность за публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооружённых Сил Российской Федерации, не представлялось возможным охарактеризовать личность преступника и потерпевшего, как и составить криминалистическую характеристику дискредитации Вооружённых Сил Российской Федерации в целом.

Изучение четырёхлетнего опыта производства предварительного расследования, а также всесторонний и полный анализ судебной практики – решений судов, основанных на применении нормы статьи 280.3 Уголовного кодекса Российской Федерации, – позволили нам выделить характерные черты лиц, совершающих преступления, связанные с дискредитацией Вооружённых Сил Российской Федерации, и тем самым составить наиболее подробный криминалистический портрет личности типичного преступника.

Основная часть

Итак, результаты проведённого исследования, выражающиеся в анализе 52 обвинительных приговоров судов по рассматриваемым преступлениям, показали, что в абсолютном большинстве случаев преступником, совершающим рассматриваемые деяния, является лицо мужского пола: 96 % осуждённых являются лицами мужского пола и только 4 % – лицами женского пола, при этом в 55 % случаев возраст преступника составляет от 40 до 49 лет. Сравнительно реже рассматриваемые преступления совершают лица в возрасте от 50 лет и выше (28 %), от 30 до 39 лет (15 %), и, наконец, от 18 до 29 лет (2 %). Анализируя причины этого, мы пришли к выводу о том, что лица в возрасте от

40 до 49 лет, от 50 лет и выше большую часть жизни провели в иной исторической и идеологической среде, были очевидцами сильнейших политических потрясений: распада СССР, сильнейшего экономического и демографического кризиса 1990-х годов, двух чеченских кампаний, вооружённых конфликтов в Югославии, Ливии и Сирии, в связи с чем в сознании лиц указанного возраста сформировалось негативное отношение к государственным институтам, в том числе к армии. Лица указанного возраста также заведомо негативно оценивают участие Российской Федерации в специальной военной операции на Украине, не вникая в причины её начала, цели, задачи и назначение, но стремясь при этом распространить информацию, дискредитирующую Вооружённые Силы Российской Федерации и деятельность государственных органов и институтов среди широкого круга лиц.

При этом во всех случаях совершения указанных преступлений преступник ранее привлекался к административной ответственности за аналогичное деяние по статье 20.3.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях с назначением ему административного наказания. Это является необходимым условием привлечения лица к уголовной ответственности по статье 280.3 Уголовного кодекса Российской Федерации, поскольку в диспозицию данной статьи законодатель справедливо включил административную преюдицию [2, с. 47–48].

Преступления, связанные с дискредитацией Вооружённых Сил Российской Федерации, всегда совершаются преступником в одиночку, без соучастия. Об этом свидетельствует отсутствие приговоров судов об осуждении нескольких лиц по одному

и тому же уголовному делу. Однако во избежание уголовной ответственности преступники часто прибегают к посредственному исполнению, вовлекая в совершение преступлений несовершеннолетних [3, с. 105]. Так, 24 июня 2022 года в соответствии с приговором Нальчикского городского суда жителю города Нальчика Заурбеку Жамбекову было назначено наказание в виде лишения свободы. В ходе предварительного следствия установлено, что Заурбек Жамбеков попросил свою несовершеннолетнюю дочь сорвать букву «Z», являющуюся неформальным, принятым в общественном сознании символом специальной военной операции, с не принадлежащего ему легкового автомобиля, находящегося в специально отведённом для парковки месте¹. 28 марта 2023 года Ефремовский межрайонный суд Тульской области приговорил к двум годам лишения свободы Алексея Москалёва, несовершеннолетняя дочь которого, руководствуясь его советами, выполнила на уроке изобразительного искусства в школе рисунок, осуждающий присутствие российских войск на Украине и имеющий ярко выраженную направленность на подрыв доверия к Вооружённым Силам Российской Федерации². Такое поведение обусловлено тем, что именно несовершеннолетним свойственна неокрепшая психика, в силу которой они принимают любую предложенную норму поведения, особенно если предложе-

ние исходит от их родителей и законных представителей.

Важной составной частью криминалистической характеристики личности преступника выступает уровень его образования. Материалы изученных приговоров судов продемонстрировали, что большая часть лиц, совершивших преступления, связанные с дискредитацией Вооружённых Сил Российской Федерации, имеет высшее образование.

При этом, рассматривая трудовую деятельность преступника, дополняющую уровень его образования, примечательно, что она различается в зависимости от способа совершения преступления. Так, лица, совершившие рассматриваемые преступления в общественном месте, не прибегая к использованию сети Интернет, преимущественно являются общественными деятелями, профессия которых связана с политической сферой жизни общества. Так, с точки зрения криминалистики особый интерес представляют обвинительные приговоры, вынесенные судами в период с 2022 по 2026 год в отношении бывшего мэра города Екатеринбурга Евгения Ройзмана, активиста нижегородского отделения партии «Яблоко» Андрея Сорочкина, председателя якутского отделения политической партии «Яблоко» Анатолия Ноговицына, бывшего руководителя отделения политической партии «Справедливая Россия» в городе Петропавловск-Камчатский Александра Каменюка.

При этом лица, совершившие рассматриваемые преступления в сети Интернет, как правило, являются активными онлайн-пользователями, которые на постоянной основе занимаются ведением собственных групп (в социальной сети «ВКонтакте»), каналов (в мессенджере «Telegram») и блогов (на платформе «YouTube») и

¹ Жителя Нальчика осудили за дискредитацию ВС России [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20220627/vs-1798524694.html> (дата обращения: 17.07.2026 г.).

² Дело № 1-63/2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://судебныерешения.рф/74927129> (дата обращения: 17.07.2026 г.).

имеют целевую аудиторию. Так, к примеру, 24 мая 2024 года администратор открытого Telegram-канала, ранее привлечённый к административной ответственности по статье 20.3.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, повторно разместил видеозапись с ведением боевых действий на территории Украины и прокомментировал её, назвав российскую армию «оккупантами», а действия Вооружённых Сил Российской Федерации – «преступными»³. 20 мая 2025 года Промышленный районный суд г. Ставрополя вынес приговор в отношении Егора Филиппова, который оставил сообщение, содержащее информацию о лишении жизни жителей Украины российскими военнослужащими. 16 декабря 2025 года в законную силу вступил приговор Ахтубинского районного суда Астраханской области, согласно которому Виталий Журавлёв разместил «политическую шутку», дискредитирующую использование Вооружённых Сил Российской Федерации, в группе «Ахтубинск Знает» в социальной сети «ВКонтакте».

Кроме того, большой общественный резонанс вызвали обвинительные приговоры судов в отношении администратора Telegram-канала «Сердитая Чувашия» Семёна Кочкина и YouTube-канала «Дикий десантник» Асхабали Алибекова.

В свою очередь, в преступлениях, связанных с дискредитацией Вооружённых Сил Российской Федерации, отсутствует потерпевший как участник уголовного судопроизводства и

как физическое лицо, которому преступлением причинён физический, имущественный или моральный вред. Это означает, что производство следственных и иных процессуальных действий с участием потерпевшего невозможно, и в ходе предварительного расследования преступлений, связанных с дискредитацией Вооружённых Сил Российской Федерации, у следователя отсутствует необходимость признания конкретного физического лица потерпевшим, разъяснения ему прав и обязанностей потерпевшего, его допроса в качестве потерпевшего. Отметим, что отсутствие потерпевшего как физического лица характерно для отдельных видов преступлений, предусмотренных российским уголовным законодательством, к примеру, для преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов [4, с. 8].

Тем не менее, рассматривая сущность потерпевшего с точки зрения криминалистической характеристики, отметим, что в социальном смысле потерпевшим выступает государство, то есть преступлением причиняется вред моральному облику и авторитету Вооружённых Сил Российской Федерации, а также имиджу российского солдата, который на протяжении всей отечественной истории выступал надёжным и достойным защитником Родины. Не случайно с начала специальной военной операции отмечалось множество попыток подрыва доверия населения к Вооружённым Силам Российской Федерации и снижения их авторитета, что выражалось в различных формах.

Следовательно, вышесказанное позволяет сделать выводы о наличии личности «косвенного» потерпевшего в лице военнослужащих Вооружённых Сил Российской Федерации, добровольцев, с 2022 года проходив-

³ Приговор № 1-428/2025 от 4 июня 2025 г. по делу № 1-428/2025 [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20220627/vs-1798524694.html> (дата обращения: 20.07.2026 г.).

ших и в настоящее время проходящих службу на территории проведения специальной военной операции, а также членов их семей.

Итак, в процессе обращения к криминалистической характеристике личности преступника мы обратили особое внимание на следующие группы сведений:

1) социально-демографического характера (пол, возраст, уровень образования);

2) сведения социально-правового характера (наличие совершённых ранее правонарушений);

3) производственно-бытового характера (трудовая деятельность преступника и его профессия).

Полученная в ходе проведённого исследования информация о личности преступника позволила составить портрет субъекта преступления, благодаря чему в профессиональной деятельности следователя представится возможным сузить круг лиц, среди которых следует искать виновное лицо, и определить основные направления расследования преступлений, связанных с дискредитацией Вооружённых Сил Российской Федерации. Как было отмечено в ходе проведённого исследования, большинство рассматриваемых преступлений совершается лицами мужского пола в возрасте от 40 до 49 лет, имеющими высшее образование, ранее привлечёнными к административной ответственности. Данные лица, как правило, являются общественными деятелями, занятыми в сфере политики, либо на постоянной основе размещающими информационные материалы в открытых источниках сети Интернет в собственных группах, каналах и блогах.

Рассмотрев личность потерпевшего с точки зрения её криминалистической характеристики, мы выявили особенность, заключающуюся в отсутствии потерпевшего как участника уголовного судопроизводства и как физического лица, что, на наш взгляд, во многом предопределяет ход предварительного расследования.

Выводы и заключение

Таким образом, криминалистическая характеристика, основывающаяся на учении Р. С. Белкина, в настоящее время играет значимую роль в расследовании преступлений, связанных с дискредитацией Вооружённых Сил Российской Федерации, поскольку в полной мере способствует процессуальной экономии и реализации основополагающего принципа современного уголовного процесса – разумного срока уголовного судопроизводства. На наш взгляд, рассмотренные нами элементы криминалистической характеристики при их должном изучении могут лечь в основу профессиональной деятельности следователей по расследованию преступлений, связанных с дискредитацией Вооружённых Сил Российской Федерации. Более того, знание основных особенностей личности преступника и личности потерпевшего с точки зрения криминалистической характеристики существенно облегчает задачу следователя по самостоятельному направлению хода расследования, принятию решения о производстве следственных и иных процессуальных действий, всецело способствует верному определению обстоятельств, подлежащих установлению, а также предмета доказывания.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Белкин, Р. С. Курс криминалистики: в 3 т. М.: Юристъ, 1997. Т.3. – 298 с.
2. Гребенской, П. А. Актуальные проблемы дискредитации Вооружённых Сил Российской Федерации (ст. 280.3 УК РФ) // Вестник экономики и права. 2024. №97. С. 47–51.
3. Рыжова, А. В. Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления: некоторые проблемы и пути их решения // Вестник науки. 2024. №9 (78). С. 105–109.
4. Шелег, О. А., Абсатаров Р. Р. Алгоритм криминалистической деятельности по расследованию преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков / О. А. Шелег, Р. Р. Абсатаров. Калининград : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2025. – 44 с.

REFERENCES

1. Belkin, R.S. Kurs kriminalistiki: v 3 t. [Course on Criminalistics]. M.: YUrist", 1997. T.Z. – 298 p. (in Russian).
2. Grebenskoj, P.A. Aktual'nye problemy diskreditacii Vooruzhyonnyh Sil Rossijskoj Federacii (st. 280.3 UK RF) [Pressing issues regarding the discrediting of the Armed Forces of the Russian Federation (Art. 280.3 of the Criminal Code of the Russian Federation)]. Vestnik ekonomiki i prava. – Bulletin of Economics and Law. 2024. №97. Pp. 47-51. (in Russian).
3. Ryzhova, A.V. Vovlechenie nesovershennoletnego v sovershenie prestupleniya: nekotorye problemy i puti ih resheniya [Involving a minor in the commission of a crime: certain problems and ways to resolve them]. Vestnik nauki. – Bulletin of Science. 2024. №9 (78). Pp. 105-109. (in Russian).
4. SHeleg, O. A., Absatarov R.R. Algoritm kriminalisticheskoy deyatel'nosti po rassledovaniyu prestuplenij, svyazannyh s nezakonnym oborotom narkotikov [Algorithm of criminalistic activity for investigating crimes related to illicit drug trafficking]. O. A. SHeleg, R. R. Absatarov. – Kaliningrad : Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii, 2025. – 44 p. (in Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Абсатаров Роман Рифович, кандидат географических наук, доцент кафедры криминалистики. Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России. 236003, Российская Федерация, г. Калининград, ул. Генерала Галицкого, 30.

Трещенко Екатерина Валерьевна, аспирант. Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта. 236041, Российская Федерация, г. Калининград, ул. Александра Невского, 14.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Roman R. Absatarov, Candidate of Science (Geography), Associate Professor of the Department of Criminalistics. Kaliningrad branch of the St. Petersburg University of the MIA of the Russia. 30, General Galitsky St., Kaliningrad, Russian Federation, 236006.

Ekaterina V. Treshchenko, Postgraduate Student. Immanuel Kant Baltic Federal University. 14, Alexander Nevsky St., Kaliningrad, Russian Federation, 236041.

Научная статья
УДК: 343.98

МЕХАНИЗМ СЛЕДООБРАЗОВАНИЯ В РАЗНЫХ СРЕДАХ ПЕРЕДАЧИ ИНФОРМАЦИИ

Дмитрий Валерьевич Березин

Российский государственный социальный университет, г. Москва,
Российская Федерация, Berez-1972@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются общие основы механизма следообразования в различных средах передачи информации. Обосновывается фундаментальная роль теории отражения как методологической основы криминалистического учения о следах. Анализируется понятие среды передачи информации, предлагается её классификация по физическим, биологическим и социальным основаниям. Исследуются закономерности взаимодействия следообразующего объекта, среды передачи информации и следовоспринимающего объекта в разных условиях. На основе проведённого анализа формулируются перспективные направления развития учения о механизме следообразования с учётом волновой теории, топологических подходов, применения искусственного интеллекта и создания интегрированных баз данных.

Ключевые слова: механизм следообразования, среда передачи информации, классификация сред, волновая теория, топология

Для цитирования: Березин Д. В. Механизм следообразования в разных средах передачи информации // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра : сб. науч. тр. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России. 2026. Т. 39. № 3. С. 15–24.

MECHANISM OF TRACE FORMATION IN DIFFERENT INFORMATION TRANSMISSION MEDIA

Dmitry V. Berezin

Russian State Social University, Moscow, Russian Federation, Berez-1972@mail.ru

Abstract. The article examines the general foundations of the trace formation mechanism in various information transmission media. The fundamental role of the theory of reflection as a methodological basis of the forensic doctrine of traces is substantiated. The concept of the information transmission medium is analyzed, and its classification on physical, biological, and social grounds is proposed. The patterns of interaction between the trace-forming object, the information transmission medium, and the trace-perceiving object under different conditions are investigated. Based on the analysis, promising directions for the development of the doctrine on the trace formation

mechanism are formulated, taking into account wave theory, topological approaches, the application of artificial intelligence, and the creation of integrated databases.

Keywords: mechanism of trace formation, information transfer medium, classification of transmission media, wave theory, topological theory.

For citation: Berezin D. V. Mekhanizm sledoobrazovaniya v raznykh sredakh peredachi informatsii [Mechanism of trace formation in different information transmission media] Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra = Forensics: yesterday, today, tomorrow. 2026. vol 39, no. 3, pp. 15–24. (in Russ.).

Введение

Познание механизма следообразования является одной из центральных проблем криминалистической науки, поскольку без глубокого понимания процессов формирования следов невозможно эффективное решение задач раскрытия и расследования преступлений.

По мнению Грановского Г.Л., «механизм следообразования — в трасологии процесс, конечная фаза которого представляет собой образование следа-отображения.

Элементами этого процесса являются: объекты следообразования — следообразующий объект, следовоспринимающий объект и вещество следа; результат взаимодействия между ними — следовой контакт; энергия, приложенная к объектам следообразования» [1, с. 12].

Однако современные реалии, характеризующиеся многообразием сред, в которых протекают криминалистически значимые процессы, настоятельно требуют пересмотра и расширения сложившихся представлений.

Актуальность обращения к проблеме следообразования в различных средах передачи информации обусловлена несколькими факторами.

Во-первых, стремительное развитие технологий порождает новые виды сред – от цифровых пространств до биотехнологических си-

стем, каждая из которых вносит качественное своеобразие в механизм следообразования.

Во-вторых, возрастающая сложность криминалистических экспертиз требует более тонкого понимания того, каким образом свойства среды влияют на полноту и достоверность передаваемой информации.

В-третьих, интеграция различных научных подходов – философских, физических, биологических, психологических и математических – позволяет создать комплексную теорию следообразования, адекватную современному уровню знаний.

Как справедливо отмечает Р.С. Белкин, «механизм следообразования — это процесс, конечная фаза которого представляет собой возникновение следа». Элементами данного процесса являются, по мнению Белкина, «следообразующий объект, следовоспринимающий объект и вещество следа; результат взаимодействия между ними — следовой контакт; энергия, приложенная к объектам следообразования» [2, с. 78].

Данное утверждение приобретает особую значимость при рассмотрении различных сред передачи информации, каждая из которых вносит качественное своеобразие в процесс формирования следов. Именно многообразие сред и необходимость их систематизации определяют основ-

ную проблематику настоящего исследования.

Целью настоящей статьи является теоретико-криминалистический анализ механизма следообразования в различных средах передачи информации, включающий обоснование методологической роли теории отражения, классификацию сред, исследование закономерностей взаимодействия их элементов и определение перспективных направлений развития учения о следах.

Основная часть

Историческое развитие представлений о следе и процессе его образования в зависимости от среды передачи информации

Фундаментальной методологической основой учения о следах является теория отражения, разработанная в философской науке и получившая развитие в криминалистике. Как подчёркивает В.И. Ленин, «материя есть философская категория для обозначения объективной реальности, которая дана человеку в ощущениях его, которая копируется, фотографируется, отображается нашими ощущениями, существуя независимо от них» [3, с. 131].

Отражение как всеобщее свойство материи заключается в способности материальных объектов воспроизводить в своих свойствах особенности воздействующих объектов. Как отмечал А.Н. Васильев, расследование преступлений связано с «изучением механизма преступлений и формирования доказательств» [4, с. 34]. При этом сам механизм преступления понимается как «процесс совершения преступления, в том числе его способ и все действия преступника, сопровождающиеся образованием следов материальных и нематериальных, могущих быть использован-

ными для раскрытия и расследования преступления» [4, с. 34].

В криминалистическом аспекте теория отражения позволяет объяснить, каким образом информация о событии преступления, взаимодействуя со средой передачи, запечатлевается в следах и может быть впоследствии извлечена и интерпретирована.

В соответствии с позицией И.А. Баранова, развивающего философские основания криминалистической теории, психические процессы, включая сознание и подсознание, выступают в качестве высших форм отражения, дополняющих физические механизмы следообразования и придающих следам человека качественное своеобразие [5, с. 45]. Это положение имеет принципиальное значение для понимания особенностей следообразования в биологических и социальных средах, где отражение опосредовано психическими процессами.

В работе Дж. Урри имеются следующие теоретические положения: «индивиды существуют за пределами своих личных тел, оставляя следы в пространстве» [6, с. 86]. Дж. Урри утверждал: «люди – ничто без объектов, организованных в различные системы» [6, с. 86].

Е.Р. Россинская активно разрабатывает самостоятельное теоретическое направление (частную криминалистическую теорию) – теорию информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности. Она подчёркивает её обеспечивающий характер, во многом тяготеющий к криминалистической технике и технологии и не расширяющий круг объектов исследования, традиционно изучаемых криминалистикой [7, с. 11–15]. Данное положение является ключевым для понимания единства мате-

риальных и идеальных следов в криминалистике и их формирования в различных средах.

Среда передачи информации является одним из ключевых элементов механизма следообразования, определяющим характер, полноту и достоверность передаваемой информации. Н.П. Яблоков отмечает, что среда передачи информации не является нейтральным посредником; она преобразует и частично искажает передаваемую информацию, что необходимо учитывать при интерпретации следов [8, с. 56]. В.Я. Колдин также подчёркивает, что среда передачи информации выступает не просто пассивным каналом, а активным участником процесса следообразования, свойства которого влияют на результат [8, с. 89]. Это положение требует детальной классификации сред по различным основаниям.

Предлагается классификация сред передачи информации по трём основным группам: физические, биологические и социальные. Физические среды включают твёрдые тела, жидкости, газы и электромагнитные поля. В этих средах следообразование подчиняется законам классической и квантовой физики. Классификация сред передачи информации по трём основным группам (физические, биологические и социальные) позволяет систематизировать различные типы взаимодействий. Как известно из принципа Э. Локара, всякое взаимодействие оставляет след, характер которого зависит от свойств среды [9, с. 156]. В биологических средах, по мнению Р.Э. Бурка, нейрофизиологические процессы лежат в основе формирования индивидуальных двигательных паттернов [10, с. 145]. Социальные среды включают системы человеческих отношений, культурные коды и информационные потоки, где

следообразование приобретает семиотический характер. В этих средах следы часто являются идеальными и требуют интерпретации с учётом культурного и социального контекста.

Рассмотрение механизма следообразования в разных средах требует учёта специфических закономерностей каждой среды. В физических средах доминируют энергетические и механические взаимодействия, подчиняющиеся законам сохранения и термодинамики. В биологических средах ключевую роль играют процессы самоорганизации, адаптации и гомеостаза, что придаёт следам динамический характер. В социальных средах определяющее значение имеют смысловые и ценностные аспекты, что делает следы многозначными и требующими интерпретации.

Р. С. Белкин выделяет идеальные (следы памяти) как отражение события в сознании человека, мысленный отпечаток события в памяти людей. Такой след может содержать информацию не только о событии или факте, но и о связанных с ним обстоятельствах, о личности преступника, о взаимосвязи с потерпевшим и др. [2, с. 64–65].

Как подчёркивал А.Ф. Волынский в своих работах по теории криминалистической идентификации, следовоспринимающий объект не просто пассивно фиксирует воздействие, но и активно преобразует его в соответствии со своими свойствами [11, с. 123]. Перспективным направлением развития теории следообразования является применение волновой теории и топологических подходов к анализу процессов формирования следов в различных средах. Л.С. Алексеев отмечает, что волновая природа многих процессов следообразования позволяет рассматривать распро-

странение информации как волновой процесс с характерными явлениями интерференции и дифракции [12, с. 56].

В работе D.E. Bentil и J.D. Murray (1992) было продемонстрировано, что механический механизм клеточной тяги может генерировать стационарные пространственные структуры, что имеет непосредственное отношение к формированию дерматоглифических (папиллярных) узоров. В последующих исследованиях эти же авторы показали, что включение в модель биологически реалистичных эффектов дальнего действия позволяет получать устойчивые пространственные паттерны, и прямо указали на формирование папиллярных узоров как на одно из приложений их теории [13, р. 453].

Г. Шнейкерт подразделял следы на объективные, относящиеся к событию, и субъективные, характеризующие личность преступника [14, с. 64]. К.Н. Шакирова разрабатывает концепцию топологических инвариантов следов: «Топологические методы не имеют отчётливо выраженного самостоятельного характера, но могут эффективно применяться при разработке алгоритмов распознавания объектов геометрической природы» [15, с. 303]. Современное развитие искусственного интеллекта открывает новые возможности для анализа механизмов следообразования в разных средах. Holubova R., Straus J., Slezáková J. отмечают, что имеется связь криминалистики с физикой, и приводятся примеры анализа трасологических следов [16, с. 2].

Выводы и заключение

Для систематизации взглядов различных исследователей на механизм следообразования в разных средах можно выделить несколько ключевых подходов:

1. Р.С. Белкин рассматривает механизм следообразования как системное образование, подчёркивая взаимосвязь всех его элементов независимо от среды [2, с. 78].

2. В.Я. Колдин акцентирует информационную природу следообразования, рассматривая его как процесс передачи информации через различные среды [17, с. 89].

3. И.А. Возгрин обращает внимание на детерминированность личности и обстановки, которые проявляются по-разному в различных средах. Так он писал: «Способ совершения преступления в широком смысле, включая подготовку и сокрытие, — это система взаимосвязанных и взаимообусловленных действий, с помощью которых преступник достигает своей цели» [18, с. 29].

4. А.Ф. Волынский справедливо отмечает, что «все естественные и технические науки, достижения которых лежат в основе криминалистической техники, в отличие от гуманитарных наук, предопределяющих возможности развития криминалистической тактики и, соответственно, методики, развиваются более динамично и с закономерно проявляющимся ускорением. Буквально революционные изменения криминалистической техники и её возможностей происходят в последнее время, по мере освоения ею компьютерной техники и современных информационных технологий» [11, с. 72–78].

5. А.Н. Васильев рассматривает философские основания следообразования, связывая его со свойствами материи [4, с. 34].

6. И.А. Баранов развивает идею о сознании и подсознании как высших формах отражения в социальных и биологических средах [5, с. 45].

7. Зарубежные исследователи – Х.Ф. Кремер [19, р. 301–308], Р.Э. Бурк

[10, р. 145], К.Э. Йоргенсен [20, р. 89], К.Л. Уилсон [21, р. 234–245], Р.Ф. Уильямс [22, р. 89] – вносят значительный вклад в развитие теории следообразования в разных средах, предлагая новые методы и технологии анализа.

Проведённый теоретико-криминалистический анализ механизма следообразования в различных средах передачи информации позволяет сформулировать ряд обобщающих положений, имеющих как теоретическое, так и прикладное значение.

Во-первых, теория отражения выступает фундаментальной методологической основой учения о следах, поскольку именно через категорию отражения раскрывается сущность процесса переноса информации от следообразующего объекта к следовоспринимающему через различные среды. Отражение, будучи всеобщим свойством материи, приобретает в криминалистическом контексте конкретные формы проявления, определяемые природой среды и характером взаимодействия объектов.

Во-вторых, среда передачи информации не является пассивным проводником или нейтральным каналом связи. Она выступает активным элементом механизма следообразования, чьи физические, биологические или социальные свойства определяют не только полноту и достоверность передаваемой информации, но и саму возможность её сохранения и последующего извлечения. Предложенная классификация сред на физические, биологические и социальные позволяет систематизировать закономерности следообразования в различных условиях и создаёт основу для дифференцированного подхода к анализу и интерпретации следов.

В-третьих, развитие теории следообразования невозможно без инте-

грации современных научных подходов. На взгляд автора, механизм следообразования состоит из трёх объектов: 1) следообразующий объект или источник информации; 2) периферический объект или среда передачи информации; 3) объект, воспринимающий или накапливающий информацию. Волновая теория аккумулирует адекватный математический аппарат для моделирования распространения информации в физических средах, позволяя описывать процессы интерференции и дифракции применительно к криминалистически значимым явлениям. Топологические подходы обеспечивают выделение устойчивых частных признаков следов, сохраняющихся независимо от вариаций внешних условий и свойств среды, что открывает новые перспективы для криминалистической идентификации.

В-четвёртых, внедрение методов искусственного интеллекта в практику криминалистического анализа следов, сформированных в различных средах, и машинное обучение позволяет автоматически выделять устойчивые признаки, не доступные для обнаружения традиционными методами, и создавать системы автоматической идентификации с высокой точностью. Создание интегрированных баз данных, объединяющих информацию о следах, сформированных в различных средах, представляет собой важнейшее направление развития криминалистики, позволяющее осуществлять комплексный анализ и повышать эффективность идентификационных процессов.

В-пятых, предложенная в работе интегративная модель механизма следообразования, учитывающая специфику различных сред и объединяющая классическую теорию следообразования с методами топологии и

искусственного интеллекта, представляет собой наиболее полное на сегодняшний день описание процесса формирования криминалистически значимых следов в многообразии сред передачи информации.

Перспективы дальнейших исследований связаны с разработкой универсальной математической модели следообразования, применимой к различным типам сред; созданием алгоритмов машинного обучения для автоматического распознавания сле-

дов, сформированных в разных средах; формированием единой информационной базы данных, позволяющей интегрировать и систематизировать знания о закономерностях следообразования в физических, биологических и социальных средах; а также с углублённым изучением психологических механизмов формирования идеальных следов в социальных средах как одной из наименее исследованных областей криминалистической науки.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Грановский Г.Л. Основы трасологии. Общая часть. – М.: ВНИИ МВД СССР, 1965. – 124 с.
2. Белкин Р.С. Курс криминалистики: в 3 т. Т. 2: Частные криминалистические теории. – 3-е изд., доп. – М.: Юристъ, 2001. – 463 с.
3. Ленин, В. И. Материализм и эмпириокритицизм // Полное собрание сочинений. Т. 18. – М.: Изд-во политической литературы, 1968. – С. 7–384.
4. Васильев, А. Н. Философские основы криминалистики. – М.: Юрлитинформ, 2016. – 240 с.
5. Баранов, И. А. Философские основания криминалистической теории следообразования : дис. ... канд. филос. наук. – М., 2020. – 189 с.
6. Урри Дж. Мобильности / пер. с англ. А. В. Лазарева. М.: Издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2012. – 576 с.
7. Российская Е.Р. К вопросу об основных закономерностях и системе теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности // Актуальные проблемы криминалистики и судебной экспертизы. Материалы Международной научно-практической конференции, 2019. С. 11–15.
8. Яблоков Н.П. Криминалистика : учебник и практикум для вузов. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2023.
9. Locard, E. Полиция и научные методы / E. Locard. – Paris : Payot, 1934. – 83 p.
10. Burke, R. E. Нейрональные основы моторного контроля : монография / R. E. Burke. – Cambridge, MA : MIT Press, 2018. – 256 p.
11. Криминалистика : учебник / под ред. А. Ф. Волынского, В. П. Лаврова. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2015. — 943 с.
12. Алексеев, Л. С. Волновая теория следообразования. М.: Юрлитинформ, 2018. – 256 с.
13. Бентил Д. Э., Мюррей Дж. Д. // Journal of Nonlinear Science. — 1992. — Т. 2, № 4. — С. 453–480.

14. Шнейкерт, Г. Тайна преступника и пути к ее раскрытию (К учению о судебных доказательствах) / Г. Шнейкерт ; пер. с нем. под ред. П. И. Люблинского. – М. : Право и жизнь, 1925. – 64 с.
15. Шакиров К.Н. Метод топографического моделирования как способ решения криминалистических идентификационных задач // Вестник КазНУ. Серия международные отношения и международное право. 2015. № 2 (70). – С. 303.
16. Голубова Р., Страус Й., Слезакова Й. Судебная экспертиза и физика. — Ньюкасл-апон-Тайн : Cambridge Scholars Publishing, 2022. — 189 с.
17. Колдин В.Я., Полевой Н.С. Информационные процессы и структуры в криминалистике. — М.: Издательство МГУ, 1985.
18. Возгрин И.А. Научные основы криминалистической методики расследования преступлений : курс лекций. Ч. IV. — СПб. : Санкт-Петербургский юрид. ин-т, 1993. – С. 26.
19. Cremer, H. F. Тремор и моторный контроль: биометрическая перспектива / H. F. Cremer // Journal of Biomechanics. – 2019. – Vol. 45, No. 8. – P. 301–308.
20. Йоргенсен К. Э. Топология и информация в биологических системах : монография / К. Э. Йоргенсен. — Копенгаген : Springer, 2019. — 189 с.
21. Wilson, C. L. Машинное обучение для судебного биомеханического анализа / C. L. Wilson // IEEE Transactions on Biometrics. – 2022. – Vol. 14, No. 2. – P. 234–245.
22. Williams, R. F. Хаос в биологических системах: от тремора к походке : монография / R. F. Williams. – New York : Academic Press, 2019. – 345 p.

REFERENCES

1. Granovsky, G. L. Osnovy trasologii. Obshchaya chast' [Fundamentals of Traceology. General Part]. – Moscow: All-Union Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1965. – 124 p. (in Russian).
2. Belkin, R. S. Kurs kriminalistiki: v 3 t. T. 2: Chastnyye kriminalisticheskiye teorii. – 3-ye izd., dop. [Course of Criminalistics: in 3 vols. Vol. 2: Private Criminalistic Theories. – 3rd ed., enlarged]. – Moscow: Yurist, 2001. – 463 p. (in Russian).
3. Lenin, V. I. Materializm i empiriokrititsizm [Materialism and Empirio-Criticism]. Polnoye sobraniye so-chineniy. T. 18. – Complete Works. Vol. 18. – Moscow: Publishing House of Political Literature, 1968. – P. 7–384. (in Russian).
4. Vasiliev, A. N. Filosofskiy osnovy kriminalistiki [Philosophical Foundations of Criminalistics]. – Moscow: Yurlitinform, 2016. – 240 p. (in Russian).
5. Baranov, I. A. Filosofskiy osnovaniya kriminalisticheskoy teorii sleddobrazovaniya : dis. ... kand. filos. nauk. [Philosophical Foundations of the Criminalistic Theory of Trace Formation : Dissertation of Candidate of Philosophical Sciences]. Moscow, 2020. – 189 p. (in Russian).
6. Urry, J. Mobilities / trans. from English by A. V. Lazarev. – Moscow: Publishing and Consulting Group "Praxis", 2012. – 576 p.

7. Rossinskaya, E. R. K voprosu ob osnovnykh zakonomernostyakh i sisteme teo-rii informatsionno-komp'yuternogo obespecheniya kriminalisticheskoy deyatel'-nosti [On the Main Regularities and System of the Theory of Information and Computer Support of Criminalistic Activity]. Aktual'nyye problemy kriminalistiki i sudebnoy ekspertizy. Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii – Current Problems of Criminalistics and Forensic Examination. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, 2019. – P. 11–15. (in Russian).
8. Yablokov, N. P. Kriminalistika : uchebnik i praktikum dlya vuzov. — 3-ye izd., pererab. i dop.[Criminalistics : Textbook and Practical Course for Universities. — 3rd ed., revised and enlarged]. — Moscow : Yurait Publishing House, 2023. (in Russian).
9. Locard, E. The Police and Scientific Methods / E. Locard. – Paris : Payot, 1934. – 83 p.
10. Burke, R. E. The Neuronal Basis of Motor Control : Monograph / R. E. Burke. – Cambridge, MA : MIT Press, 2018. – 256 p.
11. Kriminalistika : uchebnik [Criminalistics : Textbook] / ed. by A. F. Volynsky, V. P. Lavrov. — 2nd ed., revised and enlarged. — Moscow : UNITY-DANA : Law and Right, 2015. — 943 p. (in Russian).
12. Alekseev, L. S. Volnovaya teoriya sledoobrazovaniya. [Wave Theory of Trace Formation]. – Moscow: Yurlitinform, 2018. – 256 p. (in Russian).
13. Benti, D. E., Murray, J. D. // Journal of Nonlinear Science. — 1992. — Vol. 2, No. 4. — P. 453–480.
14. Schneickert, G. The Criminal's Secret and the Ways to Reveal It (On the Doctrine of Judicial Evidence) / G. Schneickert ; trans. from German, ed. by P. I. Lyublinsky. – Moscow : Law and Life, 1925. – 64 p. (in Russian).
15. Shakirov, K. N. Metod topograficheskogo modelirovaniya kak sposob resheniya kriminalisticheskikh identifikatsionnykh zadach [The method of topographic modeling as a means of solving forensic identification tasks]. Bulletin of KazNU. Series: International Relations and International Law. – 2015. – No. 2 (70). – P. 303. (in Russian).
16. Holubova, R., Straus, J., Slezáková, J. Sudebnaya ekspertiza i fizika [Forensics and Physics]. — Newcastle upon Tyne : Cambridge Scholars Publishing, 2022. — 189 p. (in Russian).
17. Koldin, V. Ya., Polevoy, N. S. Informatsionnyye protsessy i struktury v kriminalistike. [Information Processes and Structures in Criminalistics]. — Moscow: Moscow State University Press, 1985. (in Russian).
18. Vozgrin, I. A. Nauchnyye osnovy kriminalisticheskoy metodiki rassledovaniya prestupleniy : kurs lektsiy. [Scientific Foundations of the Criminalistic Methodology of Crime Investigation : Course of Lectures. Part IV]. — St. Petersburg : St. Petersburg Law Institute, 1993. – P. 26. (in Russian).
19. Cremer, H. F. Tremor and Motor Control: A Biometric Perspective / H. F. Cremer // Journal of Biomechanics. – 2019. – Vol. 45, No. 8. – P. 301–308.
20. Jørgensen, K. E. Topology and Information in Biological Systems : Monograph / K. E. Jørgensen. — Copenhagen : Springer, 2019. — 189 p.

21. Wilson, C. L. Machine Learning for Forensic Biomechanical Analysis / C. L. Wilson // IEEE Transactions on Biometrics. – 2022. – Vol. 14, No. 2. – P. 234–245.

22. Williams, R. F. Chaos in Biological Systems: From Tremor to Gait : Monograph / R. F. Williams. – New York : Academic Press, 2019. – 345 p. (in Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Березин Дмитрий Валерьевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры общей юриспруденции. Российский государственный социальный университет. 129226, Российская Федерация г. Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 4, стр. 1.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dmitry V. Berezin, Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor, Department of General Jurisprudence. Russian State Social University. 4 Wilhelm Pik St., Bldg. 1, Moscow, Russian Federation, 129226.

Научная статья
УДК 343.9

О КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРИСВОЕНИЯ ИЛИ РАСТРАТЫ, СОВЕРШАЕМЫХ НА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОМ ТРАНСПОРТЕ

Татьяна Николаевна Борисовская

Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина,
г. Белгород, Российская Федерация, borisovskaya_88@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрена криминалистическая характеристика расследования присвоения или растраты, совершаемых на железнодорожном транспорте, на основе обращения автора к теоретическим положениям учения о криминалистической методике, ее соотношение с криминалистической характеристикой рассматриваемых форм хищений. Обосновывается научно-практическое значение изучаемой криминалистической категории для повышения эффективности деятельности предварительного расследования преступлений данного вида.

Ключевые слова: криминалистическая методика; криминалистическая характеристика расследования; присвоение или растрата, совершаемые на железнодорожном транспорте; следственные ситуации; следственные версии

Для цитирования: Борисовская Т. Н. О криминалистической характеристике расследования присвоения или растраты, совершаемых на железнодорожном транспорте // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2026. Т. 39. № 3. С. 25–34.

ON THE CRIMINALISTICS OF INVESTIGATION OF MISAPPROPRIATION OR EXPENDITURE COMMITTED ON RAILWAY TRANSPORT

Tatiana. N. Borisovskaya

Institute of the MIA of Russia named after I.D. Putilin, Belgorod,
Russian Federation, borisovskaya_88@mail.ru

Abstract. The article examines the forensic characteristics of the investigation of embezzlement or waste committed on railway transport, based on the author's reference to the theoretical principles of forensic methodology and its relationship to the forensic characteristics of the forms of theft under consideration. The article substantiates the scientific and practical significance of the forensic category under study for improving the efficiency of the preliminary investigation of crimes of this type.

Keywords: criminalistic methodology; criminalistic characteristics of the investigation; embezzlement or embezzlement committed on railway transport; investigative situations; investigative versions

For citation: Borisovskaya T. N. O kriminalisticheskoy kharakteristike rassledovaniya prisvoyeniya ili rastraty, sovershayemykh na zheleznodorozhnom transporte [On the criminalistics of investigation of misappropriation or expenditure committed on railway transport]. Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra = Forensics: yesterday, today, tomorrow. 2026, vol.39 no. 3, pp. 25–34 (in Russ.).

Введение

Криминалистическая характеристика расследования преступлений¹ является структурным элементом криминалистической методики расследования. Введена в научный криминалистический оборот профессором В. К. Гавло, поддержано В. А. Образцовым, С. Ю. Косаревым, другими учеными-криминалистами² и представляет собой систему типичных данных об организации и производ-

стве расследования преступления, призванных служить практическим руководством для следователей (дознавателей). Имеет методологическое и прикладное значение. Она отражает систему типичных признаков и свойств события преступления, закономерные связи между которыми служат основой для выдвижения версий и планирования расследования, что позволяет следователю эффективно реагировать на изменения следственных ситуаций при расследовании [1].

В. К. Гавло отмечал: «...криминалистическая характеристика расследования преступлений – это единое понятие, составляющими которой являются криминалистическая характеристика предварительного расследования и криминалистическая характеристика судебного следствия» [2]. Он предложил различные виды следственных ситуаций (исходные, проверочные и др.) и ситуаций расследования, подчёркивая их значение для реализации тактики следственных действий. В. А. Образцов считал, что типовые модели следственных ситуаций могут быть использованы как основа для построения алгоритмов действий следователя на разных этапах расследования. Подход И. М. Лузгина к изучению криминалистической характеристики расследования отличается комплексностью и акцентом на динамике и тактике следственных ситуаций, необходимости выдвижения и проверки версий. Д. В. Ким и ряд современных ученых-криминалистов опреде-

¹ По мнению В. К. Гавло и Образцова В. А., криминалистически значимые данные, характеризующие типовые черты механизма преступлений на разных этапах расследования с учетом складывающихся следственных обстановок, личностных свойств субъектов раскрытия и расследования преступления, особенностей их взаимоотношений составляют информационную основу криминалистической характеристики расследования, в которой частные следственные ситуации, возникающие по ходу расследования, становятся ее компонентами (Маевский С. С. Сущность информационной структуры следственной ситуации // Вестник Брянского государственного университета. 2015. № 2. С. 235-237).

² Образцов В. А. Общие положения криминалистической методики расследования // Криминалистика: учебник. Москва, 1999. С. 588; Гавло В. К. Избранные труды / В. К. Гавло. Барнаул: Алтайский государственный университет. 2011. 850 с.; Косарев С. Ю. Криминалистические методики расследования преступлений: генезис, современное состояние, перспективы развития: специальность 12.00.09 «Уголовный процесс»: диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Косарев Сергей Юрьевич. Санкт-Петербург. 2005. 401 с.

ляют криминалистическую характеристику расследования как систему обобщенных сведений, обращенную на раскрытие механизма преступления в конкретно складывающихся следственных ситуациях [3].

Знание содержания следственной ситуации и механизма преступления во многом помогает определить направление расследования, детерминируя на первоначальном его этапе последовательность и сочетание неотложных следственных, оперативно-розыскных мероприятий и иных процессуальных действий. Способствует такому знанию криминалистическая характеристика расследования преступлений, что подтверждается состоявшимися научными исследованиями в области криминалистической методики (частными криминалистическими методиками), построение которых было осуществлено с использованием рассматриваемой нами научной категории (криминалистической характеристики расследования преступления)³.

Основная часть

Криминалистическая методика расследования присвоения или растраты, совершаемых на железнодоро-

жном транспорте, является частной по отношению к общей методике расследования преступлений в сфере экономики, совершаемых на железнодорожном транспорте [4]. Она представляет собой научно-обоснованную систему рекомендаций по организации и проведению расследования преступлений выделенного вида с учётом специфики железнодорожной транспортной отрасли экономики, включающей в себя познание закономерностей в деятельности лиц, обладающих особым административно-хозяйственным статусом по подготовке, совершению, сокрытию и противодействию расследования [5]. Методика строится на основе общих принципов криминалистики, но обязательно учитывает специфику транспортной отрасли экономики, сведения, характеризующие личность преступника, обстановку, способы совершения и сокрытия преступлений, следовую картину, характерную именно для железнодорожной транспортной сферы. Особенно важно учитывать, что субъектами таких преступлений выступают лица, которым имущество было вверено по службе, т. е. преступления совершаются с использованием служебного положения и зачастую сопряжены с фальсификацией документов.

Разрабатываемая нами частная методика расследования присвоения или растраты, совершаемых на железнодорожном транспорте, позволит следователям, учитывая особенности работы железнодорожных транспортных организаций и предприятий, их взаимодействие с различными службами, эффективно реагировать на специфику преступлений в железнодорожной транспортной сфере экономики, а также быстро адаптироваться к изменяющимся следственным ситуациям.

³ Кругликова О. В. Криминалистическая методика предварительного и судебного следствия по делам о мошенничествах, совершаемых в сфере потребительского кредитования: автореферат дис. ... кандидата юридических наук. Томск, 2011. 23 с; Цахуев А. В. Методика расследования участия на территории иностранного государства в вооруженном формировании, не предусмотренном законодательством данного государства, в целях, противоречащих интересам Российской Федерации: автореферат дис. ... кандидата юридических наук. Краснодар, 2023. 35 с.; Чиненов Е.В. Теоретические основы и практика расследования преступлений в сфере экономики, совершаемых на железнодорожном транспорте и объектах его инфраструктуры: автореферат дис. ... доктора юридических наук. Ростов-на-Дону, 2026. 49 с.

Говоря о системе частной криминалистической методики расследования присвоения или растраты, совершаемых на железнодорожном транспорте, следует отметить то, что она состоит из закономерных информационных структур, *двух групп криминалистических характеристик: криминалистической характеристики присвоения или растраты, совершаемых на железнодорожном транспорте, и криминалистической характеристики расследования* анализируемого вида преступлений. По своим количественным и качественным показателям данные подсистемы являются взаимосвязанными компонентами, что обеспечивает комплексный подход к расследованию [6].

Криминалистическая характеристика расследования присвоения или растраты, совершаемых на железнодорожном транспорте, состоит из деятельности субъектов, которые осуществляют расследование по уголовному делу, и ситуаций, складывающихся в ходе этой деятельности. При этом основным содержанием деятельности субъекта доказывания при решении задач расследования является правильное уяснение криминально значимой информации, установление всех обстоятельств преступления, механизма преступления, сбор неопровержимых доказательств преступления и изобличение виновного лица. К функциям этой деятельности можно отнести поиск, обнаружение информации о преступлении и ее познание, т. е. придание этой информации статуса доказательств путем собирания, проверки и оценки.

Криминалистическая характеристика расследования присвоения или растраты, совершаемых на железнодорожном транспорте, начинает функционировать, когда следовательно поступает криминалистически значимая информация о расследуе-

мом преступлении. Она, объединяя сведения о закономерностях механизма расследования, позволяет ее анализировать, управлять процессом расследования и принимать законные процессуальные решения.

Задачей криминалистической характеристики расследования изучаемого вида преступлений является выделение особенностей складывающихся следственных ситуаций, изучение их содержания, разработка рекомендаций по планированию расследования, выдвижению и проверке версий, а также проведению отдельных следственных действий, оперативно-розыскных мероприятий, иных организационно-технических действий и тактических операций, обеспечивающих реализацию целей уголовного судопроизводства.

Содержание охватывает комплекс сведений, касающихся первоначального, последующего и заключительного этапов расследования:

- об исходных следственных ситуациях, складывающихся на момент возбуждения уголовного дела, и ситуациях, возникающих на различных этапах расследования;

- о способах, приемах и методах собирания, исследования и использования доказательств, основываясь на данных криминалистической характеристики применительно к следственным ситуациям, версионным процессам, планированию, взаимодействию в целях обеспечения задач предварительного расследования [7].

Типичные следственные ситуации по делам о расследовании присвоения или растраты, совершаемых на железнодорожном транспорте, во многом зависят от объема и характера исходной информации. Выделим несколько типичных следственных ситуаций:

1. Установлено подозреваемое лицо и место совершения преступления (например, конкретный вагон, склад

ГСМ, подвижной состав), но не изъято похищенное имущество. В этом случае основной задачей следствия становится фиксация следов хищения, проведение инвентаризации, назначение экспертиз для определения размера ущерба и подтверждение факта недостачи.

2. Установлено подозреваемое лицо, изъято полностью или частично похищенное имущество, однако неизвестно точное место его присвоения или растраты (например, топливо было обнаружено у лица при попытке реализации вне территории железной дороги). Здесь акцент делается на установление места и времени совершения преступления, выявление круга свидетелей из числа сотрудников станции, депо, склада, а также анализ документов учета.

3. Факт недостачи выявлен в ходе ревизии или инвентаризации, но конкретное виновное лицо не установлено. Это наиболее сложная ситуация, требующая проведения комплекса оперативно-розыскных мероприятий: анализа приходно-расходной документации, допроса материально ответственных лиц, проверки их алиби, выявления возможных соучастников и мотивов преступления. Установление недостачи в ходе ревизии или инвентаризации является лишь информационным поводом для начала расследования, но не является автоматическим доказательством хищения или вины конкретного лица.

В зависимости от конкретной ситуации определяется тактика производства отдельных следственных действий: осмотров мест происшествия, выемок документов, обысков, допросов, очных ставок, а также необходимость назначения бухгалтерских, товароведческих, технических и других экспертиз [8]. Важным элементом расследования является документальное закрепление признаков состава пре-

ступления (размер ущерба, способ хищения, наличие умысла) и правильная квалификация деяния с учетом специфики железнодорожного транспорта.

Как уже отмечалось выше, первоначальный этап расследования данной категории преступлений осуществляется в условиях информационной неопределённости. Информация может быть фрагментарной, противоречивой или отсутствовать вовсе, что требует от следователя и оперативных сотрудников максимальной мобилизации сил и средств, применения комплекса криминалистических и оперативно-розыскных методов и средств для установления истины, изобличения виновных и возмещения материального ущерба.

В целях преодоления указанных трудностей на начальном этапе расследования ключевое значение приобретает выдвижение и проверка следственных версий. Они служат рабочей гипотезой, которая позволяет систематизировать поисковую деятельность следователя, определить круг проверяемых фактов и установить последовательность проведения следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий. Именно выдвижение и проверка версий позволяют превратить хаотичный сбор разрозненных фактов в целенаправленный процесс по установлению истины.

Типичные следственные версии по делам о присвоении или растрате на железнодорожном транспорте строятся с учетом специфики железнодорожной транспортной отрасли, особенностей учета материальных ценностей (особенно ГСМ), а также должностных полномочий подозреваемых. В зависимости от исходных данных и характера выявленных нарушений выделим основные типичные для данной категории преступлений следственные версии:

1. Хищение совершено материально ответственным лицом путем использования своих служебных полномочий для противоправного обращения вверенного имущества в свою пользу. Версия предполагает проверку фактов фиктивного списания товарно-материальных ценностей, оформления подложных документов, искажения данных бухгалтерского учета и другое.

2. Сговор группы лиц. Хищение организовано группой сотрудников железной дороги (например, диспетчеры, машинисты, работники службы движения), которые действуют согласованно: один обеспечивает доступ к имуществу, другой – оформляет документы, третий – вывозит похищенное. В таких случаях проверяется наличие устойчивых связей между сотрудниками, совпадение их смен, анализируются записи видеонаблюдения и журналы доступа и другое.

3. Использование служебного положения руководителем. Высокопоставленные должностные лица используют свои распорядительные полномочия для совершения присвоения или растраты: заключение фиктивных договоров на поставку материалов или выполнение работ, завышение сметной стоимости проектов, вывод средств через подставные фирмы. Эта версия часто проверяется при расследовании крупных хищений, связанных со строительством объектов инфраструктуры или ремонтом подвижного состава.

4. Замена качественного имущества менее ценным. При инвентаризациях фиксируется не только недостача, но и пересортица – замена одних видов (категорий, сортов) другими, аналогичными, но обладающими худшими свойствами или ценой. Данная версия указывает на возможный умысел на систематическое хищение с сокрытием следов за счет манипуляций с документами.

5. Искажение данных первичного учета. Недостача возникла вследствие умышленного внесения ложных сведений в бухгалтерскую и складскую документацию, что маскирует фактическое изъятие имущества. В рамках этой версии проводится комплексная экспертиза документов, допрос ответственных за учет лиц и другие следственные мероприятия.

6. Вовлечение сторонних лиц. К совершению хищения привлекаются сотрудники сторонних организаций, осуществляющих ремонт, обслуживание техники или поставки запчастей. Проверяются договоры, акты выполненных работ, счета-фактуры на предмет фиктивности операций и прочая документация.

7. Недостача вызвана объективными причинами. Выдвигается контрверсия для исключения ошибки или инсценировки преступления: естественная убыль, технологические потери, неисправность измерительных приборов, ошибка в учете. Для проверки этой версии назначаются судебные технические и товароведческие экспертизы.

Выбор конкретной версии зависит от результатов ревизии, первичной информации о способе хищения, личности подозреваемого и наличия признаков организованной деятельности. Каждая из версий подлежит тщательной проверке посредством проведения инвентаризации, выемки документов, назначения судебных экспертиз и анализа систем контроля доступа и видеонаблюдения.

В процессе расследования криминалистическая характеристика расследования оптимизирует работу субъектов расследования и помогает избежать тактических ошибок. Незнание криминалистической характеристики расследования присвоения или растраты, совершаемых на железнодорожном транспорте, может

привести к ряду негативных последствий. Среди них:

- недостаточный анализ ситуации, неверные версии, выводы и поспешные процессуальные решения;
- ошибки в квалификации преступлений;
- неполнота расследования, т. е. невыполнение необходимого комплекса следственных и процессуальных действий, необходимых для установления объективности и истины по уголовному делу;
- нарушения при оформлении документов;
- несоблюдение уголовно-процессуального законодательства;
- технико-криминалистические ошибки, неправильное использование криминалистических методов и средств при проведении следственных действий, ошибки в фиксации и изъятии доказательств;
- утрата возможности получения достаточных доказательств (несвоевременное принятие решений или действий, а также волокита может привести к утрате важных улик);
- привлечение невиновных лиц к уголовной ответственности и другие последствия.

Напротив, правильное понимание и знание криминалистической характеристики расследования присвоения

или растраты, совершаемых на железнодорожном транспорте, помогает следователю грамотно планировать расследование, выбирать тактику проведения следственных действий и в целом эффективно расследовать уголовное дело, способствуя снижению латентности преступных деяний, повышению раскрываемости, разработке мер профилактики и предупреждения рассматриваемых хищений, а также формированию у следователей и оперативных сотрудников навыков работы в специфических условиях функционирования железнодорожной транспортной отрасли экономики.

Выводы и заключение

Криминалистическая характеристика расследования – значимый элемент частной методики расследования присвоения или растраты, совершаемых в специфических условиях функционирования железнодорожного транспорта, обеспечивающий системный подход к раскрытию и расследованию преступлений. Знание системы ее взаимосвязанных элементов позволяет следователю определить круг подозреваемых и спланировать тактику сбора доказательств, смоделировать верный ход расследования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Комаров, И. М. Информационная структура следственной ситуации и ее отношение к системе криминалистической характеристики расследования // Белгородские криминалистические чтения: сборник научных трудов. Белгородский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации им. И. Д. Путилина, 2018. С. 111–118.
2. Маевский, С. С. Сущность информационной структуры следственной ситуации // Вестник Брянского государственного университета. 2015. № 2. С. 235–237.
3. Ким, Д. В. Криминалистическая характеристика расследования преступлений как результат разрешения следственных ситуаций // Известия Алтайского государственного университета. 2000. № 2. С. 43–47. Он же: Следственная ситуация как информационно-познавательная

система в деятельности по расследованию преступлений: по материалам корыстно-насильственных преступлений. автореф. дис. ... к-та юрид. наук. Томск, 1999. 207 с.

4. Чиненов, Е. В. Теоретические основы и практика расследования преступлений в сфере экономики, совершаемых на железнодорожном транспорте и объектах его инфраструктуры: автореферат дис. ... доктора юридических наук. Ростов-на-Дону, 2026. 49 с.

5. Грибунов, О. П., Александров А. Н. Преступления на транспорте как самостоятельный объект криминалистики // Современное уголовно-процессуальное право России – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования: Сборник материалов Международной научно-практической конференции. Орёл: Орловский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В. В. Лукьянова, 2017. С. 134 –139.

6. Рогова, Е. В., Грибунов, О. П., Каламбаев, А. Г., Ивушкина, О. В. Расследование преступлений, совершаемых на железнодорожном транспорте. Иркутск: Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2012. 107 с.

7. Корчагин, А. А. Криминалистическая характеристика предварительного расследования как структурный компонент криминалистической методики предварительного и судебного следствия по делам об убийствах // Известия Алтайского государственного университета. 2012. № 2–2(74). С. 112–116.

8. Малыхина, Е. А. Методика расследования хищений комплектующих деталей объектов железнодорожного транспорта: специальность 12.00.12 «Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность»: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук, 2018. 196 с.

9. Степаненко, Д. А. Алгоритмизация поисково-познавательной деятельности лица, ведущего расследование: основания, возможности, проблемы // Российский следователь. 2016. № 10. С. 3–7.

10. Варданын, А. В., Грибунов О. П. Современная доктрина методико-криминалистического обеспечения расследования отдельных видов преступлений // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2017. № 2(81). С. 23-35.

11. Волчецкая, Т. С. Ситуационное моделирование в расследовании преступлений: дисс. ... канд. юрид. наук. Москва. 1991. 173 с.

12. Фойгель, Е. И. Современный структурно-методологический подход к криминалистическому учению о человеке // Российский журнал правовых исследований. 2016. Т. 3, № 3(8). С. 212 –218.

REFERENCES

1. Komarov, I. M. Informatsionnaya struktura sledstvennoy situatsii i yeye otnosheniye k sisteme kriminalisticheskoy kharakteristiki rassledovaniya [The

Information Structure of the Investigative Situation and Its Relationship to the System of the Forensic Characterization of the Investigation]. Belgorodskiy kriminalisticheskiy chteniya: sbornik nauchnykh trudov. – Belgorod Forensic Readings: Collection of Scientific Papers. I. D. Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2018. Pp. 111–118. . (in Russian)

2. Maevsky, S. S. Sushchnost' informatsionnoy struktury sledstvennoy situatsii [The Essence of the Information Structure of the Investigative Situation]. Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta. – Bulletin of Bryansk State University. 2015. No. 2. Pp. 235–237. . (in Russian)

3. Kim, D. V. Kriminalisticheskaya kharakteristika rassledovaniya prestupleniy kak rezul'tat razresheniya sledstvennykh situatsiy [Forensic Characterization of Crime Investigation as a Result of Resolving Investigative Situations]. Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta. – Proceedings of Altai State University. 2000. No. 2. Pp. 43–47. Idem: The Investigative Situation as an Information-Cognitive System in Crime Investigation Activities: Based on Materials Regarding Crimes Involving Profit Motives and Violence. Abstract of Candidate of Legal Sciences Dissertation. Tomsk, 1999. 207 p. (in Russian)

4. Chinenov, E. V. Teoreticheskiye osnovy i praktika rassledovaniya prestupleniy v sfere ekonomiki, sovershayemykh na zheleznodorozhnom transporte i ob'yektakh yego infrastruktury: avtoreferat dis. ... doktora yuridicheskikh nauk. [Theoretical Foundations and Practice of Investigating Economic Crimes Committed in Railway Transport and on Its Infrastructure Facilities: Abstract of Doctor of Legal Sciences Dissertation]. Rostov-on-Don, 2026. 49 p. . (in Russian)

5. Gribunov, O. P., Alexandrov, A. N. Prestupleniya na transporte kak samostoyatel'nyy ob'yekt kriminalistiki. [Transport-Related Crimes as an Independent Object of Forensic Science]. Sovremennoye ugolovno-protsessual'noye pravo Rossii – uroki istorii i problemy dal'neyshego reformirovaniya: Sbornik materialov Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii – Modern Criminal Procedural Law of Russia: Lessons of History and Problems of Further Reform: Collection of Materials from the International Scientific and Practical Conference. Oryol: V. V. Lukyanov Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2017. Pp. 134–139. (in Russian)

6. Rogova, E. V., Gribunov, O. P., Kalambaev, A. G., & Ivushkina, O. V. Rassledovaniye prestupleniy, sovershayemykh na zheleznodorozhnom transporte. [Investigation of Crimes Committed in Railway Transport]. Irkutsk: East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2012. 107 p. (in Russian)

7. Korchagin, A. A. Kriminalisticheskaya kharakteristika predvaritel'nogo rassledovaniya kak strukturnyy komponent kriminalisticheskoy metodiki predvaritel'nogo i sudebnogo sledstviya po delam ob ubiystvakh. [Forensic Characteristics of the Preliminary Investigation as a Structural Component of

Forensic Methodology for Pre-trial and Judicial Investigation of Homicide Cases]. Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Altai State University, 2012, No. 2–2(74), Pp. 112–116. . (in Russian)

8. Malykhina, E. A. Metodika rassledovaniya khishcheniy komplektuyushchikh detaley ob'yektov zheleznodorozhnogo transporta [Methodology for Investigating the Theft of Components from Railway Transport Facilities]: Specialty 12.00.12 "Forensic Science; Forensic Expert Activity; Operational-Investigative Activity": Dissertation for the Degree of Candidate of Legal Sciences, 2018. 196 p. . (in Russian)

9. Stepanenko, D. A. Algoritmizatsiya poiskovo-poznavatel'noy deyatel'nosti litsa, vedushchego rassledovaniye: osnovaniya, vozmozhnosti, problemy [Algorithmization of the Investigative Officer's Search and Cognitive Activity: Grounds, Possibilities, and Problems]. Rossiyskiy sledovatel'. – Russian Investigator. 2016. No. 10, Pp. 3–7. . (in Russian)

10. Vardanyan, A. V., & Gribunov, O. P. Sovremennaya doktrina metodiko-kriminalisticheskogo obespecheniya rassledovaniya otdel'nykh vidov prestupleniy [Modern Doctrine of Methodological and Forensic Support for the Investigation of Specific Types of Crimes.] Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. – Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. No. 2(81). Pp. 23–35. . (in Russian)

11. Volchetskaya, T. S. Situatsionnoye modelirovaniye v rassledovanii prestupleniy: diss. ... kand. yurid. nauk. [Situational Modeling in Crime Investigation]: Dissertation for the Degree of Candidate of Legal Sciences. Moscow, 1991. 173 p. 12. (in Russian)

12. Foygel, E. I. A Sovremennyy strukturno-metodologicheskii podkhod k kriminalisticheskomu ucheniyu o cheloveke [Modern Structural-Methodological Approach to the Forensic Doctrine of the Individual]. Rossiyskiy zhurnal pravovykh issledovaniy. – Russian Journal of Legal Studies. 2016. Vol. 3, No. 3(8). Pp. 212–218. (in Russian)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Борисовская Татьяна Николаевна, старший преподаватель кафедры криминалистики. Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина. 308024, Российская Федерация, г. Белгород, ул. Горького, 71.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tatyana N. Borisovskaya, Senior Lecturer at the Department of Criminalistics. I.D. Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 71 Gorkogo St., Belgorod, , Russian Federation, 308024.

Научная статья
УДК: 343.98

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ДОКАЗЫВАНИИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Евгений Анатольевич Дубынин¹, Елена Евгеньевна Космодемьянская²

¹Сибирский Федеральный Университет, юридический институт, г. Красноярск, Российская Федерация, dubynin.evgenii@mail.ru

²Сибирский юридический институт МВД России, г. Красноярск, Российская Федерация, kontra2505@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы о возможностях использования интеллектуальных систем, которые способны имитировать когнитивные функции человека, а именно технологии искусственного интеллекта, для решения задач уголовного судопроизводства на различных этапах и стадиях этого процесса. В частности, изложены подходы по применению программных средств сбора и анализа информации на стадии досудебного производства на этапах поиска преступника, предварительного расследования в отношении конкретного подозреваемого, производства экспертных исследований, а также на стадии судебного производства, в том числе при принятии решений субъектом правоприменения. Проанализированы критерии допустимости использования технологии искусственного интеллекта с позиций ненарушения конституционных прав и свобод гражданина, а также даны некоторые рекомендации относительно этических, процессуальных, криминалистических и технических аспектов использования данной технологии в процессе доказывания по уголовным делам.

Ключевые слова: интеллектуальные системы, искусственный интеллект, доказывание по уголовному делу, поиск преступника, программное обеспечение расследования преступлений, оценка доказательств, алгоритм принятия решений, прогнозирование, криминалистическая профилактика

Для цитирования: Дубынин Е. А., Космодемьянская Е. Е. К вопросу об использовании искусственного интеллекта в доказывании по уголовным делам // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2026. Т. 39. № 3. С. 35–47.

ON THE ISSUE OF USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN PROVING CRIMINAL CASES

Evgeny A. Dubynin¹, Elena E. Kosmodemyanskaya²

¹Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation, dubynin.evgenii@mail.ru

²Siberian Law Institute of the MIA of Russia, Krasnoyarsk, Russian Federation, kontra2505@mail.ru

Abstract. The article discusses issues related to the potential use of intelligent systems that can imitate human cognitive functions, specifically artificial intelligence technologies, for solving tasks in criminal proceedings at various stages of the process. In particular, it outlines approaches to using software tools for collecting and analyzing information during the pre-trial phase, including searching for a criminal, preliminary investigation concerning a specific suspect, conducting forensic examinations, as well as during the trial phase, including when a law enforcement official makes decisions. The article also analyzes criteria for the permissibility of using artificial intelligence technology from the perspective of not violating citizens' constitutional rights and freedoms, and provides some recommendations regarding ethical, procedural, forensic, and technical aspects of using this technology in the process of proving criminal cases.

Keywords: intelligent systems, artificial intelligence, proving in a criminal case, searching for a criminal, crime investigation software, evidence evaluation, decision-making algorithm, forecasting, forensic prevention.

For citation: Dubynin E. A., Kosmodemyanskaya E. E. K voprosu ob ispolzovanii iskusstvennogo intellekta v dokazyvanii po ugovnym delam [On the use of artificial intelligence in proving criminal cases]. *Kriminalistika: vchera segodnya, zavtra* = Forensics: yesterday, today, tomorrow. 2026, vol. 39, no 3, pp. 35–47 (in Russ.).

Введение

Развитие ИИ стало неотъемлемой частью жизни современного человека, что позитивно проявляется во многих сферах жизнедеятельности. Так, благодаря ИИ стала возможной автоматизация решения ряда рутинных задач на производстве и, как результат, высвобождение человеческих ресурсов; более точная диагностика заболеваний и, вследствие этого, ранняя постановка диагноза в здравоохранении; разработка персонализированных образовательных траекторий, что способствует повышению качества обучения, и т. д.

Согласно Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, утвержденной Указом Президента РФ от 10.10.2019 № 490 (ред. 15.02.2024 г. №124) «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации», под искусственным интеллектом понимается «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопо-

ставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе то, в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений»¹.

Использование ИИ в юриспруденции представляет собой революционный сдвиг, обещающий трансформировать методы исследования, анализа и принятия решений в правовой сфере. Эта область, в силу своей сложности, объемности и необходимости учитывать множество переменных, идеально подходит для применения передовых алгоритмов машинного обучения и анализа больших данных и прогнозирования.

¹ Электронный ресурс:
<https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=471786&ysclid=mgrea3rtl8512221375> (дата обращения 24.10.2025).

Одним из перспективных направлений является использование ИИ в уголовном процессе и криминалистике для сбора и оценки доказательств в рамках расследования преступлений и прогнозирования исхода по конкретному уголовному делу и в профилактических целях в целом.

Основная часть

Использование ИИ в процессе доказывания по уголовному делу представляет собой сложную и многогранную проблему, сочетающую в себе как огромный потенциал, так и серьезные вызовы. С одной стороны, ИИ способен значительно повысить эффективность и точность расследования преступлений, автоматизируя анализ больших объемов данных, выявляя скрытые закономерности и устанавливая связи, которые могут быть упущены человеком. Алгоритмы машинного обучения могут использоваться для анализа свидетельских показаний, идентификации подозреваемых по фото- и видеоматериалам, прогнозирования вероятных мест совершения преступлений и даже для оценки рисков повторного совершения преступлений. Однако с другой стороны, применение ИИ в уголовном процессе поднимает ряд серьезных вопросов, касающихся соблюдения прав человека, обеспечения прозрачности и справедливости судебного разбирательства. Возникают опасения относительно возможности предвзятости алгоритмов, ошибок в анализе данных и злоупотреблений со стороны правоохранительных органов. Не менее важным является вопрос об ответственности за ошибки, допущенные ИИ, и о том, как обеспечить возможность обжалования решений, принятых на основе анализа, проведенного искусственным интеллектом. Дальнейшее развитие и внедрение ИИ в уголовное судопроизводство требует тщатель-

ной проработки правовых и этических аспектов, разработки четких регулирующих норм и механизмов контроля, а также обеспечения достаточной квалификации специалистов, работающих с ИИ.

Каковы же положительные и отрицательные моменты использования ИИ в доказывании по уголовным делам?

Как известно, ИИ позволяет проводить анализ больших объемов информации (данных) за короткий промежуток времени, в частности, аудио-, видеозаписи, данные из социальных сетей, голосовые сообщения, движение денежных средств, текстовую информацию, выявляя скрытые закономерности, которые человеческий мозг не всегда способен «увидеть».

Еще одно важное направление применения ИИ – распознавание лиц по фото- и видеоизображениям, расшифровка содержания аудиозаписей, разработка критериев экспертной оценки, что, несомненно, высвобождает время субъекту доказывания.

Одним из обстоятельств, подлежащих доказыванию, является установление причин и условий, способствовавших совершению преступления (ч. 2 ст. 73 УПК РФ). Кроме этого, согласно ч. 2 ст. 158 УПК РФ, установив в ходе досудебного производства по уголовному делу обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, дознаватель, руководитель следственного органа, следователь вправе внести в соответствующую организацию или соответствующему должностному лицу представление о принятии мер по устранению указанных обстоятельств или других нарушений закона.

Исходя из этого посыла, немаловажное значение имеет прогнозирование преступности. Соответственно, ИИ может использоваться для анали-

за данных о преступности, выявления тенденций и прогнозирования вероятности совершения преступлений в определенных районах (местах) или в определенные периоды времени. Это может помочь в распределении ресурсов и принятии профилактических мер.

Кроме этого, ИИ может помочь решать более частные задачи в процессе расследования, такие как: распознавание и анализ изображений и видео для идентификации объектов, людей; выявления подозрительных действий и признаков, а также для создания 3D-моделей мест происшествий; анализ почерка и речи для установления личности автора, выявления лжи и других признаков, связанных с преступной деятельностью.

Наряду с очевидными плюсами использования ИИ в уголовном процессе существуют определенные риски.

Необходимо учитывать тот факт, что алгоритмы ИИ обучаются на данных, которые вносит конкретный специалист (группа специалистов) исходя из поставленных перед ними задач, и если эти данные не объективны (например, отражают дискриминацию в правоохранительной системе по какому-либо признаку), то это может привести к несправедливому обвинению или осуждению определенных лиц и лиц из определенных групп населения.

Не всегда алгоритмы ИИ понятны человеческому мозгу и объяснимы логически. Это зависит от качества данных, на которых строится обучение ИИ: некорректные, неполные или сфальсифицированные данные могут привести к ошибочным результатам. Кроме того, использование ИИ требует доступа к большому объему конфиденциальной информации, что требует разработки механизмов защиты персональных данных и ограничения доступа к ним.

Кроме этого, возникают сложные юридические вопросы, связанные с допустимостью использования доказательств, полученных с помощью ИИ, а также ответственностью за ошибки и предвзятости ИИ. Не менее важными и острыми встают вопросы этических рамок для использования ИИ в уголовном процессе.

Еще одной проблемой эффективного использования ИИ в уголовном процессе является недостаточная подготовка квалифицированных специалистов, которые бы понимали принципы работы ИИ, умели бы анализировать результаты его работы и оценивать их достоверность. Мы полагаем, что эта проблема аналогична проблеме подготовке специалистов-полиграфологов, когда от составленного теста и интерпретации результатов зависит раскрытие преступления.

Надо отметить, что по результатам использования ИИ велик риск манипулирования доказательствами, например, для создания фейковых видео или аудиозаписей (так называемые следственные хитрости), или для искажения результатов анализа данных. Кстати, это может быть продиктовано ложно понятыми целями служебной деятельности по раскрытию и расследованию преступлений – повышение процента раскрытия.

И, конечно, это снижение роли человеческого фактора, когда чрезмерное полагание на ИИ может привести к снижению роли критического мышления, интуиции и опыта человека, что может негативно сказаться на качестве расследования и судебного разбирательства.

В качестве примера можно привести случай, связанный с ложным обвинением ученого А. Цветкова в совершении убийства. 16.02.2023 года он был задержан в аэропорту Домодедово. Причиной задержания стало совпадение его лица на 55 % с со-

ставленным в 2003 году фотороботом потенциального преступника в совершении убийства². Несмотря на то что прямых доказательств у следствия не было, а у А. Цветкова было алиби (в момент совершения преступления он находился в рабочей командировке и совместно с другими учеными изучал водоемы в 250 км от места совершения преступления), ему было предъявлено обвинение и избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, где он содержался полгода. В марте 2024 года обвинения с ученого были сняты.

Подобный случай имел место в 2021 году в США с Майклом Уильямсом, 65-летним пенсионером из Чикаго, которого обвинили в убийстве из-за ошибки искусственного интеллекта. Полиция использовала систему ShotSpotter, которая с помощью тысяч микрофонов по всему городу вычисляла, где находился преступник, если происходила стрельба. Майкл Уильямс в это время подвозил соседа во время уличных беспорядков, а через месяц его арестовали в результате неправильной интерпретации результатов ИИ. На решение об аресте М. Уильямса также повлияло его прошлое – он в молодости привлекался к ответственности за убийство, грабеж и стрельбу из огнестрельного оружия³.

Искусственный интеллект применяется во многих странах. Так, в США он используется для прогнозирования преступности, анализа данных с камер видеонаблюдения, распознавания лиц, анализа данных в социальных сетях, а также для помо-

щи в принятии решений по освобождению под залог и назначению наказаний. Правоохранительные органы Великобритании применяют ИИ для анализа видеозаписей, поиска подозреваемых, анализа данных о преступности, а также для борьбы с киберпреступностью. Наиболее широко ИИ используется в Китае для распознавания лиц, анализа данных о преступности, мониторинга социальных сетей и для других целей, связанных с обеспечением общественной безопасности и контролем над населением.

В качестве примера использования ИИ в России можно привести системы видеонаблюдения «Безопасный город» для распознавания лиц; медиа-анализ, социальная аналитика, веб-аналитика, анализ социальных сетей и т. п.

Несомненно, использование ИИ в процессе доказывания по уголовным делам могло бы рационализировать этот процесс и повысить тем самым объективность и эффективность осуществления правосудия. Однако это требует разработки четких юридических и этических критериев, обеспечивающих при использовании ИИ соблюдение прав и свобод участников уголовного судопроизводства. Но в любом случае ИИ является лишь вспомогательным средством для субъекта расследования и доказывания, главной характеристикой которых является, все же, интеллект и опыт.

Этический аспект использования ИИ в процессе доказывания по уголовным делам является особенно важным вопросом, который требует более тщательного рассмотрения. ИИ, обладая огромным потенциалом для повышения эффективности расследования, одновременно создает значительные этические проблемы, которые необходимо решать для

² Электронный ресурс: <https://www.gazeta.ru/social/news/2023/12/11/21903061.shtml> (дата обращения 22.10.2025).

³ Электронный ресурс: https://www.theregister.com/2021/08/22/in_brief_ai/ (дата обращения 22.10.2025).

обеспечения справедливости, беспристрастности и защиты прав человека.

Как мы уже отмечали ранее, алгоритмы ИИ обучаются на конкретных данных. Важно, чтобы эти данные были свободны от сведений дискриминационного характера по любому признаку – расовому, гендерному, социально-экономическому и другим, поскольку это противоречило бы принципу, заложенному в Конституции РФ (ст. 19), – равенство перед законом, и могло бы привести к несправедливым или даже ошибочным решениям. Для исключения подобных проявлений потребуется использование разнообразных и репрезентативных наборов данных для обучения, а также регулярный мониторинг алгоритмов для выявления и устранения этих недостатков.

Используемые алгоритмы ИИ должны быть прозрачны и понятны участникам уголовного процесса, поскольку это позволит понять, на каких основаниях ИИ пришел к тому или иному выводу, насколько эти выводы обоснованы, можно ли эти выводы проверить другими методами на достоверность. Как известно, достоверность доказательств и всего расследования тесно связана с принципом справедливости. Соответственно, нарушение принципа справедливости, невозможность эффективного оспаривания решений, принятых на основе ИИ, повлечет снижение доверия к органам расследования и системе правосудия в целом.

Эти проблемы могут быть решены путем использования объяснимых методов ИИ, которые позволяли бы понять логику принятия решений, инструментов, которые можно было бы визуализировать и интерпретировать результаты работы ИИ.

Залогом объективности выводов, принятых на основе использования

ИИ, явилась бы возможность оспаривания использования систем, алгоритмов и достоверность полученных результатов сторонами в процессе.

Одной из ключевых этических проблем является защита персональных данных, поскольку ИИ часто требует доступа к большому объему личной информации, включая данные с камер видеонаблюдения, социальные сети, переписку и финансовые транзакции. Неправомерный доступ к этим данным или их ненадлежащее использование может нарушить базовые конституционные права граждан.

Решение этой проблемы возможно, с одной стороны, только на основе строгого соблюдения законодательства о защите персональных данных; ограничения доступа к данным; использования методов анонимизации и деидентификации данных о личности, а также в определенных случаях получения согласия на использование данных. С другой стороны, должна быть определена персональная ответственность за совершение ошибки, допущенной при использовании результатов ИИ. Однако проблема еще и в том, что сложно определить, кто должен отвечать за допущенную ошибку: разработчик алгоритма, поставщик данных, оператор системы, следовательно.

Поэтому необходима разработка четких юридических рамок, определяющих ответственность за решения, принимаемые ИИ, создание механизмов для расследования ошибок ИИ и определение прав и обязанностей всех участников процесса создания и использования ИИ и его результатов.

В процессе расследования у отдельных сотрудников велик соблазн во что бы то ни стало раскрыть преступление, для этого могут использоваться так называемые «следственные (тактические) хитрости» в целях

создания определенных иллюзий и введения в заблуждение подозреваемых и обвиняемых. Для дезинформации и манипулирования могут использоваться возможности ИИ по созданию фейковых видео, аудиозаписей, поддельных документов. В советский период «следственные хитрости» были вполне допустимы. Примерно с 60-х годов прошлого столетия по этому поводу продолжается дискуссия по вопросу, что есть прямой обман, а что – создание условий, когда бы допрашиваемое лицо неправильно оценивало сложившуюся следственную ситуацию.

Соответственно, ИИ может использоваться для создания и распространения дезинформации (дипфейков) на очень высоком уровне, что может повлиять на ход расследования и судебного разбирательства. В этом плане мы солидарны с М. С. Спиридоновым, который еще в 2023 году прогнозировал, что с развитием ИИ его доступность и, соответственно, широта использования в криминальной сфере будут только увеличиваться. Тогда он писал, что «легко можно представить себе использование дипфейка в банковском или страховом мошенничестве, а также в других подобных преступлениях» [1]. И вот в 2025 году Россию буквально захлестнуло удаленное мошенничество, в том числе с использованием дипфейков. При этом гарантий нет, что правоохранные органы тоже не воспользуются созданием дипфейков в целях «раскрытия преступления». Очень показателен пример из прошлого по созданию фейковой информации об убийстве.

Так, 29.09.2000 года в Москве сотрудниками правоохранных органов в целях ареста криминального авторитета Анатолия Быкова было инсценировано убийство красноярского преступного авторитета Вилора

Струганова (Паши Цветомузыки) и его охранника. Репортаж с выносом тел получил широкую огласку. По подозрению в совершении этого преступления был задержан А. Быков, ему было предъявлено обвинение и в итоге назначено наказание в виде лишения свободы⁴. Такая практика не единична и всегда вызывает вопрос о допустимости ее применения.

Для того чтобы исключить использование фейковой информации, искаженных фактов, необходима разработка методов для обнаружения и верификации поддельных данных, обучение работников правоохранительных органов новым методам анализа данных, а также введение строгих процессуальных правил для использования доказательств, полученных с помощью ИИ.

Вместе с тем существует риск неконтролируемого использования ИИ, что может привести к тому, что решения в уголовных делах будут основываться в большей степени на алгоритмах, а не на человеческом суждении, и в итоге нарушать принципы справедливости и беспристрастности. Для того чтобы этого избежать, необходима неотвратимая персональная ответственность следователя за результаты расследования и реальная совокупность собранных доказательств по делу.

Как мы уже отмечали выше, использование ИИ для прогнозирования преступлений может привести к необоснованному подозрению или уголовному преследованию невиновных лиц, что противоречит конституционному принципу презумпции невиновности, закрепленному в ст. 49 Конституции РФ. Здесь важно соблю-

⁴ Электронный ресурс: <https://www.kommersant.ru/doc/2713132?ysclid=mgrejfd5p7187845000> (дата обращения 21.10.2025)

сти баланс использования результатов ИИ и реально установленных фактов для принятия процессуального решения. Иными словами, важно, чтобы результаты работы ИИ не использовались в качестве единственного основания для принятия решений, и, кроме того, процент достоверности результатов, полученных с помощью ИИ, должен быть достаточно высок (полагаем, не менее 80 %).

В качестве дополнительного средства соблюдения этических принципов использования ИИ в процессе доказывания по уголовному делу, на наш взгляд, явилась бы разработка кодекса этики применения ИИ, который бы не подменял собой уголовно-процессуальное законодательство, но дополнял бы его и разъяснял рамки дозволенного и механизмы надзора и контроля.

Процессуальные аспекты использования ИИ в ходе доказывания по уголовным делам обусловлены тем фактом, что это порождает множество проблем, которые требуют детального изучения и выработки решений для обеспечения законности, справедливости и эффективности уголовного судопроизводства.

Краеугольной процессуальной проблемой является допустимость доказательств, полученных с использованием ИИ. Может ли являться информация, полученная с использованием ИИ, допустимым доказательством для уголовного преследования лица и вынесения справедливого решения в суде? Ответ связан с вопросами достоверности, надежности и, как уже отмечалось, предвзятостью алгоритмов ИИ.

На достоверность результатов использования ИИ в первую очередь влияет совершенство алгоритмов, их логики, обучения и валидации, а также качество вводных данных на предмет полноты и точности.

Любой результат, полученный с использованием ИИ, равно как и любое доказательство, должен пройти проверку с другими доказательствами, полученными традиционными методами, для подтверждения их соответствия.

Возникает закономерный вопрос: должно ли отражаться в материалах дела использование ИИ, и если да, то каким образом? А из этого вытекает проблема права стороны защиты на ознакомление с результатами ИИ.

Мы полагаем, что использование ИИ для прогнозирования поведения лиц, выработки стратегии при проведении следственных действий, а также в целях установления личности и розыска вероятного преступника не подлежит специальной фиксации в рамках уголовного дела. На наш взгляд, достаточно ограничиться справочной информацией лица (отдела) в виде рапорта, справки, где будет указано, какое ИИ было применено и какие результаты были достигнуты.

А вот использование алгоритмов ИИ при производстве экспертиз, без сомнения, является частью исследования и поэтому подлежит подробному описанию в экспертном заключении.

На этапе внедрения ИИ в процесс доказывания необходимо разработать положения в уголовно-процессуальном законодательстве, регулирующие использование ИИ, а также необходимы прецеденты, определяющие допустимость и порядок использования ИИ в уголовном процессе, т. е. нужна определенная наработка опыта в целях выявления закономерностей и эффективности для совершенствования законодательства. Примечателен случай, когда был обжалован приговор судьи Ейского городского суда на том основании, что при его подготовке был

использован ИИ, а его применение не регламентировано УПК РФ. Апелляционная инстанция Краснодарского краевого суда приговор оставила в силе, указав, что судебный акт «изложен в ясных и понятных выражениях», а «выбранная судом стилистика изложения определенных умозаключений не влияет на законность принятого судом решения, не противоречит нормам УПК». В этом плане интересна позиция самого защитника А. Аванесяна, обжаловавшего приговор. Он пояснил: «Я, пожалуй, даже сторонник того, чтобы приговоры писали нейросети, потому что в таком случае, они не смогут уклоняться от оценки всех доказательств, принимать недопустимые доказательства, закрывать глаза на явные нестыковки и противоречия в деле, отмахиваться от показаний свидетелей, заключений экспертов и прочего. ИИ не смог бы это делать, а человек может. Но тогда нейросеть должна писать приговор от начала и до конца, чтобы у человека не было возможности изымать оттуда объективные «неудобные» куски»⁵.

Касаясь **криминалистических аспектов** использования ИИ, следует отметить, что они охватывают широкий спектр задач, начиная от анализа данных до распознавания лиц и прогнозирования преступности.

Основные направления использования ИИ в криминалистике:

1. Автоматизация поиска, извлечения, анализа и интерпретация данных с различных цифровых устройств (компьютеров, смартфонов, серверов, облачных хранилищ), а также данных из социальных сетей, электронной почты, мессенджеров и т. д. Выявление скрытых связей, за-

кономерностей и противоречий в огромных массивах данных, что позволяет обнаруживать улики, схемы преступлений и связи между подозреваемыми лицами.

2. Классификация и распознавание изображений, видео, аудиофайлов, а также определение языковых стилей, выявление спама, фишинга, вредоносного ПО. Выявление цифровых следов: анализ метаданных, журналов событий, истории посещений веб-сайтов, чтобы установить обстоятельства преступления и найти доказательства причастности лица к преступному событию.

Идентификация лиц на видеозаписях, фотографиях, в базах данных, а также идентификация людей по другим биометрическим данным (отпечатки пальцев, радужная оболочка глаза, голос и т. д.) в настоящее время активно и повсеместно используется. Биометрическая система распознавания лиц «Визирь» как успешный метод зарекомендовала себя в 2020 году на Сахалине в условиях пандемии коронавируса, которая входила в аппаратно-программный комплекс «Безопасный город». За первые дни работы система выявила в островном регионе более 20 нарушителей карантина⁶. Но, как мы уже отмечали выше, важен высокий процент совпадений, чтобы исключить ошибки.

Перспективным направлением в использовании ИИ для выявления информации, имеющей отношение к преступлению, мы считаем анализ аудиозаписей, расшифровок текста, переписок, электронных писем, сообщений в социальных сетях.

С одной стороны, это распознавание речи, ее преобразование в

⁵ Электронный ресурс: <https://www.kommersant.ru/doc/8120207?tg> (дата обращения 20.10.2025)

⁶ Электронный ресурс: <https://sakhalinmedia.ru/news/929672/> (дата обращения 19.10.2025).

текст с автоматическим анализом для выявления ключевых слов, фраз, эмоций, установления авторства и контекста. Кроме этого, полагаем, использование ИИ может дать положительный эффект при производстве бесед и допросов в целях выявления признаков лжи (например, по изменениям в интонации, стилю изложения, выбору слов). Это будет примерным аналогом полиграфа.

3. Использование ИИ применимо и при производстве отдельных следственных действий и, в первую очередь, при осмотре мест происшествий, допросах и экспертизах.

По результатам осмотров мест происшествий возможны воссоздание картины преступления, анализ следов, траекторий, моделирование событий, оценка вероятности определенных сценариев. В настоящее время успешно используются программы для создания планов и схем мест происшествий, такие, например, как «Конструктор мест происшествий».

Также важен анализ данных о преступлениях в конкретных местах для оптимизации патрулирования, расстановки сил для осуществления профилактических мероприятий.

Использование ИИ в процессе допроса по уголовным делам – область, вызывающая одновременно интерес и серьезные этические вопросы. В настоящее время применение ИИ в этой сфере ограничено, но его потенциал для будущего значителен.

Сейчас ИИ в допросах используется в основном для анализа невербального поведения. Системы анализируют видеозаписи допросов, оценивая мимику, жесты, тон голоса, позу тела и другие невербальные признаки с целью выявления признаков лжи, стресса, скрытности.

Вместе с тем эффективность таких систем ставится под сомнение из-

за отсутствия однозначной связи между невербальными признаками и ложью. Устройства лишь фиксируют физиологические реакции человека на допросе, а интерпретацией этих реакций, в конечном счете, занимается человек.

Допустимость результатов анализа невербального поведения в качестве доказательства в настоящее время вызывает определенные сомнения и споры у практиков и теоретиков.

Будущее использования ИИ в допросах может быть более масштабным, но требует, как мы уже отмечали, решения многих этических, юридических и технических проблем. Это развитие технологий – алгоритмов анализа физиологических реакций организма человека, использование чат-ботов, способных формулировать и задавать вопросы исходя из имеющейся и полученной в ходе допроса информации, анализировать ответы и адаптировать стратегию допроса в режиме реального времени.

Отдельные авторы предлагают использование чат-ботов для допросов потерпевших, поскольку это снижает напряженность у допрашиваемого лица. Сам чат-бот должен выглядеть как полицейский, при этом желательно имитировать расовое, этническое и культурное сходство с потерпевшим [2].

Думается, что для эффективного допроса и получения полной картины обстоятельств совершения преступления должна быть предусмотрена интеграция ИИ с другими системами, например, базами данных, системами распознавания лиц, системами анализа социальных сетей.

Кроме этого, требуется подготовка пользователей этими системами – следователей. Для этого требуется разработка симуляторов, использующих ИИ, для создания реали-

стичных сценариев допросов, а также повышение квалификации следователей, совершенствование навыков ведения допроса.

При проведении экспертизы ИИ позволит автоматизировать многие процессы, например исследование подписей, почерка, оружия, отпечатков. В настоящее время уже используется автоматизированная дактилоскопическая информационная система (АДИС) «Папилон», позволяющая произвести сравнение следов с базой данных в целях предварительного установления личности.

4. Возможности ИИ могут быть применимы и в профилактических целях, например, для прогнозирования будущих преступлений, определения мест, где они могут произойти, и выявления лиц, которые могут быть вовлечены в преступную деятельность. В свое время этой проблеме была посвящена часть диссертационного исследования Космодемьянской Е. Е. «Повышение эффективности поиска лиц, совершивших корыстные, корыстно-насильственные преступления» в 2000 году, где рассматривался вопрос об «очагах преступления», анализе их «дрейфа» и использования этих данных как в поисковых целях, так и в профилактических [3, с. 433–439].

Технические сторона использования ИИ в процессе доказывания в уголовном процессе охватывает широкий спектр вопросов, связанных с разработкой, внедрением, использованием и обслуживанием программного и аппаратного обеспечения, а также обеспечением его работоспособности, безопасности и соответствия требованиям закона. Основные технические аспекты касаются программного обеспечения; сбора и хранения данных; оборудования для обработки и вычисления; интеграции с

существующими системами; безопасности и защиты данных.

В части программного обеспечения следует отметить, что, во-первых, это выбор подходящего типа алгоритма ИИ для конкретной задачи (например, машинное обучение, глубокое обучение, нейронные сети, экспертные системы), который зависит от характера данных, требуемой точности, сложности задачи и доступных ресурсов. Во-вторых, процесс обучения алгоритмов ИИ строится на исторических данных (обучающем наборе), тестировании на проверочном наборе и настройке для достижения требуемой точности и надежности. В-третьих, необходим выбор архитектуры нейронных сетей для анализа изображений, видео, текста и других типов данных. В-четвертых, требуется подготовка данных: очистка, предобработка и разметка данных для обучения алгоритмов. Качество данных напрямую влияет на производительность и точность алгоритма. В-пятых, необходима настройка параметров алгоритмов для достижения наилучших результатов. В-шестых, выбранные алгоритмы должны позволять объяснить логику принятия решений (например, деревья решений), или должны быть разработаны инструменты для интерпретации результатов работы «черных ящиков».

Также большой проблемой, по нашему мнению, является сбор данных из различных источников, включая камеры видеонаблюдения, социальные сети, мобильные устройства, электронную почту, финансовые транзакции и др., и их преобразование в формат, пригодный для анализа алгоритмами ИИ. Кроме этого, требуется выбор системы хранения данных (например облачные хранилища, локальные серверы, базы дан-

ных) с учетом требований к безопасности, доступности.

Немаловажными являются и вопросы безопасного доступа и сохранения целостности данных, защита от киберугроз, таких как вирусы, вредоносное ПО, хакерские атаки и прочее.

Выводы и заключение

Мы полагаем, что использование ИИ в процессе доказывания по уголовному делу обладает огромным потенциалом для повышения эффективности и объективности правосудия. Однако необходимо тщательно учитывать связанные с этим риски,

разработать четкие юридические и этические рамки, а также обеспечить достаточную квалификацию специалистов. Только при соблюдении этих условий ИИ может стать ценным инструментом в борьбе с преступностью, не нарушая при этом права и свободы граждан. Важно помнить, что ИИ должен быть вспомогательным инструментом, а не заменой для человеческого интеллекта и опыта. Конечная ответственность за принятие решений всегда должна оставаться за человеком – следователем или судьей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Спиридонов, М. С. Технологии искусственного интеллекта в уголовно-процессуальном доказывании / М. С. Спиридонов // Journal of Digital Technologies and Law, №1(2), 2003, с.481-497. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologii-iskusstvennogo-intellekta-v-ugolovno-protsessualnom-dokazyvanii?ysclid=mfoofti9lc414713120> (дата обращения 24.10.2025).
2. Овчинникова, О. В. Перспективы применения искусственного интеллекта в досудебном производстве / О. В. Овчинникова // Правопорядок: история, теория, практика. №1 (32). 2022. С.89-93. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-primeneniya-iskusstvennogo-intellekta-v-dosudebnom-proizvodstve> (дата обращения 24.10.2025).
3. Курс криминалистики. Особенная часть. Том 1. Методики расследования насильственных и корыстно-насильственных преступлений. / Отв. ред. В. Е. Корноухов. М.: Юрист, 2001. 634с.

REFERENCES

1. Spiridonov, M. S. Tekhnologii iskusstvennogo intellekta v ugo-lovno-protsessual'nom dokazyvanii [Artificial Intelligence Technologies in Criminal Procedure Evidence]. Journal of Digital Technologies and Law, No.1(2), 2003, pp. 481-497. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologii-iskusstvennogo-intellekta-v-ugolovno-protsessualnom-dokazyvanii?ysclid=mfoofti9lc414713120> (accessed on 24.10.2025). (in Russian).
2. Ovchinnikova, O. V. Perspektivy primeneniya iskusstvennogo in-tellekta v dosudebnom proizvodstve [Prospects for the Use of Artificial Intelligence in Pre-Trial Proceedings]. Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika.– Law and Order: History, Theory, Practice. No.1 (32). 2022. pp. 89-93. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-primeneniya-iskusstvennogo-intellekta-v-dosudebnom-proizvodstve> (accessed on 24.10.2025). (in Russian).

3. Kurs kriminalistiki. Osobennaya chast'. Tom 1. Metodiki rassle-dovaniya nasil'stvennykh i korystno-nasil'stvennykh prestupleniy. [Course of Criminalistics. Special Part. Volume 1. Methods for Investigating Violent and Gain-Related Violent Crimes] / Ed. V. E. Kornoukhov. Moscow: Yurist, 2001. 634p. (in Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Дубынин Евгений Анатольевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики. Сибирский Федеральный Университет. 660041, Российская Федерация, г. Красноярск, пр. Свободный, 79.

Космодемьянская Елена Евгеньевна, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики. Сибирский юридический институт МВД России. 660131, Российская Федерация, Красноярск, ул. Рокоссовского, д. 20

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Evgeny A. Dubynin, Candidate of Law, Associate Professor, Department of Criminalistics, Siberian Federal University. 79 Svobodny Ave., Krasnoyarsk, Russian Federation, 660041.

Elena E. Kosmodemyanskaya, Candidate of Law, Associate Professor, Professor at the Department of Criminalistics, Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 20, Rokossovskogo St., Krasnoyarsk, Russian Federation, 660131.

Научная статья
УДК 343.98

КОМПЛЕКСНЫЙ АНАЛИЗ ИНФОРМАЦИИ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ АНТИКОРРУПЦИОННОГО АЛГОРИТМА СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Сергей Юрьевич Журавлев

Нижегородская академия МВД России, г. Нижний Новгород,
Российская Федерация, monah07@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается криминалистическое и комплексное междисциплинарное понимание существа используемых дидактических средств формирования антикоррупционного алгоритма сотрудников органов внутренних дел. Раскрывается комплексная технология формирования и применения в образовательном процессе по курсу криминалистики и смежных дисциплин комплекса дидактических средств предупреждения коррупции в органах внутренних дел. Выделяются особенности методико-дидактического и практико-дидактического уровня антикоррупционной подготовки в специализированном вузе МВД России. Выделяются особенности реализуемых научно-педагогических подходов по проведению занятий в рамках комплексного, междисциплинарного раздела дисциплины «Предупреждение коррупции в органах внутренних дел и формирование антикоррупционного поведения сотрудников и работников органов внутренних дел». Выделяется методическая специфика комплексных учебных занятий на завершающем этапе изучения данной дисциплины. Обозначаются проблемы и формулируются некоторые выводы в рамках понимаемой автором перспективы образовательного процесса по данному направлению.

Ключевые слова: криминальная реальность, ситуации конфликта интересов, коррупционные ситуации, комплексный анализ коррупционных ситуаций, методические подходы к структуре комплексного анализа, подходы к комплексному анализу коррупционной ситуации, антикоррупционный алгоритм, структура антикоррупционного алгоритма, связь структуры антикоррупционного алгоритма с аналитическими средствами криминалистической культуры правоприменения, преподаватель как справочно-экспертная система в процессе формирования антикоррупционного алгоритма сотрудников органов внутренних дел.

Для цитирования: Журавлев С. Ю. Комплексный анализ информации как средство формирования антикоррупционного алгоритма сотрудников органов внутренних дел // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра : сб. науч. тр. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России. 2026. Т. 39. № 3. С. 48–62.

Sergey Yu. Zhuravlev

Nizhny Novgorod Academy of the MIA of Russia, Nizhny Novgorod,
Russian Federation, monah07@yandex.ru

ANALYSIS OF INFORMATION AS A MEANS OF DEVELOPING AN ANTI-CORRUPTION ALGORITHM FOR EMPLOYEES OF INTERNAL AFFAIRS AGENCIES

Abstract. This article examines a forensic and comprehensive interdisciplinary understanding of the essence of the teaching tools used to develop an anti-corruption algorithm for law enforcement officers. It describes a comprehensive technology for developing and applying a set of didactic tools for preventing corruption in law enforcement agencies in the educational process of forensic science and related disciplines. It highlights the specific features of the methodological-didactic and practical-didactic levels of anti-corruption training at a specialized university of the Ministry of Internal Affairs of Russia. It also highlights the specifics of the implemented scientific and pedagogical approaches to conducting classes within the framework of the comprehensive, interdisciplinary section of the course "Prevention of Corruption in Law Enforcement Bodies and the Development of Anti-Corruption Behavior of Law Enforcement Officers and Employees." The article also highlights the methodological specifics of comprehensive training sessions at the final stage of studying this course. Problems are identified and some conclusions are formulated within the framework of the author's understanding of the educational process in this area.

Keywords: Criminal reality, situations of conflict of interest, corruption situations, comprehensive analysis of corruption situations, methodological approaches to the structure of comprehensive analysis, approaches to comprehensive analysis of a corruption situation, anti-corruption algorithm, structure of the anti-corruption algorithm, connection of the structure of the anti-corruption algorithm with analytical tools of the forensic culture of law enforcement, the process of forming an anti-corruption algorithm for employees of internal affairs agencies.

For citation: Zhuravlev S. Yu. Kompleksnyy analiz informatsii kak sredstvo formirovaniya antikorrupsionnogo algoritma sotrudnikov organov vnutrennikh del [Comprehensive Information Analysis as a Means of Developing an Anti-Corruption Algorithm for Law Enforcement Personnel]. Kriminalistika: vchera segodnya, zavtra = Forensics: yesterday, today, tomorrow. 2026, vol. 39, no 3, pp. 48–62 (in Russ.).

Введение

Особенности профессиональной деятельности полиции и вся реальность, в которой она осу-

ществляется, обуславливают потребность в понимании будущим практическим работником и владение им процедурами комплекс-

ного анализа информации как в основном содержании работы, например, связанной с обнаружением следов экономических преступлений [1, 140–146], так и в ситуациях возможного конфликта интересов в профессиональной деятельности. С точки зрения криминалистической культуры это является важнейшим условием совершенствования антикоррупционной подготовки сотрудников органов внутренних дел. Опыт показывает, что воссоздание и моделирование в ходе учебных занятий обстоятельств коррупционной реальности является ключевым направлением дидактического междисциплинарного применения криминалистического знания в повседневной образовательной и воспитательной деятельности вуза МВД России. Данная статья – это освящение современного этапа формирования комплексной методики антикоррупционной подготовки как дидактической технологии, основы которой мы характеризовали ранее на страницах данного журнала [2, 59–67].

Основная часть

Приобретенный криминалистом научно-дидактический опыт предполагает его анализ и внесение некоторых коррективов в ранее сформулированные подходы, но в целом, если не считать понимаемых нами некоторых воспитательно-мировоззренческих особенностей данного процесса, ранее сформированные концептуальные подходы прошли свою апробацию, образовательная технология устоялась, ее инициаторы укрепились в понимании оптимальности при-

меняемых дидактических средств. Остановимся на вопросах совершенствования текущего состояния образовательной деятельности по данному междисциплинарному направлению с учетом инновационных положений криминалистической культуры правоприменения.

С позиции понимания роли криминалистики в высшем юридическом образовании [3, 24–27] и криминалистического обеспечения расследования преступлений [4, 3–11] существующие базовые положения юридического познания [5, 22–28] предполагают на методико-дидактическом уровне образовательной деятельности разработку и создание условий для формирования в обучаемом не только криминалистического, но и междисциплинарного знания. Происходит это за счет инноваций в учебно-методических комплексах. В них появляются инструктивные, методические, в том числе раздаточные материалы и образцы для применения в ходе учебных занятий, в том числе и по антикоррупционной тематике. При условии соединения деятельностного подхода и имитационного обучения самостоятельно мыслящие студенты включаются преподавателем в «играемые» ситуации, так или иначе связанные с характером их будущей профессиональной деятельности [6, 205–206]. За счет их применения формируется антикоррупционное мышление обучаемых, а также вырабатывается понимание организационно-методических, тактико-технических и правовых средств

профилактики и расследования различных преступлений, в том числе коррупционных, которые совершают сотрудники различных подразделений органов внутренних дел.

Процесс и результаты расследования преступлений, связанных с различного рода злоупотреблениями по службе и взятками со стороны сотрудников органов внутренних дел, не являются основным предметом изучения в рамках рассматриваемой комплексной межпредметной учебной дисциплины. Они выступают в качестве информационной основы для проведения комплексного анализа и погружения обучаемого в модельное понимание вариантов развития коррупционно-опасных ситуаций, начиная с момента появления первичной информации о подобного рода ситуациях и заканчивая итоговым содержанием их юридического анализа в материалах специального практикума по комплексной учебной дисциплине.

На практико-дидактическом уровне реализации комплексной методики антикоррупционной подготовки со слушателями завершающего курса обучения, появляется возможность внести коррективы в сформированный комплекс знаний, умений и навыков с учетом междисциплинарного понимания базового криминалистического знания и деятельностного содержания юридического анализа конкретных ситуаций, которые рассматриваются в ходе занятий. При этом надо понимать, что деятельность преподавателя,

формирующего в обучаемом антикоррупционный алгоритм – это достаточно нестандартный формат его поведения в учебном процессе. По сути это специфическая разновидность научно-педагогической деятельности по передаче знаний, по формированию умений и навыков, когда преподаватель работает как справочно-экспертная система с позиции деятельностного понимания коррупционных ситуаций в служебной деятельности полицейского. Это особый стиль мышления и поведения в учебной аудитории, в полигоне и даже в ходе итогового зачета или экзамена.

Особенность заключается в достаточно сложном для занятия, а также экзаменационной проверки по юридической дисциплине деятельностном анализе и формулировании обучаемым методических, тактических и квалификационных решений на стыке понимания криминалистики, криминологии, уголовного и административного права, а также психологии. При этом содержание каждой из указанных предметных специализаций не является доминирующей в процессе формирования антикоррупционного алгоритма, а также в процессе аттестационной оценки.

Реализация практико-дидактического уровня по рассматриваемому направлению учебной работы имеет еще и такую особенность, что усилия педагогов сосредоточены не столько на обучении выявлению и расследованию коррупционных преступлений, сколько на формировании

убежденности обучаемых в недопустимости с их стороны различных коррупционных проявлений, в том числе привитии им навыков антикоррупционного мышления и самовыражения в ситуациях наблюдаемых признаков коррупционного сговора со стороны различных лиц либо в ситуации коррупционного воздействия непосредственно в их адрес.

Практико-дидактический уровень работы выступает важным проводником антикоррупционных установок в сознание будущих поколений сотрудников органов внутренних дел и в соединении с результатами теоретико-методологического уровня работы выступает средством, которое совершенствует и воспроизводит антикоррупционные технологии.

Внимательность, вдумчивость и рассудительность в ситуационном самоопределении сотрудника органов внутренних дел в любой складывающейся ситуации оперативно-служебной деятельности основывается на тренируемом в учебном процессе понимании сущности воспринимаемого события коррупционной реальности. Данная установка была положена в основу межпредметного раздела учебной дисциплины «Предупреждение коррупции в органах внутренних дел и формирование антикоррупционного поведения сотрудников и работников органов внутренних дел».

Результаты наших кафедральных дидактических экспериментов отобразились в содержании данного раздела указанной учебной дисциплины, сохранили инно-

вационные идеи деятельностного подхода и комплексного видения сферы практической деятельности по профилактике, обнаружению и расследованию преступлений применительно к подготовке специалистов для данной сферы в профессиональном образовании.

Указанные и иные результаты исследования междисциплинарных подходов в образовательном процессе [7, 30–44; 8, 184–193; 9, 119–127], отобразились в программе по данной дисциплине. С позиции системно-деятельностного понимания [10, 176–82] завершающий этап обучения по указанной дисциплине предусматривает комплексный аналитический тренинг применительно к возможным коррупционно опасным ситуациям.

Рассматриваемые в ходе учебных занятий и в процессе итогового контроля ситуации очень разные. В одном случае вся служебная деятельность сотрудника фиксируется на видеорегистратор, в другой ситуации разговор слышат посторонние лица. Во многих случаях можно ясно понять всю суть коррупционного предложения и конкретного провоцирующего действия в отношении сотрудника, которому открыто что-то говорят по телефону, сообщают в смс-уведомлении или по электронной почте.

В другой ситуации, параллельно с некоторым сообщением о якобы имевшей место с ним коррупционной договоренности, сотруднику на счет карты, привязанной к номеру его телефона, переводят некоторую сумму денег. Подобного рода ситуации, без ва-

риантов, требуют правильного реагирования с незамедлительной подготовкой уведомления в соответствии с Приложением 1 к приказу МВД России от 28.07.2025 N 512¹.

Бывают и другие ситуации, в которых должны работать совесть и здравый смысл, осторожность и понимание того, что поспешность и голословность в обвинении кого-то в попытке дать взятку сотруднику ОВД будут выглядеть неубедительно и свидетельствовать о непрофессионализме лица, подготовившего такое уведомление. При всем сказанном выше мы твердо убеждены в том, что у сотрудника ОВД, должно быть внутреннее ощущение имеющегося у него права отказаться от недостойного предложения и скромно об этом промолчать. С этим тезисом и указанными выше посылками мы активно работаем в ходе учебных занятий, вовлекаем в этот диалог преподавателей других кафедр, формируя основы антикоррупционного алгоритма у наших выпускников. Это и является главным, ключевым в рамках междисциплинарного диалога с обучаемыми.

Закрепление антикоррупционных мировоззренческих установок осуществляется с использованием инновационных дидактических средств как важнейшего условия практической направлен-

ности обучения и его развивающего характера [11, 58–95]. Они разработаны в тесном междисциплинарном диалоге с нашими коллегами. В рамках темы 5 «Криминалистическая характеристика коррупционных преступлений. Тактико-методические основы формирования антикоррупционного алгоритма действий сотрудника ОВД» подготовлены методические указания обучаемым по схеме работы в рамках данной темы.

В рамках подготовки к практическим занятиям, примерно за неделю до их начала, обучаемым предлагается подыскать для использования на практическом занятии случай из практики по коррупционной тематике применительно к деятельности сотрудников органов внутренних дел. По специально разработанной схеме они готовят обзорную справку как результат первичного переосмысления подысканного примера из практики. Подход к анализу, его акценты, а также структура обзорной справки даны в специальном электронном приложении в соответствующем внутреннем электронном ресурсе академии.

Особым предупреждением применительно к указанной аналитической работе является напоминание обучаемым о недопустимости смешения в одной аналитической справке примеров положительной и отрицательной работы по предупреждению и пресечению коррупционных проявлений в деятельности ОВД. Учитывая отсутствие практического опыта, для обучаемых сделано разъяснение о том, что положительным примером

¹ Приказ МВД России от 28 июля 2025 г. N 512 "Об утверждении Порядка уведомления в системе МВД России о фактах обращения в целях склонения к совершению коррупционных правонарушений" URL: <https://mvd.consultant.ru/documents/1058944>

является ситуация, где коррупционера привлекли к уголовной ответственности, все его связи установлены и в целом все понятно, с позиции кого, за что, с кем и чем задержали и привлекли к уголовной ответственности. В качестве отрицательных примеров борьбы с коррупцией рекомендуется рассматривать случаи, когда:

- не удалось привлечь к уголовной ответственности никого из тех лиц, о ком была первичная информация и кого обоснованно подозревали в преступной деятельности;

- часть коррупционеров, в понимании обучаемого, осталась за рамками уголовной ответственности;

- отпали, не были доказаны конкретные факты дачи-получения взятки одними и теми же лицами.

В конце обзорной справки обучаемым предлагается обозначить понимаемые ими так называемые «большие шаги» расследования данных обстоятельств криминальной реальности и понимания данной ситуации, например, применительно к предварительной проверке материалов и проведения комплекса оперативно-розыскных мероприятий. С учетом отсутствия у них практического опыта им предлагаются определённые синтаксические конструкции незаконченных фраз и умозаключений, которые продолжают формирование внутренней криминалистической и междисциплинарной культуры, например:

- обнаружение признаков преступления произошло в связи с ..., в рамках проверки ... и т. п.;

- на первоначальном этапе было установлено ...;

- впоследствии, спустя дней, выяснилось, что ...;

- итоговое понимание ... произошло за счет ...;

- закрепление доказательств происходило в ... этапа, вначале было установлено ..., затем поступила информация о ..., в ходе проведения были получены данные о том, что ... и т. п.

Указанное понимание предлагается изложить в конце обзорной справки отдельным пунктом – «большие шаги расследования».

Далее у обучаемого с учетом изложенного в обзорной справке понимания обстоятельств анализируемого случая из практики, а также понимания «больших шагов расследования» есть два варианта составления карты комплексного анализа обстоятельств конкретной коррупционной ситуации. Первый вариант содержания карты комплексного анализа с позиции возможных подходов к криминалистическому анализу информации и его направленности базируется на базовой схеме осмысления первичной информации. Это отдельная тема ранее изученного курса криминалистики. Второй вариант содержания карты комплексного анализа базируется на схеме версионного анализа, которая также ранее изучалась в курсе криминалистики. Очень важно и то, что обучаемый самостоятельно выбирает вариант

комплексного осмысления конкретной коррупционной схемы.

Комплексное понимание подходов к криминалистическому анализу, его акценты, а также разновидности ранее изученных алгоритмов аналитической работы даны в соответствующих электронных приложениях сетевого электронного ресурса академии. Обучаемые могут ими пользоваться как в ходе аудиторных занятий, так и в часы самостоятельной работы.

В картах комплексного анализа, которые составляются по одному из двух предложенных в практикуме вариантов, должно быть не менее 3 вводных с четким пониманием и изложением сути начальной информации с выходом на понимание обстоятельств криминальной реальности и подходов к ее раскрытию и фиксации. Данная работа проводится обучаемым в режиме ретроспективного аналитического моделирования развития коррупционной ситуации, в том числе с пониманием психологических особенностей субъектов коррупционной реальности применительно к конкретному информационному этапу комплексного анализа. Кроме этого, обучаемые выделяют детерминанты, влияющие на развитие коррупционной ситуации, определяют возможные и оптимальные для данной ситуации меры профилактики антикоррупционного характера. В завершение, но в целом параллельно с указанной выше аналитической работой проводится юридический анализ. В первую очередь с позиции норм административно-

го и уголовного права. Все это делается в учебной аудитории, где присутствуют преподаватели указанных выше предметных специализаций. Они работают как комплексная справочно-консультационная система, как группа экспертов, которая помогает правильному методическому и тактическому самоопределению обучаемых применительно к рассматриваемым в их практикумах ситуациям коррупционных проявлений в деятельности сотрудников органов внутренних дел.

Первая информация в карте комплексного анализа – это некоторая сигнальная информация, некоторые первично получаемые сотрудником сведения о возможных признаках коррупционных взаимоотношений, в которые втянут, в которых участвует некоторый сотрудник органов внутренних дел или других правоохранительных органов.

Вторая информация – это результаты проверки первичного сигнала о признаках коррупционных отношений или иного криминального поведения фигурантов, которые прослеживаются в анализируемой ситуации.

Третья информация в карте комплексного анализа – это результаты детального понимания состава и содержания преступной деятельности с полноструктурным выделением субъектного состава участников криминальной реальности, с проработкой вопросов закрепления первичных доказательств и видением перспективы их процессуального доказывания.

Последовательное составление криминалистической части карты комплексного анализа по первому варианту происходит по схеме:

- от отдельного понимания источника и содержания информации к предположениям о возможных субъектах экономикоррупционных или чисто коррупционных отношений;

- от предположения о субъектах коррупционных и иных криминальных отношений к детализации их конкретных возможных действий или сути их бездействия, умолчания, попустительства;

- от понимания субъектного состава и его действий-бездействий к предположению круга перспективных, возможных к обнаружению следов и источников информации в данной конкретной ситуации расследования коррупционных проявлений в деятельности сотрудника ОВД;

- от понимания круга перспективных и возможных к обнаружению и фиксации следов и отдельных источников информации, а также тех неясностей, нестыковок и противоречий, которые в них могут содержаться, к тем вопросам и обстоятельствам, подлежащим выяснению, проверке, которые имеет смысл сформулировать применительно к данному, конкретно указанному источнику, отдельному следу или группе следов материального или идеального характера;

- от формулировки вопросов-обстоятельств, которые подлежат выяснению, к конкретному пониманию обучаемым тактических

(оперативно-розыскных или процессуальных) действий, которые позволят ему получить ответы на сформулированные вопросы.

Последовательное составление криминалистической части карты комплексного анализа по второму возможному для выбора обучаемым варианту происходит по схеме:

- от отдельного понимания источника и содержания конкретной информации о признаках коррупции в деятельности сотрудника ОВД к пониманию главного (ключевого) в ее содержании, с акцентом на прослеживающийся субъектный состав участников коррупционных взаимоотношений, ситуационные особенности развития взаимоотношений между ними, прослеживающееся содержание их действий (бездействий) и оставляемых следов, при этом обучаемые должны выделить особенности персональных данных, заменяя их на условные, детализировать даты, суммы, особенности связей, прослеживающиеся из информации, предпосылки и перспективы развития коррупционной ситуации;

- от выделенных ключевых деталей в поступившей информации переходят к пониманию неясностей и нестыковок как в самой информации, так и ее несогласованности с другими имеющимися сведениями с акцентом на понимание противоречий, которые могут быть вызваны скрывающими действиями со стороны субъектов криминальной реальности и их связей (что непонятно, что вызывает сомнения, что выглядит

странно и нетипично, что и с чем не стыкуется, не согласуется, выглядит намеренно, демонстративно, что не складывается в ясную «картинку» анализируемых коррупционных обстоятельств и т. п.); фактически данная позиция анализа – это некоторые группы условно понимаемых аналитиком обстоятельств, которые предстоит понять и уточнить за счет получения ответов на конкретные, вытекающие из этого понимания. Вопросы и формулировки данных аналитических позиций не должны быть конкретными вопросами, а обозначать их группы, например, могут быть использованы следующие синтаксические формы: нет ясности с чем связано ..., не стыкуется ... с ..., выглядит противоречиво или нетипично ... и т. п.;

– от понимания групп, ранее выделенных информационно-неопределенных обстоятельств к пониманию и формулировке конкретных вопросов, ответы на которые снимут выделенные неясности, нестыковки и противоречия в конкретной и взаимосвязанных с ней информационных совокупностях о содержании коррупционной деятельности, отдельных актов коррупционного поведения;

– от формулировки конкретных вопросов, которые подлежат выяснению, проверке в данной конкретной ситуации, к четкому взаимообусловленному на данном этапе расследования комплексу оперативно-розыскных и (или) процессуальных действий, в том числе с учетом понимаемых обучаемым на его интеллектуальном уровне трудностей и ошибок, ко-

торые могут быть допущены в этой работе.

Отметим очень важную деталь в данном междисциплинарном обучении. Только после составления первой части карты комплексного анализа, применительно к конкретному уровню информированности на данном этапе, обучаемый переходит к позициям «психологические особенности субъектов», «юридический анализ», «детерминанты» и «меры профилактики антикоррупционного характера». После криминалистического анализа первой информации, вторая часть карты комплексного анализа составляется именно на этой информационной основе. Каждая последующая информация и ее криминалистический анализ позволяют выделять новые дела в личности субъектов правоохранительной деятельности и их связей, конкретизировать детальные особенности юридического анализа, обращать внимание на прослеживающиеся детерминанты и те меры антикоррупционного характера, которые оптимально планировать применительно к данному, конкретному развитию ситуации и особенностям втянутых в нее субъектов.

Еще одной важной особенностью требований к обучаемым является составление обзорной справки, которая является одним из элементов развивающей технологии междисциплинарного обучения. Если обучаемый полагает, что его уровень мышления не требует составления начальной обзорной справки, и он сразу все

сможет изложить в карте комплексного анализа по одному из двух предложенных вариантов, то мы не требуем обязательного составления предварительной обзорной справки.

Дидактический замысел заключается в том, что наша задача как педагогов, особенно криминалистов, состоит в формировании внутренних средств обучаемого по осмыслению реальности будущей оперативно-служебной деятельности. Отказываясь от составления обзорной справки, обучаемый, как правило, начинает совершать ошибки при составлении карты комплексного анализа, которые мы фиксируем, но при этом в качестве причины ошибок отмечаем отсутствие правильно структурированного предварительного анализа и соответствующей обзорной справки. Такая «дидактическая интрига» дает свой результат и в ходе подготовки к тактическому этапу комплексных занятий с использованием полигона, чему будет посвящена наша следующая статья, отдельные обучаемые улучшают результаты методического анализа, возвращаются к составлению обзорной справки и значительно улучшают качество составления карты комплексного анализа, что в целом положительно влияет на их ответы в процессе занятий, на зачете или экзамене.

Выводы и заключение

Понимание предмета будущей деятельности наших выпускников как процесса познания криминальной реальности с целью контроля и оптимизации ее проявлений – это основа междисципли-

нарной культуры организации образовательного процесса. Вектор обучения не должен быть исключительно формально-правовым. Когда все акценты делаются на знание норм права, то не формируется познавательная рассудительность, а также методическая и тактико-техническая грамотность выпускника. С позиции криминалистической культуры в образовательной деятельности это же относится и к работе со студентами гражданских вузов, которые изучают криминалистику [12, С. 12–16; 13, С. 16–25]. Разговоры о психологических характеристиках субъектов криминальной реальности, проводимые в отрыве от деятельностного понимания традиционных, экономико-криминальных и коррупционных схем, не формирует устремленность нашего обучаемого быть «психологом по жизни», а создает иллюзию в понимании психологической составляющей деятельности отдельного человека или некоторой криминальной группировки.

Примерно то же можно сказать об изолированном применении положений криминологии в профессиональной деятельности. Причины и условия конкретных преступлений, а также выделяемые криминологами тенденции в развитии какого-то вида преступности всегда конкретны и основаны на понимании процессов, протекающих в криминальной реальности. Можно до бесконечности выделять типы коррупционеров, так до конца и не понимая особенностей их связей и специфики

совершаемых действий и некоторой пассивной составляющей конкретной криминальной, в том числе коррупционной схемы. Вначале надо воспринять конкретную первичную информацию из криминальной реальности, провести соответствующие обобщения по схемам криминалистической характеристики и только после этого, с позиции понимания результатов преступной деятельности и возможных к обнаружению следов, вести речь о детерминантах того, что уже произошло и прогнозировать будущее развитие криминальной реальности с учетом понятых закономерностей.

Завершая разговор о методической составляющей в дидактике междисциплинарного обучения следует отметить, что очень опасной тенденцией является возникновение такого состояния образовательного процесса, когда неспособность выстроить в нем правильные акценты в вопросах организации и планирования обучения приводит к декларативным заявлениям о высоких компетенциях обучаемых, которые реально могут не соответствовать требованиям времени и необходимости

оптимальных преобразований в сфере борьбы с преступностью.

Полагаем, что предложенная вниманию читателя сложная междисциплинарная модель обучения является некоторой страховкой от формирования дидактических иллюзий. Одним из результатов, полученных в этом учебном году, явилось понимание низкого мировоззренческого уровня обучаемых, которые, столкнувшись с двумя новыми вариантами составления карты комплексного междисциплинарного анализа, стали прибегать к возможностям различных платформ так называемого искусственного интеллекта для их составления. Сложный алгоритм карты комплексного анализа позволил сразу это выделить, и в результате произошло значительное снижение текущей успеваемости по данной дисциплине. При этом работа обучаемых на уровне тактического моделирования ситуаций осталась приблизительно на том же уровне. Вероятнее всего будущий учебный год будет своеобразным этапом дидактической корректировки акцентов в данном междисциплинарном образовательном процессе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Волынский, А. Ф., Прорвич, В. А. Тактические особенности выявления и фиксации «рассеянных» следов экономических преступлений // Криминалистическая тактика: современное состояние и перспективы развития: Сб. матер. 56-х криминалистических чтений: В 2-х ч. – М.: Академия управления МВД России, 2015. Ч. 1. С. 140–146.

2. Журавлев, С. Ю. Криминалистическая культура междисциплинарной антикоррупционной подготовки сотрудников органов внутренних дел // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 3 (15). С. 59–67.

3. Аненков, С. И., Хижняк, Д. С. Современная модель юриста и криминалистика // Юридическое образование и наука. – 2023, № 1. С. 24–27.

4. Тишутина И. В., Волынский А. Ф. Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений как учебная дисциплина // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки, 2017, № 2-2, С. 3–11.

5. Боруленков, Ю. П. Объект и предмет юридического познания // Закон и право. – 2015. – № 7. С. 22–28.

6. Попков В. А., Коржуев А. В. Дидактика высшей школы: учебное пособие. 3-е изд., испр. и доп. М., 2008. С. 205–206.

7. Журавлев, С. Ю. Некоторые проблемы формирования и использования комплексных дидактических моделей в криминалистическом образовании // Криминалистика и судебные экспертизы: наука, практика, образование. 6-е Всероссийские криминалистические чтения: сб. ст. / науч. ред. М.К. Каминский; отв. Ред. А.М. Каминский. Ижевск: Jus est, 2014. С. 30–44.

8. Журавлев, С. Ю. Ситуационные игры с противодействием сторон // Нижегородские юридические записки : сборник научных трудов / под ред. проф. В. Т. Томина. – Нижний Новгород : Нижегородская высшая школа МВД РФ, 1995. – Вып. 1. – С. 184–193.

9. Журавлев, С. Ю. Технологии реализации междисциплинарных связей в процессе преподавания дисциплин специализации и итогового контроля по результатам обучения // Совершенствование технологий обучения в условиях осуществления подготовки специалистов в вузе МВД России : сборник научно-методических статей : в 2 ч. / ред. колл.: Б. Х. Балкаров (руководитель), С. А. Вдовин, С. Н. Глазкин, Е. А. Ершова. – Нижний Новгород, 2002. – Ч. 1. С. 119–127.

10. Подольный, Н. А. Системно-деятельностный подход в криминалистической методике расследования преступлений // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. № 2 (70). С. 176–182.

11. Гуслова, М. Н. Инновационные педагогические технологии: учебное пособие. 3-е изд., испр. М., 2012. С. 58–95.

12. Россинская, Е. Р. О необходимости изучения криминалистики студентами гражданско-правовой и государственно-правовой специализаций // Вестник криминалистики / отв. ред. А.Г. Филиппов. М., 2008. Вып. 4 (28). С. 12–16.

13. Яблоков, Н. П. Теоретические и практические аспекты применения данных криминалистики в правоприменительной и иной юридической деятельности // Вестник криминалистики / отв. ред. А.Г. Филиппов. М., 2009. Вып. 3 (31). С. 16–25.

REFERENCES

1. Volynsky, A.F., Prorovich, V.A. Takticheskiye osobennosti vyyavleniya i fiksatsii «rasseyannykh» sledov ekonomicheskikh prestupleniy [Tactical Features of Detecting and Recording "Scattered" Traces of Economic Crimes]. Kriminalisticheskaya taktika: sovremennoye sostoyaniye i perspektivy razvitiya: Sb. mater. 56-kh kriminalisticheskikh chteniy: V 2-kh ch. – Forensic Tactics: Current State and Development Prospects: Collection of Materials of the 56th Forensic Readings: In 2 Parts. – M.: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2015. Part 1. Pp. 140-146. (in Russian).
2. Zhuravlev S.Yu. Kriminalisticheskaya kul'tura mezhdistsiplinarnoy antikorruptionnoy podgotovki sotrudnikov organov vnutrennikh del [Forensic Culture of Interdisciplinary Anti-Corruption Training of Internal Affairs Bodies Employees]. Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra. – Forensic Science: Yesterday, Today, Tomorrow. 2020. No. 3 (15). Pp. 59-67. (in Russian).
3. Anenkov S.I., Khizhnyak D.S. Sovremennaya model' yurista i kriminalistika [The Modern Model of a Lawyer and Forensic Science]. Yuridicheskoye obrazovaniye i nauka. – Legal Education and Science. 2023, No. 1. Pp. 24-27. (in Russian).
4. Tishutina I.V., Volynsky A.F. Kriminalisticheskoye obespecheniye raskrytiya i rassledovaniya prestupleniy kak uchebnaya distsiplina [Forensic Support for Detection and Investigation of Crimes as an Academic Discipline]. Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskiye i yuridicheskiye nauki – Bulletin of Tula State University. Economic and Legal Sciences, 2017, No. 2-2, Pp. 3-11. (in Russian).
5. Borulnikov, Yu.P. Ob'yekt i predmet yuridicheskogo poznaniya [Object and Subject of Legal Knowledge]. Zakon i pravo. – Law and Right. 2015. No. 7. Pp. 22-28. (in Russian).
6. Popkov V.A., Korzhuev A.V. Didaktika vysshey shkoly: uchebnoye posobiye. 3-ye izd., ispr. i dop. [Didactics of Higher School: A Textbook. 3rd ed., corrected. and enlarged]. Moscow, 2008. Pp. 205-206. (in Russian).
7. Zhuravlev, S.Yu. Nekotoryye problemy formirovaniya i ispol'zovaniya kompleksnykh didakticheskikh modeley v kriminalisticheskoy obrazovanii [Some Problems of Formation and Use of Complex Didactic Models in Forensic Education]. Kriminalistika i sudebnyye ekspertizy: nauka, praktika, obrazovaniye. 6-ye Vserossiyskiye kriminalisticheskiye chteniya: sb. st. – Forensic Science and Forensic Examinations: Science, Practice, Education. 6th All-Russian Forensic Readings: Coll. Art. / Ed. M.K. Kaminsky; Responsible Ed. A.M. Kaminsky. Izhevsk: Jus est, 2014. Pp. 30-44. (in Russian).
8. Zhuravlev S.Yu. Situatsionnyye igry s protivodeystviyem storon [Situational Games with Opposition of the Parties]. Nizhegorodskiy yuridicheskiy zapiski : sbornik nauchnykh trudov – Nizhny Novgorod Legal Notes: Collection of Scientific Papers / Ed. by Prof. V.T. Tomin. – Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Higher School of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 1995. – Issue 1. – Pp. 184–193. (in Russian).

9. Zhuravlev S.Yu. Tekhnologii realizatsii mezhdistsiplinarynykh svyazey v protsesse prepodavaniya distsiplin spetsializatsii i itogovogo kontrolya po rezul'tatam obucheniya [Technologies for implementing interdisciplinary connections in the process of teaching specialization disciplines and final assessment of learning outcomes]. Sovershenstvovaniye tekhnologiy obucheniya v usloviyakh osushchestvleniya podgotovki spetsialistov v vuze MVD Rossii : sbornik nauchno-metodicheskikh statey : v 2 ch. – Improving teaching technologies in the context of training specialists at the University of the Ministry of Internal Affairs of Russia: a collection of scientific and methodological articles: in 2 parts / ed. collective: B. Kh. Balkarov (head), S. A. Vdovin, S. N. Glazkin, E. A. Ershova. - Nizhny Novgorod, 2002. - Part 1. Pp. 119-127. (in Russian).

10. Podolny, N.A. Sistemno-deyatel'nostnyy podkhod v kriminalisticheskoy metodike rassledovaniya prestupleniy [A system-activity approach in forensic methods of crime investigation]. Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii. – Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No. 2 (70). Pp. 176-182. (in Russian).

11. Guslova M.N. Innovatsionnyye pedagogicheskiye tekhnologii: uchebnoye posobiye. 3-ye izd., ispr. [Innovative Pedagogical Technologies: A Study Guide. 3rd ed., corr]. Moscow, 2012. pp. 58-95. (in Russian).

12. Rossinskaya E.R. O neobkhodimosti izucheniya kriminalistiki studentami grazhdansko-pravovoy i gosudarstvenno-pravovoy spetsializatsiy [On the Need to Study Forensic Science by Students of Civil Law and State Law Specializations]. Vestnik kriminalistiki – Bulletin of Forensic Science / ed. A.G. Filippov. Moscow, 2008. Issue 4 (28). pp. 12-16. (in Russian).

13. Yablokov N.P. Teoreticheskiye i prakticheskiye aspekty primeneniya dannykh kriminalistiki v pravoprimeritel'noy i inoy yuridicheskoy deyatel'nosti [Theoretical and Practical Aspects of the Application of Forensic Science Data in Law Enforcement and Other Legal Activities]. Vestnik kriminalistiki – Bulletin of Forensic Science / ed. Ed. A.G. Filippov. Moscow, 2009. Issue 3 (31). P. 16–25. (in Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Журавлев Сергей Юрьевич, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики. Нижегородская академия МВД России. 603950, Российская Федерация, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

S. Yu. Zhuravlev, Doctor of Law, Associate Professor, professor at the Department of Criminalistics. Nizhny Novgorod Academy of the MIA of Russia, 3, Ankudinovskoye Highway, Nizhny Novgorod, Russian Federation, 603950.

Научная статья
УДК 343.9

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ХИЩЕНИЙ НА МАРКЕТПЛЕЙСАХ

Алексей Андреевич Крынин

Барнаульский юридический институт МВД России, г. Барнаул,
Российская Федерация, 8-923-643-50-66, krynin.a.a@yandex.ru

Аннотация. В современной экономике маркетплейсы заняли ключевое место в системе товарообмена, что породило новый тип криминального пространства. С позиций криминалистики, маркетплейсы формируют специфическую обстановку совершения преступлений, обладающую уникальными признаками, которые требуют отдельного изучения в рамках криминалистической характеристики, анализируемой в данной статье. Также в статье рассматриваются особенности структуры и принципы функционирования маркетплейса. Кроме того, автор выделяет и дает характеристику основным способам совершения таких преступлений, приводит наиболее типичные следы преступления и особенности механизма их образования, выделяя при этом отдельные проблемы, возникающие в ходе расследования.

Ключевые слова: криминалистическая характеристика отдельных видов преступлений, способы хищений на маркетплейсах, дистанционное хищение, цифровые следы

Для цитирования: Крынин, А. А. Криминалистическая характеристика хищений на маркетплейсах // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2026. Т. 39. № 3. С. 63–73.

CRIMINALISTICS CHARACTERISTICS OF MARKETPLACE THEFT

Alexey A. Krynin

Barnaul Law Institute of the MIA of Russia, Barnaul, Russian Federation, krynin.a.a@yandex.ru

Abstract. In the modern economy, marketplaces have taken a key place in the system of commodity exchange, which has given rise to a new type of criminal environment. From a forensic perspective, marketplaces create a specific environment for committing crimes that has unique characteristics that require separate study within the framework of the forensic characteristics analyzed in this article. The article also examines the structure and principles of marketplace operation. Additionally, the author identifies and describes the main methods of committing such crimes, provides examples of typical crime traces and their

formation mechanisms, and highlights specific challenges that arise during investigations.

Keywords: forensic characteristics of certain types of crimes, methods of theft on marketplaces, remote theft, and digital traces

For citation: Krynin, A. A. Kriminalisticheskaya kharakteristika khishcheniy na marketpleysakh [Forensic Characterization of Thefts on Marketplaces]. Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra = Forensics: yesterday, today, tomorrow. 2026, vol. 39. no. 3, pp. 63–73 (in Russ.).

Введение

Современная цифровая экономика переживает этап интенсивной трансформации, одним из ключевых проявлений которой стало стремительное развитие маркетплейсов – онлайн-платформ, объединяющих продавцов и покупателей в едином виртуальном пространстве. За последние годы маркетплейсы превратились в важнейший сегмент розничной торговли: их оборот исчисляется триллионами рублей, а число пользователей – десятками миллионов человек. Однако вместе с ростом популярности этих платформ увеличивается и количество противоправных деяний, совершаемых в их цифровой среде. Особую тревогу вызывает распространение хищений, реализуемых с использованием технологических возможностей маркетплейсов и уязвимостей их систем безопасности, что повлияло на возникновение нового вида криминального пространства. В свою очередь криминалистика, как наука синтетической природы, в процессе своего поступательного развития не может быть изолирована от влияния изменчивого мира [1, с. 3], требующего в том числе и взгляда на маркетплейсы, как на место совершения хищений, и

уточнения отдельных положений криминалистической характеристики преступлений данной категории.

Основная часть

Так, структура и принципы функционирования маркетплейса обладают рядом существенных особенностей:

1. Структурные особенности включают в себя многоуровневую систему участников, которая проявляется в сложном взаимодействии покупателей-продавцов. Платформа функционирует исключительно в цифровой среде. Также структура характеризуется своим масштабом, а именно возможностью одновременного размещения миллионов товарных позиций от тысяч продавцов.

2. Функциональные особенности включают в себя централизованный поиск и фильтрацию, состоящую из расширенного параметра сортировки по цене, бренду, рейтингу и характеристикам, а также из алгоритмов ранжирования товаров по популярности, новизне, скидкам. Необходимо упомянуть и про унифицированный интерфейс взаимодействия, который охватывает единые формы заказа и оплаты, стандартизированные карточки товаров, встроенные чаты

для коммуникации продавца и покупателя.

3. Логистические особенности характеризуются гибкими схемами доставки. Так, например, со склада маркетплейса: товар хранится, а доставка осуществляется силами платформы со склада продавца – самовывоз или доставка в пункт выдачи, либо прямая доставка от продавца покупателю. Одной из выявленных проблем, рассматриваемых П. В. Шендрик, стала проблема отсутствия инструмента оценки покупателями доставки и сбора заказа, что увеличивает количество негативных отзывов и оценок на сам товар [2, с. 4].

4. Финансовые и платежные особенности. Маркетплейсы имеют централизованную систему расчетов, предоставляют разнообразные способы оплаты: в виде банковских карт, электронных кошельков, рассрочка/кредит, оплата при получении. Администрация маркетплейса может в одностороннем порядке менять условия сотрудничества с продавцами. Предупреждение о таких изменениях доводится до клиентов всего лишь за несколько дней до их введения [2, с. 3]. Зачастую это приводит к массовой блокировке клиентов, что не так давно просматривалось на примере маркетплейса Wildberries¹.

5. Правовые особенности заключаются в том, что маркетплейсы имеют статус посреднической

платформы – они позиционирует себя как агрегатор, что ограничивает его ответственность за качество товаров и действия продавцов. А также к ним предъявляются правила модерации контента путем вынесения требования к описанию товаров запрещенных категорий.

Все эти особенности порождают самый главный уголовно-правовой риск – совершение хищений.

Хищения совершаются как тайно, так и путем обмана и злоупотребления доверием любыми участниками экономических правоотношений: продавцами, покупателями, посредниками, работниками службы доставки и пунктов выдачи, а также иными лицами, обеспечивающими функционирование соответствующей торговой площадки.

Обстановка совершения преступления определяется совокупностью факторов: правилами платформы (условия регистрации, верификации, возврата средств), настройками конфиденциальности, механизмами защиты платежей, а также техническими возможностями злоумышленника. Каждый из этих элементов влияет на выбор преступником способа совершения хищения и оставляет специфический след.

Таким образом, интернет-магазины, будучи двигателями современной экономики, невольно становятся ареной для новых видов преступлений. Эти платформы, благодаря своему цифровому миру, экономическим реалиям и правовым лабиринтам, порождают

¹ Wildberries заблокировал магазин, владелец которого публично рассказал о принудительных скидках на маркетплейсе. – URL: <https://vc.ru/trade/174446-wildberries-zablokiroval-magazin>.

невиданные ранее формы хищений.

Изучение криминалистических аспектов мошенничества на онлайн-площадках охватывает систематизацию распространенных преступных схем, применяемых злоумышленниками, их тактик, оставляемых следов, имеющих значение для следственной деятельности. Диапазон таких методов простирается от фишинговых кампаний и компрометации учетных записей до реализации поддельных товаров, что обуславливает необходимость комплексных мер по их обнаружению и пресечению.

Ключевой сложностью в борьбе с данными преступлениями является их совершение посредством применения информационно-телекоммуникационных технологий. Мошенники используют виртуальные машины, VPN-сервисы, прокси-сервера, в связи с чем их деятельность становится анонимной и недоступной [3, с. 564].

Одна из наиболее известных схем хищения проявилась в работе маркетплейса Ozon, где злоумышленники регистрируются как предприниматели, предоставляя ложные сведения о своей личности, подделывая сертификаты на реализацию товара. Они выставляют карточки с товаром по заниженной цене, играя на наивности покупателя. Например, потребитель, надеясь на получение долгожданного товара, ждет определенное количество времени, и карточка товара пропадает с маркетплейса, после чего он становится потерпевшим от изощрен-

ной схемы мошенников. Банки и платежные системы не отвечают за доставку товара, не осуществляют контроль за движением приобретенных товаров, а отвечают за правильное проведение платежа по указанию плательщика или получателя и не более того.

Так, в рамках уголовного дела № 1-198/2023 (1-720/2022) Вахитовского районного суда г. Казани (Республика Татарстан) установлено, что Б. В. В. и Б. Ю. Г. в сговоре с не установленными следствием лицами воспользовались уязвимостью платёжной системы маркетплейса «Wildberries». Злоумышленники регистрировали на платформе собственные магазины и размещали в них фиктивные предложения – цифровые товары по существенно завышенным ценам. Среди размещённых лотов фигурировали сертификаты на туристические поездки, услуги по организации прыжков с парашютом, поездки на багги, курсы обучения игре на гитаре, фитнес-программы и иные подобные услуги.

Далее обвиняемые оформляли заказы на эти несуществующие товары через интерфейс «Wildberries», при этом фактически не производили оплату – они эксплуатировали сбой в работе платёжной программы. Внутренняя система маркетплейса воспринимала такие операции как завершённые покупки: фиксировала факт приобретения и автоматически перечисляла денежные средства на расчётные счета мошенников. При этом система ошибочно полагала, что оплата от

покупателя уже поступила на счёт компании. Полученные незаконным образом денежные средства обвиняемые впоследствии обналичивали².

Фишинговые атаки и поддельные сайты также считаются одной из популярных схем совершения хищения. Мошенники рассылают письма от имени маркетплейсов со ссылками на поддельные сайты, где жертвы вводят данные банковских карт и личные данные. Чаще всего потерпевшим приходит сообщение о случайном выигрыше. Так, Ленинский районный суд г. Омска вынес приговор по уголовному делу в отношении 24-летнего местного жителя, который участвовал в преступной группе, похищавшей деньги у продавцов через фишинговые сайты. Группа находила объявления о продаже товаров, убеждала продавцов ввести данные банковских карт на поддельном сайте, а данные карт использовались для перевода средств на подконтрольные счета³.

Нередко мошенники создают страницы-однодневки, которые позволяют мошенникам привлекать покупателей низкими ценами, а после приобретения ими товара – продавец исчезает, а потерпевший не получает свой про-

дукт. Иногда злоумышленники взламывают аккаунты реальных продавцов, подменяют их товары на не соответствующие действительности и устанавливают на них заниженные цены.

Некоторые злоумышленники, взламывая аккаунты, создают фиктивные магазины на онлайн-платформе и оплачивают товары с карты потерпевшего, пользуясь доступом к учетным данным владельца аккаунта.

Продажа контрафактной продукции также является формой хищения. Так, продавцы предлагают подделки известных брендов по заниженным ценам, что вводит в заблуждение покупателя. Несмотря на то, что маркетплейсы применяют алгоритмы для выявления подозрительных товаров, например, имеющих низкие цены, контрафактная продукция продолжает появляться на рынке, поскольку ее сложно исключить из-за большого объема.

Даже различные манипуляции с отзывами могут стать составляющим элементом подготовки к совершению хищений на маркетплейсах, так как включают в себя создание фальшивых положительных комментариев к описанию товара, что повышает доверие к продавцу. Кроме того, продавцы используют специальных ботов для накрутки, в связи с чем покупатели сталкиваются с ситуацией, когда товар не соответствует описанию.

В последнее время злоумышленники все чаще пользуются услугами, когда сотрудники пунктов

² Приговор № 1-198/2023 (1-720/2022;) от 18.07.2023 Вахитовского районного суда г. Казани Республики Татарстан: [Электронный ресурс] // URL: <https://судебныерешения.рф/77376734/extended>.

³ В Омске суд за 85 краж приговорил мошенника к 2,5 годам принудительных работ // Комсомольская правда URL: <https://www.omsk.kp.ru/daily/27749/5140113/>.

выдачи не владеют достаточной компетенцией. Например, в практике Вилючинского городского суда Камчатского края (приговор № 1-53/2023) зафиксирован случай, когда Н. К. В. заказала через приложение «Wildberries» комплект постельного белья. Получив товар в пункте выдачи, она заменила его на ранее использованное бельё и оформила возврат. Впоследствии подмена была выявлена, а злоумышленница задержана [3, с. 565].

Кроме того, распространены схемы, при которых мошенники получают доступ к мобильным устройствам граждан, заходят в их личные кабинеты на маркетплейсе, копируют QR-код для получения товара, а затем опережают настоящего покупателя в пункте выдачи. Товар выдаётся по QR-коду, а средства списываются с банковской карты владельца аккаунта.

Так, согласно приговору Бийского городского суда Алтайского края № 1-717/2023, Ш. Т. П. воспользовался мобильным телефоном своего знакомого Ф. В. Е. (модель «Samsung Galaxy A30»), зашёл в приложение «Wildberries» и обнаружил, что в доставленных заказах числится телефон «Samsung Galaxy A23», ожидающий получения в пункте выдачи. Увидев QR-код для выдачи товара, Ш. Т. П. взял телефон Ф. В. Е. во временное пользование, прибыл в пункт выдачи, предъявил QR-код и получил товар. На вопрос менеджера о способе оплаты он указал, что платёж пройдёт с банков-

ской карты, привязанной к аккаунту⁴.

Не менее тревожной тенденцией являются мошеннические действия со стороны самих сотрудников маркетплейсов. В частности, согласно приговору Ахтубинского районного суда Астраханской области № 1-176/2022, Л. Д. А., работавший менеджером в пункте выдачи «Wildberries», разработал преступную схему. Используя мобильное устройство, он регистрировал на сайте магазина личные кабинеты от имени фиктивных лиц и оформлял заказы с доставкой в свой пункт выдачи. Злоумышленник отслеживал поступление товаров и, зная, что они не будут востребованы реальными покупателями (и впоследствии отменятся системой), присваивал их себе⁵.

При совершении хищений на маркетплейсах формируется сложная, многоуровневая система следов, охватывающая как цифровую среду, так и материальный мир. Цифровые следы являются одними из сложнейших следов для выявления в силу необходимости узкой квалифицированности сотрудника органов внутренних дел, который производит их собирание и исследование [4, с. 140]. Вся совокупность этих следов отражает различные аспекты

⁴ Приговор № 1-717/2023 от 28.08.2023 Бийского городского суда Алтайского края: [Электронный ресурс] // URL: <https://судебныерешения.рф/76878711/extended>.

⁵ Приговор № 1-176/2022 от 23.06.2022 Ахтубинского районного суда Астраханской области: [Электронный ресурс] // URL: <https://судебныерешения.рф/70240806/extended>.

преступной деятельности – от первоначального замысла до финального этапа реализации преступного умысла. Сотрудникам, ведущим расследование, необходимо собрать и проанализировать большой объем данных, что требует значительных временных и человеческих ресурсов, а также актуального программного обеспечения [5, с. 54]. Кроме того, без знания основ кибербезопасности, алгоритмов шифрования и анонимизации, принципов маршрутизации и фиксации интерактивных следов, процесс расследования указанных преступлений в значительной степени замедлится, а эффективность ощутимо снизится [6, с. 171]. Большинство авторов аргументировано придерживаются мнения о необходимости своевременного привлечения соответствующих специалистов для работы с цифровыми следами [7, с. 885].

Среди наиболее значимых цифровых следов, которые фиксирует сам маркетплейс, можно выделить ценные сведения о следующих ключевых событиях: время и IP-адреса входа в аккаунт, полную историю заказов, любые изменения в карточках товаров, цифровые копии QR-кодов и штрихкодов, которые использовались для получения товаров. История изменений в личном кабинете – смена паролей, добавление новых адресов доставки – также служит ценным источником информации. Переписка в чатах поддержки и внутренних мессенджерах платформы нередко содержит попытки злоумышлен-

ников легитимизировать свои действия.

Существенную доказательственную базу составляют метаданные транзакций – они содержат сведения о способе оплаты, реквизитах платежных инструментов и точных моментах списания средств. Повышая свою конспиративность, преступники зачастую используют криптовалюту. В связи с чем криптокошелек, являясь цифровым инструментом управления активами, становится одним из ключевых объектов криминалистического анализа и требует специальной методической и организационной подготовки [8, с. 83].

При работе с сотовым телефоном или иным устройством, использованным преступником, могут быть обнаружены такие цифровые следы как: кэш браузера и приложения маркетплейса с сохраненными сессиями, скриншоты и файлы с QR-кодами или данными заказов, журналы уведомлений о заказах и платежах.

Среди часто встречаемых материальных следов можно выделить: подмененные QR-коды, подмененные товары, оставленные в пункте выдачи упаковки с признаками вскрытия и повторной запечатки, поврежденные пломбы и признаки несанкционированного доступа к складу, а также документы – чеки и накладные, оформленные при возврате или получении товара. Кроме того, материальный след признаков внешнего облика преступника остается в видеозаписях с камер внутреннего наблюдения

в пунктах выдачи. В отдельных случаях удастся обнаружить следы рук на упаковках товаров или терминалах самообслуживания.

Завершая изложение, можно отметить, что расследование рассматриваемого нами вида хищения характеризуется наличием ряда сложностей. Одной из проблем является децентрализованный характер хранения сведений о финансовых операциях. Это обстоятельство вынуждает следователя обращаться к специалисту, обладающему знаниями в данной сфере деятельности. Необходимо помнить, что участники, задействованные в экономической преступной цепочке, могут уклоняться от предоставления сведений, имеющих значение для уголовного дела, ссылаясь на коммерческую тайну, что также образует сложности при расследовании.

Среди основных схем хищений можно выделить несколько наиболее распространенных. Первая – фальшивая регистрация и заниженные цены: злоумышленники регистрируются как предприниматели с ложными данными, а после получения оплаты удаляют карточки товаров. Вторая схема связана с продажей известных брендов, которые предлагаются по заниженным ценам, что вводит покупателей в заблуждение. Третья схема – манипуляции с отзывами: злоумышленники используют ботов для накрутки фальшивых положительных комментариев, повышая тем самым доверие к продавцу и провоцируя

рост продаж некачественных или несуществующих товаров.

Выводы и заключение

Перечисленные преступные схемы образуют многоуровневую систему следов, ключевое место в которой принадлежит цифровому пространству. Следы остаются на серверах различных торговых площадок, включая в себя сведения об активности пользователя в сети, о динамике управления заказами и корректировку карточек товара. Особое значение для расследования имеют метаданные финансовых перемещений, поскольку они отражают специфику и хронологию платежных операций. Не стоит забывать и про преднамеренное сокрытие геолокации посредством VPN-сервисов.

На всех этапах расследования следователь должен учитывать динамичность цифровой среды. Мошенники постоянно совершенствуют способы преступлений: используют нейросети для подделки фотографий, применяют многоуровневые схемы перевода средств, эксплуатируют уязвимости платформ. Эффективное противодействие преступлениям в сфере электронной торговли возможно только при сочетании оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий с применением специализированных технических и криминалистических методов, тесного взаимодействия с маркетплейсами и банками, привлечения профильных специалистов и оперативного реагирования для предотвращения уничтожения доказательств.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Варданян, А. В. Влияние научно-технического прогресса на модернизацию общетеоретических положений криминалистики // Криминалистика: актуальные вопросы теории и практики: сборник материалов Международной научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 07 июня 2019 года / Ответственный редактор В. В. Осяк. Ростов-на-Дону: Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2019. С. 3-8.

2. Шендрик, П. В. Теоретические особенности функционирования маркетплейсов // Международный научно-исследовательский журнал. 2022. № 10 (124).

3. Павлов, Е. Н. Методика расследования мошенничества, совершаемого на маркетплейсах. Постановка проблемы // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9 (237). С. 563–566.

4. Третьякова, Е. И., Бельков, А. И. Перспективные направления развития технико-криминалистического обеспечения расследования мошенничеств, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Актуальные проблемы криминалистики и судебной экспертизы: сборник материалов международной научно-практической конференции, Иркутск, 16-17 марта 2023 года. Иркутск: Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2023. С. 139–143.

5. Степаненко, Д. А., Паплаускас, А. Р. Особенности совершения преступлений в сфере дистанционного обслуживания и актуальные проблемы расследования дистанционного мошенничества // Союз криминалистов и криминологов. 2025. № 2. С. 51–57.

6. Милюс, А. И. Особенности познания алгоритмизации сети «Даркнет» как источника криминалистически значимой информации при расследовании преступлений, совершенных с использованием информационно-коммуникационных технологий // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2025. № 4 (36). С. 162–173.

7. Лантух, Э. В., Ишигеев, В. С., Грибунов, О. П. Использование специальных знаний при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14, № 6. С. 882-890.

8. Васюков, В. Ф. Тактические основы осмотра криптокошелька при расследовании преступлений, связанных с обращением цифровых активов // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И.Ф. Шилова. 2026. № 1(74). С. 82-89.

REFERENCES

1. Vardanyan, A. V. Vliyaniye nauchno-tekhnicheskogo progressa na modernizatsiyu obshcheteoreticheskikh polozheniy kriminalistiki [The Impact of Scientific and Technical Progress on the Modernization of General Theoretical Principles of Criminalistics]. Kriminalistika: aktual'nyye voprosy teorii i praktiki: sbornik materialov Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii – Criminalistics: Current Issues of Theory and Practice: Proceedings of the

International Scientific and Practical Conference, Rostov-on-Don, June 7, 2019 / Ed. V. V. Osyak. Rostov-on-Don: Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2019. Pp. 3–8. (in Russian).

2. Shendrik, P. V. *teoreticheskiye osobennosti funktsionirovaniya marketpleysov* [Theoretical Aspects of Marketplace Operations]. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal*. – International Research Journal. 2022. No. 10 (124). (in Russian).

3. Pavlov, E. N. *Metodika rassledovaniya moshennichestva, sovershayemogo na marketpleysakh. Postanovka problemy* [Methodology for Investigating Fraud Committed on Marketplaces: Problem Statement]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*. – Law and State: Theory and Practice. 2024. No. 9 (237). Pp. 563–566. (in Russian).

4. Tretyakova, E. I., Belkov, A. I. *Perspektivnyye napravleniya razvitiya tekhniko-kriminalisticheskogo obespecheniya rassledovaniya moshennichestv, sovershennykh s ispol'zovaniyem informatsionno-telekommunikatsionnykh tekhnologiy* [Promising Directions for the Development of Technical-Forensic Support for Investigating Fraud Committed Using Information and Telecommunication Technologies]. *Aktual'nyye problemy kriminalistiki i sudebnoy ekspertizy: sbornik materialov mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*, – Current Problems of Criminalistics and Forensic Science: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Irkutsk, March 16–17, 2023. Irkutsk: East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2023. Pp. 139–143. (in Russian).

5. Stepanenko, D. A., Paplauskas, A. R. *Osobennosti soversheniya prestupleniy v sfere distantsionnogo obsluzhivaniya i aktual'nyye problemy rassledovaniya distantsionnogo moshennichestva* [Specifics of Committing Crimes in the Sphere of Remote Services and Current Issues in Investigating Remote Fraud]. *Soyuz kriminalistov i kriminologov*. – Union of Criminalists and Criminologists. 2025. No. 2. Pp. 51–57. 6.

6. Milyus, A. I. *Osobennosti poznaniya algoritmizatsii seti «Darknet» kak istochnika kriminalisticheskoi znachimoy informatsii pri rassledovanii prestupleniy, sovershennykh s ispol'zovaniyem informatsionno-kommunikatsionnykh tekhnologiy* [Specifics of understanding the algorithmic nature of the "Darknet" as a source of forensically significant information in the investigation of crimes committed using information and communication technologies] *Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra*. – Forensic Science: Yesterday, Today, Tomorrow. 2025. No. 4 (36). Pp. 162–173. (in Russian).

7. Lantukh, E. V., Ishigeev, V. S., Gribunov, O. P. *Ispol'zovaniye spetsial'nykh znaniy pri rassledovanii prestupleniy v sfere komp'yuternoy informatsii* [The use of specialized knowledge in the investigation of crimes involving computer information]. *Vserossiyskiy kriminologicheskii zhurnal*. – All-Russian Criminological Journal. 2020. Vol. 14, No. 6. Pp. 882–890. (in Russian).

8. Vasyukov, V. F. *Takticheskiye osnovy osmotra kriptokoshel'ka pri rassledovanii prestupleniy, svyazannykh s obrashcheniyem tsifrovyykh aktivov* [Tactical principles for examining a crypto-wallet during the investigation of crimes involving the circulation of digital assets]. *Vestnik Dal'nevostochnogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni I.F. Shilova*. – Bulletin of the I. F. Shilov

Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026. No. 1 (74). Pp. 82–89. (in Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Крынин Алексей Андреевич, старший преподаватель кафедры криминалистики. Барнаульский юридический институт МВД России, 656038, Российская Федерация, г. Барнаул, ул. Чкалова, д. 49

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alexey A. Krynin, Senior Lecturer, Department of Criminalistics. Barnaul Law Institute of the MIA of Russia, 49 Chkalova St., Barnaul, Russian Federation, 656038.

Научная статья
УДК 343.144.5

ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ В РАСКРЫТИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОШЛЫХ ЛЕТ НА НОВЫХ ТЕРРИТОРИЯХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Дмитрий Александрович Кузьмин

Луганская академия Следственного комитета Российской Федерации,
Луганская Народная Республика, г. Луганск, Российская Федерация,
crimlask@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические и практические аспекты применения психофизиологических методов, в первую очередь полиграфа, в работе с лицами, располагающими информацией о нераскрытых преступлениях прошлых лет. Анализируются особенности подготовки и проведения психофизиологических исследований по делам данной категории, определяются типичные категории обследуемых лиц, приводятся примеры из практики. Особое внимание уделяется специфике применения указанных методов на новых территориях Российской Федерации – в Донецкой и Луганской Народных Республиках, Запорожской и Херсонской областях, где накоплен значительный массив нераскрытых преступлений. В статье также рассматриваются перспективы применения искусственного интеллекта для автоматизированного анализа полиграмм, беспроводных носимых систем психофизиологического мониторинга, технологий анализа движений глаз (EyeDetect) и нейровизуализационных методов (ЭЭГ, фМРТ) в контексте раскрытия преступлений прошлых лет, в том числе на новых территориях Российской Федерации. Делается вывод о том, что психофизиологические методы являются ценным тактическим инструментом, эффективность которого напрямую зависит от профессионализма сотрудников, тщательности подготовки и комплексного использования результатов в сочетании с традиционными методами расследования.

Ключевые слова: полиграф, психофизиологическое исследование, криминалистика, преступления прошлых лет, новые территории Российской Федерации, искусственный интеллект, беспроводной полиграф.

Для цитирования: Кузьмин Д. А. Психофизиологические методы в раскрытии преступлений прошлых лет на новых территориях Российской Федерации // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2026. Т. 39. № 3. С. 74–81.

PSYCHOPHYSIOLOGICAL METHODS FOR INVESTIGATING CRIMES FROM PREVIOUS YEARS IN THE NEW TERRITORIES OF THE RUSSIAN FEDERATION

Dmitry A. Kuzmin

Lugansk Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation,
Luhansk People's Republic, Lugansk, Russian Federation, crimlask@yandex.ru

Abstract. The article examines the theoretical and practical aspects of applying psychophysiological methods –primarily the polygraph –in working with individuals who possess information about unsolved crimes from previous years. It analyses the specifics of preparing and conducting psychophysiological studies in cases of this category, identifies typical categories of individuals under examination, and provides practical examples. Particular attention is given to the specifics of applying these methods in the new territories of the Russian Federation –the Donetsk and Luhansk People's Republics, and the Zaporizhzhia and Kherson regions –where a substantial body of unsolved crimes has accumulated. The article also explores the prospects for using artificial intelligence for the automated analysis of polygraph charts, wireless wearable psychophysiological monitoring systems, eye-tracking technologies (EyeDetect), and neuroimaging methods (EEG, fMRI) in the context of solving cold cases, including in the new territories of the Russian Federation. The paper concludes that psychophysiological methods are a valuable tactical tool, the effectiveness of which directly depends on the professionalism of the personnel, the thoroughness of preparation, and the integrated use of results in combination with traditional investigative methods.

Key words: polygraph, psychophysiological examination, criminology, cold cases, new territories of the Russian Federation, artificial intelligence, wireless polygraph.

For citation: Kuzmin D. A. Psikhofiziologicheskiye metody v raskrytii prestupleniy proshlykh let na novykh territoriyakh Rossiyskoy Federatsii [Psychophysiological methods for investigating crimes from previous years in the new territories of the Russian Federation]. Kriminalistika: vchera segodnya, zavtra = Forensics: yesterday, today, tomorrow. 2026, vol. 39 no 3, pp. 74–81 (in Russ.).

Введение

С течением времени материальные следы преступления могут быть утрачены или существенно видоизменены, свидетельская база ослабевает вследствие забывания деталей очевидцами, их переезда, смерти или нежелания сотрудничать со следствием. В этих условиях особую значимость приобретают любые

источники и методы получения криминалистически значимой информации, способные пролить свет на обстоятельства давно совершенных деяний. Одним из таких нетрадиционных, но достаточно активно применяемых в последние десятилетия методов, является психофизиологическое исследование с использованием полиграфа (ПФИ), а также иные психофизиологические

методики, направленные на выявление скрываемой информации или оценку достоверности сообщаемых сведений.

Актуальность применения психофизиологических методов при работе с информацией по преступлениям прошлых лет обусловлена спецификой данной категории дел. Зачастую оперативные сотрудники и следователи сталкиваются с ситуацией, когда круг потенциально осведомленных лиц крайне ограничен, а традиционные следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия не приносят ожидаемого результата. Лица, располагающие информацией, могут утаивать ее по различным причинам: боязнь мести со стороны преступников или их связей, нежелание быть вовлеченными в уголовный процесс, личная заинтересованность в исходе дела, либо же они сами могут быть причастны к совершению преступления в той или иной форме. В таких ситуациях ПФИ может выступить в качестве катализатора, способствующего либо получению новой информации, либо проверке уже имеющейся, либо изменению тактики работы с конкретным лицом.

Особую актуальность применение психофизиологических методов приобретает на новых территориях Российской Федерации – в Донецкой и Луганской Народных Республиках, Запорожской и Херсонской областях. Как отмечают практические работники, на этих территориях накоплен значительный массив нераскрытых преступлений военного и послевоенного времени, а также имеются лица, обладающие уникальной информацией о местах сокрытия оружия, схронов, тел погибших. Специфика работы на новых территориях обусловлена рядом факторов: во-первых, значительным количеством преступ-

лений, совершённых в условиях вооружённого конфликта, когда доступ к местам происшествий был ограничен; во-вторых, миграцией населения, что затрудняет установление местонахождения потенциальных свидетелей и очевидцев; в-третьих, наличием лиц, обладающих информацией, но опасющихся давать показания по соображениям личной безопасности. По данным Следственного комитета России по ЛНР, полиграф активно применяется при поиске схронов оружия: обследуемому предъявляются фотографии предполагаемых мест, и его психофизиологические реакции позволяют сузить круг поиска¹. Таким образом, новые территории становятся уникальным полигоном для апробации и совершенствования психофизиологических методик в сложных условиях постконфликтного периода.

Основная часть

В основе полиграфа лежит простая идея: если человек сознательно скрывает что-то важное, связанное с преступлением, его организм выдаёт реакцию. Меняются дыхание, пульс, кожно-гальваническая реакция – прибор это фиксирует. Причём человек не может сознательно управлять этими процессами, поэтому попытки «обмануть» полиграф, как правило, заметны для опытного специалиста. Однако важно понимать: полиграф – не детектор лжи в прямом смысле. Он лишь регистрирует физиологические изменения. А вот интерпретировать их, понять, связаны ли они с ложью или с чем-то другим – это уже дело полиграфолога. И здесь нужны не только знания, но и серьёзный практический опыт.

¹ Следователи в ЛНР при поиске схронов оружия активно применяют полиграф [Электронный ресурс] // Вести.ру. 2025. 11 октября. URL: <https://www.vesti.ru/article/4729247> (дата обращения: 16.07.2026).

Работа по делам прошлых лет имеет свою специфику. Главный фактор – время. Чем больше прошло с момента преступления, тем слабее эмоциональный отклик у человека. Воспоминания тускнеют, детали стираются. А значит, и реакции на вопросы могут быть менее отчётливыми, и отличить значимое от нейтрального становится сложнее. Поэтому подготовка к ПФИ по таким делам – отдельный этап. Нужно досконально изучить материалы дела, восстановить картину событий, выделить те детали, которые могли сохраниться в памяти фигуранта. Только тогда есть шанс получить чистый результат.

Круг лиц, которых имеет смысл проверять с помощью полиграфа по старым делам, довольно широк:

- свидетели и очевидцы, чьи показания вызывают сомнения. Со временем память могла подвести, и ПФИ помогает понять, где правда, а где – ошибка или вымысел;

- те, кто уже проходил по делу как подозреваемый или обвиняемый, но тогда не удалось доказать причастность. Новые технологии, например, геномная экспертиза по микроследам, могут дать повод вернуться к их проверке;

- люди из окружения потерпевшего или предполагаемого преступника, которых раньше не допрашивали, но оперативные данные указывают на то, что они что-то знают;

- осуждённые за другие преступления, которые могут располагать информацией от сокамерников или из других источников.

У каждой из этих групп своя мотивация. Свидетель может искренне ошибаться. Осуждённый – пытаться получить выгоду, рассказав то, что от него хотят услышать. Полиграфолог должен всё это учитывать – и в подготовке, и в ходе исследования.

Работа по старым делам требует от полиграфолога и его коллег особой тщательности. Всё начинается с предтестовой беседы. Это не просто формальность. Специалист должен не только объяснить процедуру, но и наладить контакт, прояснить цели, проговорить детали дела. Нередко именно в ходе беседы, ещё до включения прибора, человек решает рассказать то, что долго скрывал.

Отдельная тема – формулировка вопросов. Для дел прошлых лет это особенно тонкий момент. Вопрос должен быть конкретным, однозначным и касаться тех деталей, которые наверняка сохранились в памяти человека, если он действительно что-то знает. Часто используют так называемые «проверочные» вопросы – о том, что известно только следствию и причастным лицам. Например: «Знаете ли вы, каким орудием было совершено убийство?» или «Присутствовали ли вы на месте обнаружения трупа до приезда полиции?». При этом важно, чтобы вопрос не содержал деталей, которые уже попали в СМИ или стали известны широкой публике, – иначе реакции могут быть ложными.

Примеры из практики:

Пример 1. Убийство гражданки К., совершённое 12 лет назад. Оперативники получили информацию, что бывший сожитель потерпевшей, гражданин М., которого раньше не рассматривали как основного подозреваемого, может быть причастен. М. всё отрицал, утверждал, что был в другом городе. Провели ПФИ. В ходе теста М. выдавал выраженные реакции на вопросы о своём местонахождении в день убийства и об использовании предмета, который мог быть орудием. Результаты не стали прямым доказательством, но дали повод перепроверить алиби. В итоге

нашли косвенные улики, подтверждающие, что М. в тот день был в городе. Совокупность этих данных позволила предъявить обвинение. Этот случай показывает, как ПФИ может помочь в проверке версий, когда других способов почти не осталось.

Пример 2. По факту разбойного нападения на инкассаторов, совершённого 8 лет назад, один из осуждённых за другое преступление, гражданин П., заявил, что знает организаторов и исполнителей. Чтобы проверить его слова, провели ПФИ. Вопросы касались деталей, которые мог знать только реально осведомлённый человек: сколько было нападавших, марка машины, где спрятали похищенное. Реакции П. показали, что он говорит правду. Полученная информация позволила выйти на след предполагаемых преступников и активизировать сбор доказательств.

Пример 3. По делу об исчезновении человека 15 лет назад единственный свидетель, видевший его перед пропажей, гражданин С., давал путанные показания. Провели ПФИ, чтобы понять: он что-то скрывает или просто запутался? Реакции показали, что С. знает больше, чем говорит, и, скорее всего, опасается за свою безопасность. Последующая грамотно построенная беседа с учётом этих результатов позволила получить от С. новые сведения о людях, с которыми встречался пропавший. Расследование сдвинулось с мёртвой точки.

Помимо полиграфа, есть и другие психофизиологические методы, но они используются реже и с большой осторожностью. Например, анализ поведения, мимики и жестов во время допроса. Опытный следователь может заметить что-то важное, но этот метод крайне субъективен и доказательственной силы не имеет – только ориентир для дальнейшей работы. Или анализ голоса – Voice

Stress Analysis (VSA), который пытается уловить изменения в микротреморе голосовых связок. Его сторонники утверждают, что это коррелирует со стрессом. Но научная обоснованность VSA вызывает серьёзные сомнения, и в практике он используется редко.

Современные цифровые технологии, искусственный интеллект, носимые устройства – всё это постепенно приходит и в сферу психофизиологических методов. Можно выделить несколько направлений, которые сегодня определяют развитие этой области.

Искусственный интеллект в интерпретации полиграмм. Традиционно расшифровка полиграмм зависит от квалификации и опыта полиграфолога, а значит, в ней есть элемент субъективности. В последние годы разрабатываются системы автоматизированного анализа на основе ИИ. В 2025 году в журнале «Юридическая психология» вышла статья, где предлагается концепция применения ИИ для детекции лжи [1, с. 8]. Её автор формулирует цели, задачи, принципы и направления использования ИИ в этой сфере. Кроме того, исследователи Сбербанка создали первый в мире прототип виртуального полиграфолога на базе ИИ – публикация появилась в Scientific Reports. Система способна анализировать данные полиграфа и предлагать «второе мнение», выявлять попытки противодействия и ошибки оператора. Она работает с любыми методиками проверки². Идея в том, чтобы снизить влияние человеческого фактора и сделать

² Первый в мире прототип виртуального полиграфолога создали в Сбере [Электронный ресурс] // Научная Россия. URL: <https://xn--80aa3ak5a.xn--p1ai/news/pervyy-v-mire-prototip-virtualnogo-poligrafologa-sozdali-v-sbere/> (дата обращения: 16.07.2026).

выводы более объективными. Однако исследователи предупреждают: есть риски, в том числе этические, и нужен «золотой стандарт» данных для обучения моделей.

Беспроводные и носимые полиграфы. Классические полиграфы громоздкие, требуют множества проводов, что ограничивает их использование в полевых условиях и создаёт дискомфорт для обследуемого. В 2026 году в журнале *Science Advances* вышла статья о беспроводной носимой системе мультимодального мониторинга (SIMSS), которая одновременно регистрирует сердечный ритм, дыхание, потоотделение, кровоток и температуру³. Устройство выглядит как мягкий пластырь на груди. Тесты подтвердили его точность при оценке стрессовых реакций. Руководитель исследования Джон А. Роджерс из Северо-Западного университета отмечает, что прибор концептуально напоминает полиграф, но без доступа к химическим биомаркерам⁴. Такие устройства открывают возможность проводить исследования вне лабораторий – прямо на месте происшествия или при работе с информированными лицами в полевых условиях, в том числе на новых территориях.

Технологии анализа движений глаз. Есть и бесконтактные методы. Компания *Converus* разработала систему *EyeDetect*, которая

отслеживает движения глаз – расширение зрачков, моргание, фиксацию – как индикаторы когнитивной нагрузки, связанной с обманом. Точность метода, по заявлениям разработчиков, около 85 %. Система используется в более чем 60 странах⁵. В 2026 году в *Scientific Reports* опубликовано исследование, сравнивающее *EyeDetect* с полиграфом – учёные разработали метод на основе анализа движений глаз в рамках теста скрываемых знаний (*Concealed Information Test, CIT*)⁶. Для раскрытия преступлений прошлых лет такие методы могут применяться как скрининговый инструмент – для первичной оценки, до принятия решения о полноценном ПФИ.

Нейровизуализационные методы (фМРТ и ЭЭГ) также активно исследуются в контексте детекции скрываемой информации. Метод CIT на основе компонента P300 (регистрируемого с помощью ЭЭГ) показывает высокую эффективность – от 81 % до почти 100 % в лабораторных условиях. В 2025 году вышли результаты фМРТ-исследований с одновременным применением МРТ-совместимого полиграфа [2, с. 45]. Эксперименты подтвердили участие мозжечка в процессах сокрытия информации. Активность мозжечка может стать самостоятельным маркером для оценки активности мозга. Однако нейровизуализационные методы остаются дорогими, требуют стационарного оборудования и пока находятся на стадии исследований. Их широкое внедрение в практику – дело будущего.

³ Wireless, skin-interfaced multimodal sensing system for continuous psychophysiological monitoring—A wearable polygraph device // *Science Advances*. 2026. URL: <https://www.science.org/doi/full/10.1126/sciadv.aed3162> (дата обращения: 16.07.2026).

⁴ Создан носимый полиграф для выявления скрытого стресса [Электронный ресурс] // *Наука ТВ*. 2026. 14 мая. URL: https://naukatv.ru/news/sozdan_nosimyj_poligraf_dlya_vyyavleniya_skrytogo_stressa (дата обращения: 16.07.2026).

⁵ *EyeDetect* // *British Polygraph Society*. URL: <https://polygraph.org.uk/eyedetect/> (дата обращения: 16.07.2026).

⁶ Evaluating eye-tracking as a method for deception detection against the polygraph as deployed in practice // *Scientific Reports*. 2026. URL: <https://www.nature.com/srep/> (дата обращения: 16.07.2026).

Особый интерес применение новых технологий представляет на новых территориях. Здесь психофизиологические методы могут использоваться не только в расследовании, но и в оперативной работе – поиске пропавших, обнаружении тайников. Как отметил старший инспектор отдела криминалистического сопровождения СУ СК РФ по ЛНР Олег Голубев, полиграф помогает не только выявлять причастность, но и искать орудия преступлений. Если показывать человеку нейтральные фото, реакции не будет. А если фото связаны с реальным местом хранения – реакция может указать направление [1]. Мобильные беспроводные системы, которые позволяют проводить исследования прямо в местах проживания информированных лиц, без транспортировки в стационар, – это особенно актуально. ИИ-анализ полиграмм здесь тоже мог бы помочь – быстрее и объективнее обрабатывать данные, когда ресурсов мало, а время поджимает.

Правовой статус ПФИ в уголовном процессе до сих пор чётко не определён. Результаты не считаются полноценным доказательством, но могут использоваться как ориентирующая информация при планировании следственных действий. Судебная практика допускает приобщение заключения полиграфолога к делу, но оценивает его только в совокупности с другими доказательствами, а не как самостоятельный аргумент. И обязательно – только с добровольного согласия обследуемого.

При этом вопрос о допустимости таких заключений в суде решается по-разному. Одни суды принимают их, другие – нет, ссылаясь на отсутствие законодательного закрепления статуса полиграфа. Единой практики нет, и это является

проблемой. Очевидно, что нужны изменения на уровне закона.

Этические аспекты тоже требуют внимания. Нужно соблюдать права личности, не допускать унижения достоинства, насилия, угроз. Специалист должен быть квалифицированным, объективным и нести ответственность за свои выводы. На новых территориях эти вопросы особенно остры – у многих обследуемых могут быть посттравматические расстройства, и здесь от полиграфолога требуется особая тактичность и внимание к состоянию человека.

Выводы и заключение

Полиграф и другие психофизиологические методы – это не универсальный ключ ко всем тайнам, а профессиональный инструмент. При грамотном подходе он помогает сдвинуть с мёртвой точки расследование по давнему делу. Конечно, он не заменяет традиционные следственные действия и работу с документами. Но в тех случаях, когда другие способы исчерпаны, а информация о преступлении сохранилась лишь в памяти людей, ПФИ нередко оказывается тем самым «последним шансом», так как он позволяет либо подтвердить версию, либо отбросить её и пойти по новому следу.

В результате такого исследования следователь может проверить уже имеющиеся данные и выйти на новые источники, о которых раньше не подозревал. А это даёт толчок для дополнительных допросов, экспертиз и других мероприятий. Но важно понимать: сам по себе прибор ничего не решает. Конечный результат зависит от того, насколько грамотно подготовлено исследование, как интерпретированы данные, насколько они согласуются с другими материалами дела. И конечно, любое такое исследование должно проводиться в рамках закона и с соблюдением этических норм,

иначе его результаты не будут иметь никакой ценности.

Будущее психофизиологических исследований во многом связано с технологиями. Искусственный интеллект уже начинает применяться для анализа полиграмм, и это может снизить долю субъективизма. Однако пока такие системы существуют скорее как экспериментальные прототипы, говорить о массовом внедрении рано. Перспективны также беспроводные системы и методы нейровизуализации – они могут дополнить

или даже частично заменить классический полиграф. На новых территориях, где ресурсов часто не хватает, а результат нужен быстро, мобильные комплексы с ИИ-ассистированным анализом могли бы быть особенно полезны. Но их внедрение требует серьезной методической проработки и обучения специалистов. Без этого есть риск получить не эффективный инструмент, а очередную «игрушку», которая не выдержит проверки практикой.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Белых-Силаев, Д. В. Концепция применения искусственного интеллекта в системе психофизиологической детекции лжи с использованием полиграфа // Юридическая психология. 2025. № 3. С. 8–13.
2. Орлов, В. А., Карташов, С. И., Малахов, Д. Г., Ковальчук, М. В., Александров, Ю. И., Холодный, Ю. И. ФМРТ-исследования в парадигме сокрытия информации: данные об активности мозжечка // Экспериментальная психология. 2025. Т. 18. № 3. С. 45–66.

REFERENCES

1. Belykh-Silaev D.V. The Kontseptsiya primeneniya iskusstvennogo intellekta v sisteme psikhofiziologicheskoy detektsii lzhi s ispol'zovaniyem poligrafa [Concept of Applying Artificial Intelligence in the System of Psychophysiological Lie Detection Using a Polygraph]. Yuridicheskaya psikhologiya – Legal Psychology. 2025. (3). Pp. 8–13. (in Russian).
2. Orlov, V. A., Kartashov, S. I., Malakhov, D. G., Kovalchuk, M. V., Alexandrov, Yu. I., & Kholodny, Yu. I. FMRT-issledovaniya v paradigme sokrytiya informatsii: dannyye ob aktivnosti mozzhechka [FMRI Studies in the Paradigm of Information Concealment: Data on Cerebellar Activity]. Eksperimental'naya psikhologiya. – Experimental Psychology. 2025. 18(3). Pp. 45–66. (in Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кузьмин Дмитрий Александрович, кандидат юридических наук, заведующий кафедрой криминалистики. Луганская академия Следственного комитета Российской Федерации. 291047, Российская Федерация, Луганская Народная Республика, г. Луганск, кв-л Пролетариата Донбасса, д. 5.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dmitry A. Kuzmin, Head of the Department of Criminalistics, Candidate of Legal Sciences, Lugansk Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 5, Proletariata Donbassa Quarter, Lugansk, Luhansk People's Republic, Russian Federation, 291047.

Научная статья
УДК: 343.98

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ХИЩЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ТЕХНОЛОГИИ NFC

**Алексей Александрович Москвичев¹, Роман Александрович Дерюгин²,
Олег Владимирович Богомолов³**

¹Московская академия Следственного комитета имени А. Я. Сухарева,
г. Москва, Российская Федерация, moskvichev-48@rambler.ru

²Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России,
г. Тюмень, Российская Федерация, deryugin.r.a@mail.ru

³ЭКЦ ГУ МВД России по Новосибирской области, г. Новосибирск,
Российская Федерация, bogomolovov@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются современные подходы к криминалистическому анализу хищений, совершаемых с использованием технологии Near Field Communication (NFC). Исследуется феномен модификации легитимных инструментов, таких как NFCGate, применяемых преступниками для перехвата и ретрансляции платежных данных. Авторами описаны методы цифровой криминалистики, направленные на обнаружение, фиксацию и анализ цифровых следов, а также даны рекомендации по противодействию рассматриваемым преступлениям. Особое внимание уделено социальной инженерии как ключевому элементу в реализации кибератак.

Ключевые слова: цифровая криминалистика; NFC; бесконтактные платежи; цифровые следы; социальная инженерия; NFCGate, киберпреступления.

Для цитирования: Москвичев А. А., Дерюгин Р. А., Богомолов О. В. Криминалистический анализ хищений, совершенных с использованием технологии NFC // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2026. Т. 39. № 3. С. 82–94.

FORENSIC ANALYSIS OF THEFTS COMMITTED USING NFC TECHNOLOGY

Alexey A. Moskvichev¹, Roman A. Deryugin², Oleg V. Bogomolov³

¹A. Ya. Sukharev Moscow Academy of the Investigative Committee, Moscow, Russian Federation, moskvichev-48@rambler.ru

²Tyumen Institute for Advanced Training of Personnel of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Tyumen, Russian Federation, deryugin.r.a@mail.ru

³Forensic Center of the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Novosibirsk Region, Novosibirsk, Russian Federation, bogomolovov@mail.ru

Abstract. The article discusses modern approaches to forensic analysis of thefts committed using Near Field Communication (NFC) technology. The phenomenon of modification of legitimate tools, such as NFCGate, used by criminals to intercept and retransmit payment data, is investigated. The authors describe digital forensics methods aimed at detecting, recording, and analyzing digital traces, and provide recommendations for countering these crimes. Special attention is given to social engineering as a key element in the implementation of cyberattacks.

Keywords: digital forensics; NFC; contactless payments; digital traces; social engineering; NFCGate; cybercrime.

For citation: Moskvichev A.A., Deryugin R.A., Bogomolov O.V. Kriminalisticheskiy analiz khishcheniy, sovershennykh s ispol'zovaniyem tekhnologii NFC [Forensic analysis of thefts committed using nfc technology]. Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra = Forensics: yesterday, today, tomorrow. 2026, vol. 39 no. 3, pp. 82–94 (in Russ.).

Введение

В настоящее время все сферы жизни общества характеризуются повсеместным внедрением информационно-телекоммуникационных технологий, которые стали неотъемлемой частью взаимодействия людей. Современные технологии оптимизируют коммуникацию, ускоряют обработку данных, открывают новые возможности для инноваций, что положительно влияет на развитие социальных и экономических общественных отношений.

Основная часть

При этом справедливо отметить, что многие инновации и современные цифровые решения стали применяться для совершения преступлений. Одной из таких технологий стала NFC (Near Field Communication), которая представляет собой разновидность беспроводной связи малого радиуса действия, основанная на принципах радиочастотной идентификации (RFID) и предназначенная для обмена данными, идентификации объектов и считывания сохраненной информации. NFC получила широкое распространение и активно используется в таких областях, как мобильные платёжные системы, электронные пропуска и системы контроля доступа, а также в различ-

ных автоматизированных системах самообслуживания.

К числу ключевых характеристик технологии NFC следует отнести ряд функциональных и технических характеристик:

- связь на короткие расстояния: дальность действия NFC обычно составляет не более 4 сантиметров, что гарантирует безопасность и точность связи;

- быстрое сопряжение: соединение между устройствами NFC устанавливается очень быстро, достаточно просто поднести два устройства близко друг к другу;

- низкое энергопотребление: NFC потребляет очень мало энергии, что делает ее подходящей для небольших устройств, требующих длительного времени ожидания;

- универсальные приложения: NFC можно использовать для мобильных платежей (например, Apple Pay, Google Pay, Samsung Pay), проверки личности, обмена данными (например, контактами, фотографиями) и оплаты билетов на общественный транспорт [1].

Однако данная технология была адаптирована преступниками и стала применяться как инструмент совершения финансовых преступлений, позволяющий осуществлять дистан-

ционное несанкционированное списание денежных средств с банковских счетов пользователей Android-устройств по всему миру.

В первой половине 2025 года был зафиксирован значительный рост (более 3500 % по сравнению со вторым полугодием 2024 года) числа инцидентов, связанных с хищением средств с использованием технологии NFC (кардинг). По информации на апрель 2026 года, число атак с применением NFC увеличилось еще на 20 % [2].

Данная динамика обусловлена появлением новых вредоносных программ и мошеннических схем ретрансляции NFC-данных. Среди них можно выделить:

- NGate – вредоносное ПО, передающее данные NFC-платёжных карт через скомпрометированные смартфоны, что позволяет злоумышленникам осуществлять несанкционированное снятие наличных в банкоматах;

- GhostTap – программа, предназначенная для хищения данных банковских карт с последующей загрузкой их в цифровые кошельки и использованием для бесконтактных платежей;

- SuperCard X – приложение, разработанное группой злоумышленников из Китая и маскирующееся под безопасное NFC-решение, фактически скрытно собирающее данные банковских карт и передающее их для проведения быстрых незаконных транзакций [3].

Дополнительную угрозу представляет стремительный рост Telegram-каналов, распространяющих пошаговые инструкции и обучающие видеоматериалы по кардингу, что значительно снижает порог входа в данную преступную деятельность для технически неподготовленных пользователей. Аудитория отдельных каналов исчисляется тысячами подписчиков.

Анализ содержания ряда подобных ресурсов, проведённый в рамках данного исследования, показал, что

большая часть инструкций составлена на китайском языке. Кроме того, наблюдается чёткая региональная специализация преступных группировок: одни ориентированы на США, Канаду, Австралию и Великобританию, другие – на Японию, Малайзию и Тайвань, третьи – на страны Африки [4].

В России первые успешные атаки на клиентов банков были зафиксированы в августе 2024 года. Тогда совокупный ущерб от новой схемы мошенничества оценивался приблизительно в 40 млн рублей, а экспертное сообщество прогнозировало ежемесячный рост числа таких киберпреступлений на уровне 25–30 %. Данный прогноз в целом подтвердился: в течение 2025 года было зарегистрировано не менее 400 подобных инцидентов, при этом средняя сумма хищений составила около 100 тысяч рублей. Наиболее часто в реализации атак использовалось приложение NFCGate (NGate).

Механизм мошеннической схемы основан на несанкционированном использовании технологии бесконтактной передачи данных (NFC) в сочетании с методами социальной инженерии. Преступники, действуя под видом представителей банков или иных доверенных организаций, убеждают пользователей установить на Android-устройство специальное приложение. После установки жертву просят приложить свою банковскую карту к смартфону и ввести PIN-код, аргументируя это тем, что карта физически остается у владельца и, следовательно, передача конфиденциальных данных якобы не представляет угрозы. В действительности приложение осуществляет считывание реквизитов карты через NFC-интерфейс и передает полученную информацию на сторону мошенников, которые в этот момент могут находиться у банкомата в любой географической точке мира. Используя аналогичное программное обеспечение, преступник прикладывает соб-

ственное устройство к банкомату и после ввода PIN-кода получает доступ к операциям по счету, включая снятие денежных средств.

Также активно распространяется обратная схема, когда на телефон потерпевшего устанавливается вредоносное ПО, которое ретранслирует сигнал с карты мошенника на его устройство. В этом случае жертву, предварительно получившую наличные средства, направляют к банкомату под предлогом внесения денежных средств на «безопасный» или «резервный» счет. При прикладывании устройства к терминалу и осуществлении операции пополнения фактически происходит зачисление средств на карту, контролируруемую преступниками [5].

Приложение NFCGate изначально разрабатывалось как легитимный инструмент для захвата, мониторинга и анализа NFC-трафика, включая перехват и воспроизведение сигнала. NFCGate было создано в рамках учебного проекта студентами Дармштадтского технического университета и распространяется как программное обеспечение с открытым исходным кодом, размещённое в публичном репозитории GitHub [6]. Функциональные возможности NFCGate реализованы в виде нескольких режимов работы, каждый из которых предназначен для решения определённых задач и использует различные механизмы обработки NFC-трафика. В качестве примера можно привести ситуацию, при которой преступник осуществляет считывание NFC-метки, используемой в системе контроля и управления доступом, в местах с высокой концентрацией пользователей (например, офисных или складских помещениях). Полученные данные применяются для создания программной копии исходной метки, которая впоследствии используется для несанкционированного доступа в защищённые помещения без физического предъявления оригинального идентификатора.

Режим Relay Mode предназначен для удалённой передачи NFC-сигнала по сети. В рамках данной схемы одно устройство с установленным NFCGate функционирует в роли считывателя NFC-меток, тогда как второе устройство выполняет функцию эмулируемой метки, воспроизводя полученный сигнал. Взаимодействие между устройствами осуществляется посредством промежуточного сервера, реализованного на языке Python, при этом на обоих устройствах задаются параметры сетевого соединения (IP-адрес и порт сервера). Данный режим позволяет осуществлять ретрансляцию NFC-сигнала в реальном времени, что потенциально делает возможным выполнение операций на удалённых терминалах без физического присутствия оригинальной карты в месте проведения операции. Практическая реализация подобных сценариев ограничивается действующими регламентами бесконтактных платежей, включая установленные лимиты на операции без ввода персонального идентификационного номера.

Режим Capture Mode используется для пассивного перехвата NFC-трафика с последующей его регистрацией и сохранением. Основное назначение данного режима заключается в анализе протоколов обмена, выявлении потенциальных уязвимостей и оценке возможности последующего воспроизведения сигналов. Данный функционал применяется при исследовании архитектуры систем безопасности и моделировании возможных сценариев атак.

Режим Replay Mode расширяет возможности анализа за счёт воспроизведения ранее сохранённого NFC-трафика, зафиксированного в ходе конкретной сессии обмена данными между устройствами. Использование данного режима позволяет многократно эмулировать работу NFC-устройства, включая банковские карты и иные средства бесконтактной

аутентификации, на основе ранее перехваченных данных.

С момента начала использования NFCGate для атак на клиентов банков мошенники произвели ряд модификаций приложения и научились маскировать его под государственные и банковские сервисы. Новая схема стала проблемой для службы безопасности банков, так как было обнаружено свыше 100 уникальных образцов вредоносного ПО на основе NFCGate.

Первый этап атаки чаще всего основывается на методах социальной инженерии, когда жертву под предлогом «защиты» банковской карты, взлома личного кабинета «Госуслуг», продления договора сотовой связи, замены медицинского полиса, оплаты услуг ЖКХ или подтверждения личности убеждают в необходимости установки специального приложения. Такое приложение внешне похоже на легитимное приложение банка или госструктуры, но на самом деле это вредоносная программа на основе NFCGate. Для удаленной установки

NFCGate на устройство жертвы используют вредоносные RAT-приложения (Remote Access Trojans – трояны удалённого доступа), например CraxRAT, которые распространяют, как правило, через мессенджеры в виде APK-файлов. В устанавливаемом NFCGate уже запущен режим Relay Mode и указаны настройки сервера, на который будут отправляться NFC-данные при сканировании пользователем NFC-метки своим смартфоном. В этот момент на смартфоне преступника также запущен NFCGate в Relay Mode с ролью Tag в ожидании подключения к сессии смартфона жертвы. Когда жертва запустит приложение, будет установлено соединение в рамках сессии Relay Mode. Преступник может определить, что NFCGate успешно установлен на устройство жертвы и готов к передаче данных, по сообщению «*Network: Connected to partner*» (рисунок 1).

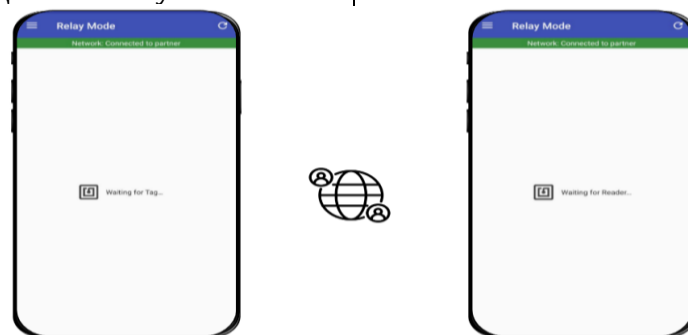

Рис. 1. Интерфейс приложения NFCGate в режиме Relay Mode

Следующий этап атаки – считывание данных карты при перехвате трафика во время проведения аутентификации в банкомате по протоколу NFC. На этом этапе злоумышленник находится рядом с банкоматом, а устройство с NFCGate уже приложено к NFC-датчику банкомата, ожидающего поступления NFC-сигнала банковской карты. С помощью средств социальной инженерии – например, под предлогом защиты банковской карты – жертву убеждают в необхо-

димости приложить её к NFC-датчику своего смартфона. Так как оба устройства переведены в Relay Mode, а соединение между ними установлено, при прикладывании карты к устройству в роли Reader (смартфон жертвы) NFC-данные карты будут переданы на устройство в роли Tag (смартфон атакующего) и эмулированы им. Аналогичным образом, трафик, отправленный банкоматом в ответ, передаётся обратно.

После успешного сканирования карты жертвы преступнику для полного доступа к ее средствам остаётся только получить PIN-код карты. Эту информацию он может получить несколькими путями: например, методами все той же социальной инженерии или путем перехвата символов, набираемых на виртуальной клавиатуре при входе в приложение банка ранее, если на устройстве установлено уже упомянутое RAT-приложение. Также в ряде модификаций NFCGate, имитирующих работу легитимного банковского приложения, всплывает запрос на ввод PIN-кода пользователя.

Следует отметить, что сессия обмена данными карты и банкомата может быть использована повторно: приложение NFCGate производит запись перехваченного ранее трафика, позволяя воспроизвести его с помощью функционала Replay Mode. Таким образом, единожды перехватив трафик, мошенники получают возможность повторно использовать данные банковской карты для хищения денежных средств потерпевшего [7].

В октябре 2024 года зафиксированы многократные случаи использования модифицированного NFCGate против клиентов ведущих российских банков. Атаки производились с использованием вредоносных, созданных на основе NFCGate APK-файлов, эмулирующих работу легитимных приложений банков или государственных структур.

Для проведения атак злоумышленники модифицируют приложение NFCGate, предусматривая:

1. Смену UI-интерфейса. Замечены попытки мимикрировать под приложения банков и государственных структур путём создания стилистически похожего графического интерфейса, подменяющего GUI NFCGate.

2. Соккрытие push-уведомлений. Тем самым атакующая сторона стремится помешать жертве своевременно обнаружить и среагировать на несанкционированный доступ к сво-

ему банковскому счету и операциям по нему.

3. Смену имён пакетов, приложений.

4. Смену формата собираемых данных. В части проанализированных вариантов реализаций вредоносного ПО замечено преобразование считанных NFC-данных в данные банковской карты (номер, срок истечения действия) и отправка их на сервер вместе с сырым NFC-трафиком.

5. Запрос PIN-кода банковского счета жертвы при запуске приложения.

Для иллюстрации особенностей функционирования вредоносных файлов, используемых преступниками, рассмотрим анализ реального инцидента информационной безопасности. В исследуемой модификации вредоносного программного обеспечения режим взаимодействия с NFC-интерфейсом Relay Mode был активирован на этапе установки. После считывания данных банковской карты, приложенной к NFC-модулю мобильного устройства, соответствующая информация автоматически передавалась на удалённый сервер, находящийся под контролем злоумышленников.

В январе 2025 года потерпевшему посредством приложения Telegram позвонил неизвестный, который представился сотрудником правоохранительных органов и под предлогом «сохранения денежных средств» попросил установить стороннее мобильное приложение. В дальнейшем, в рамках так называемой процедуры «верификации», потерпевшего убедили запустить установленное приложение и приложить к мобильному устройству свою банковскую карту с использованием NFC-интерфейса, после чего удалить данное приложение. Спустя непродолжительное время после выполнения указанных действий с банковского счёта потерпевшего посредством банкомата были несанкционирован-

но сняты денежные средства в размере 230 тыс. рублей. В рамках возбужденного уголовного дела на экспертизу был представлен мобильный телефон Redmi Note 11S, посредством которого осуществлялось общение потерпевшего с неизвестным лицом.

На первоначальном этапе проведения компьютерно-технической экспертизы с использованием специализированного программного обеспечения «Мобильный Криминалист Эксперт Плюс» было выполнено извлечение полной файловой системы исследуемого мобильного устройства методом «MTK Android».

С учётом того, что часть вредоносных приложений, используемых для хищения денежных средств, подлежит обнаружению средствами антивирусной защиты, на следующем этапе было проведено сканирование

файлов, извлечённых из памяти мобильного устройства, антивирусным программным обеспечением, по результатам которого был выявлен файл с именем «ВТБ (1).apk», который детектировался антивирусным программным обеспечением как объект с сигнатурой «HEUR:Trojan.AndroidOS.NfcGate.a».

Дополнительный анализ метаданных файловой системы показал, что обнаруженный файл был изменен 22.01.2025. Также установлено, что данный файл размещён в каталоге, связанном с мессенджером Telegram («/media/0/Android/data/org.telegram.messenger/files/Telegram/Telegram Files/»), что позволяет предположить его получение в ходе обмена сообщениями посредством указанного сервиса (рисунок 2).

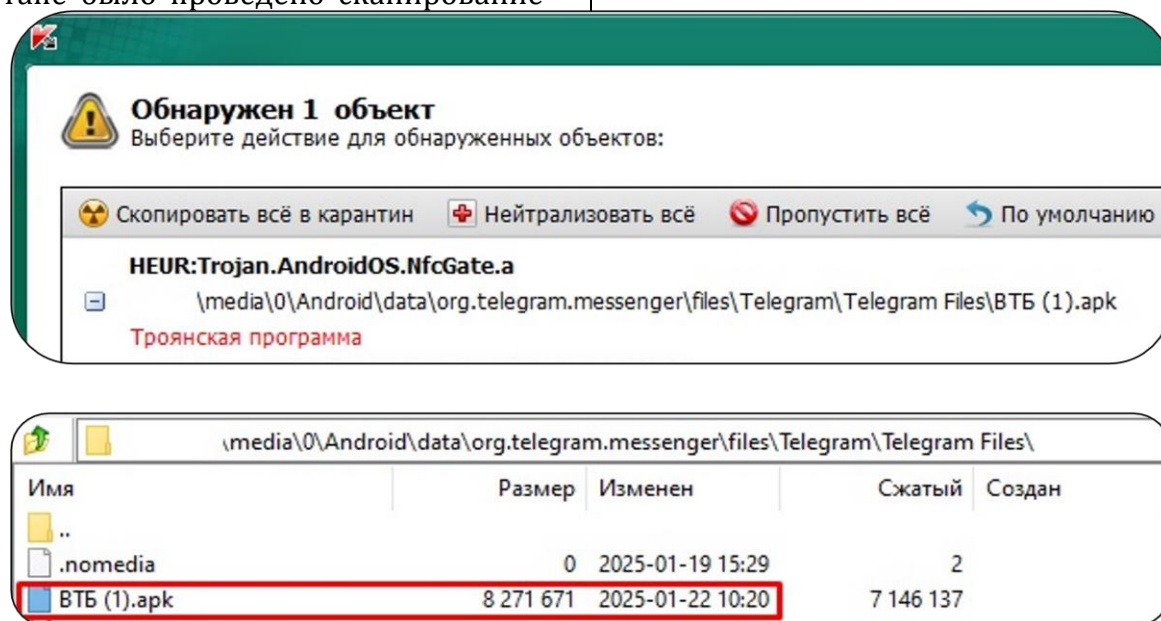
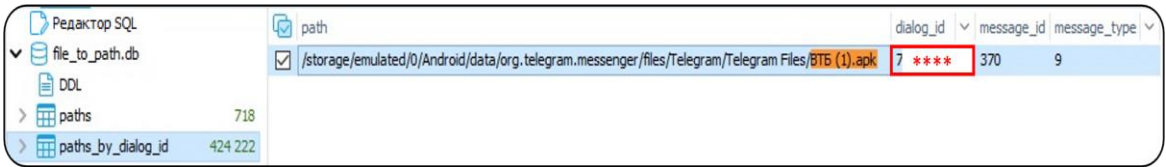

Рис. 2. Местоположение файла «ВТБ (1).apk» с датой изменения 22.01.2025 в 10:20

Анализ содержимого таблицы path_by_dialog_id базы данных file_to_path.db, расположенной в каталоге /data/data/org.telegram.messenger/files/, показал, что файл «ВТБ (1).apk»

был получен от пользователя мессенджера Telegram с идентификатором «7****»¹ (рисунок 3).

¹ В целях исключения возможности однозначной идентификации отдельных значений часть данных была намеренно обезличена

dialog_id	message_id	message_type	path
7 ****	370	9	/storage/emulated/0/Android/data/org.telegram.messenger/files/Telegram/Telegram Files/ВТБ (1).apk

Рис. 3. Фрагмент содержимого таблицы path_by_dialog_id базы данных file_to_path.db

В ходе дальнейшего исследования в таблице paths был установлен идентификатор документа, соответствующего загруженному файлу, со значением «52****93». Использование

данного идентификатора позволило продолжить корреляционный анализ с другими компонентами локального хранилища мессенджера (рисунок 4).

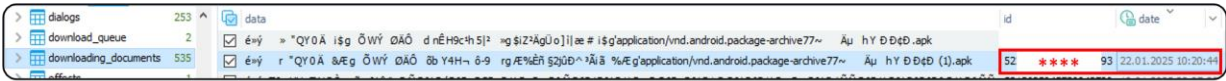

document_id	dc_id	type	path	flags
52 **** 93	2	3	/storage/emulated/0/Android/data/org.telegram.messenger/files/Telegram/Telegram Files/ВТБ (1).apk	0

Рис. 4. Фрагмент содержимого таблицы path_by_dialog_id базы данных file_to_path.db

В частности, при анализе базы данных cache4.db, зарегистрированной в том же каталоге /data/org.telegram.messenger/files/, в таблице downloading_documents была установлена временная метка полу-

чения сообщения, содержащего исследуемый файл. Согласно данным базы, загрузка файла была выполнена 22.01.2025 в 10:20:44 (см. рисунок 5).

id	date	data
52 **** 93	22.01.2025 10:20:44	é~ý > "QY0Ä i\$g ÖWY QAO d nEH9çh5I² hg \$iZ3AgUo]i æ # i\$g'application/vnd.android.package-archive77~ Au hY Ð ÐéÐ .apk

Рис. 5. Фрагмент содержимого таблицы downloading_documents базы данных cache4.db

Сопоставление указанной временной метки с метаданными файловой системы демонстрирует соответствие даты получения сообщения и даты изменения файла «ВТБ (1).apk», что подтверждает целостность восстановленной хронологии событий. При этом непосредственное содержимое переписки с пользователем, имеющим идентификатор «7****», обнаружено не было, что, вероятно, обусловлено удалением соот-

ветствующего диалога. Тем не менее анализ базы данных cache4.db в таблице users позволил извлечь частичную информацию об учётной записи, включая имя профиля «го****» и имя пользователя «1****» (рисунок 6). После установления источника поступления и временных характеристик исследуемого файла следующим этапом исследования стало изучение функциональных особенностей и

назначения обнаруженного вредоносного программного обеспечения.

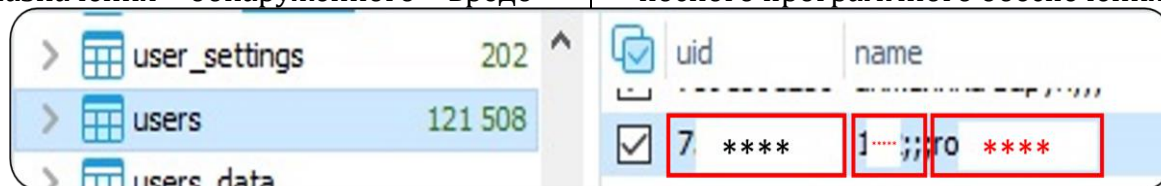

Рис. 6. Фрагмент содержимого таблицы users базы данных cache4.db

После декомпиляции файла «ВТБ (1).apk» в Manifest.xml обнаружен идентификатор приложения — «de.tu_darmstadt.seemoo.nfcgate» и его отображаемое имя — «Защита ВТБ», указанное в параметре app_name файла strings.xml. Дальнейший анализ декомпилированного кода пока-

зал, что его функции (и даже идентификатор) совпадают с функциями легитимного приложения NFCGate. Также выявлен адрес сервера ***.***.***.***4, на который отправлялись перехваченные NFC-данные (рисунок 7).

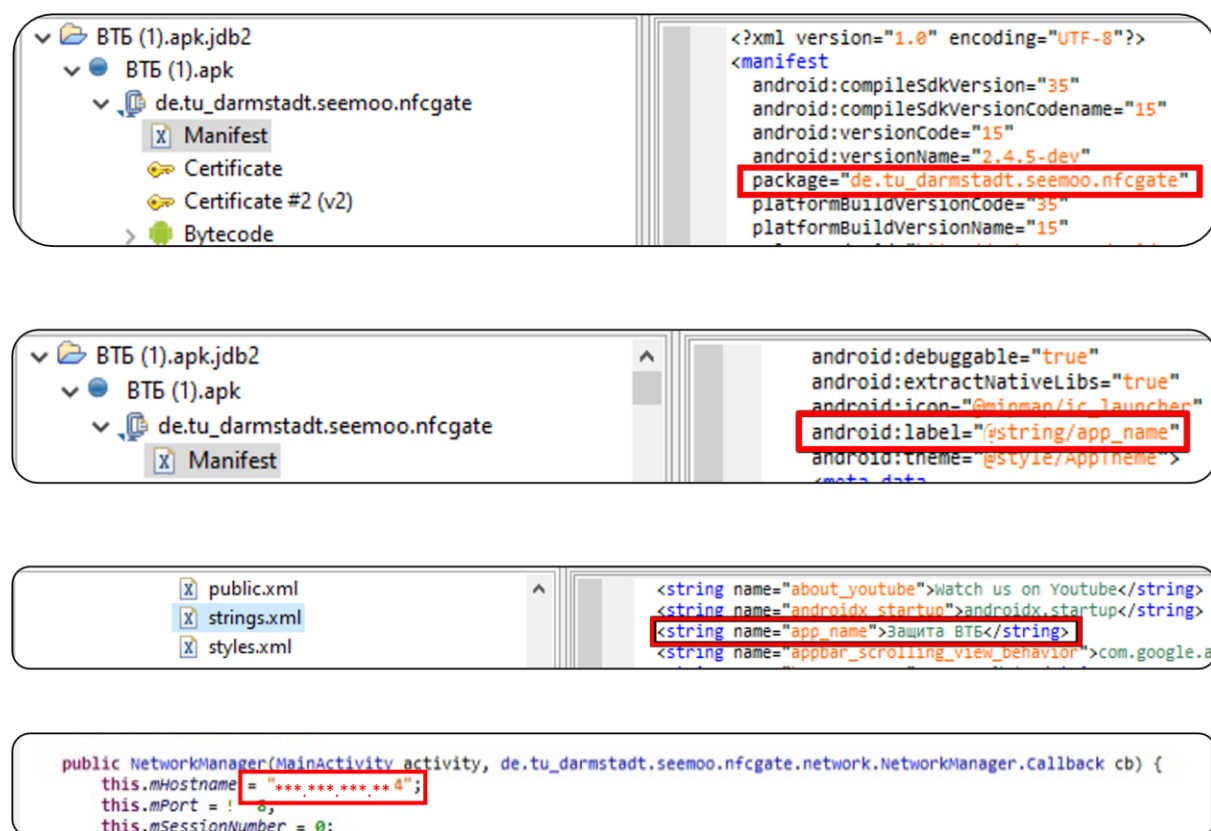

Рис. 7. Анализ декомпилированного кода показал, что его функции (и даже идентификатор) совпадают с NFCGate

Дальнейшее изучение следов данного приложения в операционной системе смартфона показало, что оно

было дважды удалено из устройства – 23.01.2025 в 11:16 и 23.01.2025 в 11:41. Также история установки при-

ложения полностью согласуется с
общим таймлайном, начиная с даты

получения «вредоносного» файла
(рисунок 8).

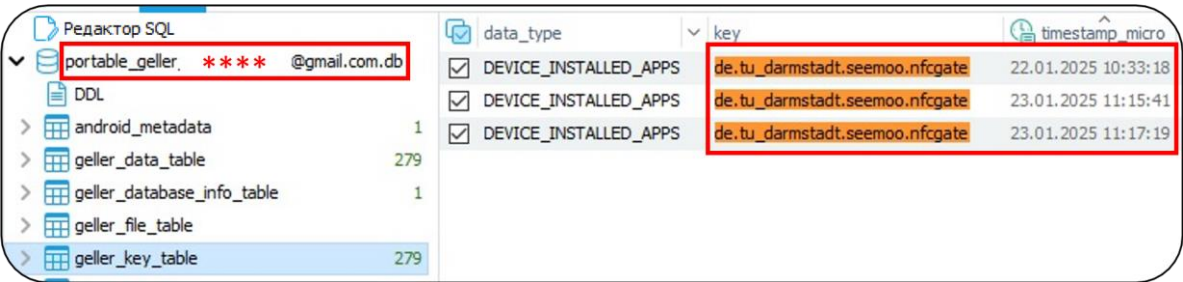

Рис. 8. Фрагмент содержимого таблицы portable_geller_****@gmail.com.db
базы данных geller_key_table

Кроме этого, в файле «package-
usage.list» в каталоге /data/system/
зафиксирован запуск службы
«com.android.nfc», отвечающей за ра-
боту с NFC – 23.01.2025 в 11:37.

И, наконец, в каталоге, где хра-
нятся данные мобильного банка, был

обнаружен графический файл с запи-
сью о снятии 230 000 рублей
23.01.2025 в 14:39, что подтвердило
оконченный факт хищения (рисунок
9).

Рис. 9. Графический файл с записью о снятии 230 000 рублей

Выводы и заключение

1. Результаты проведенного Хищения с использованием технологии NFC стали по содержанию самостоятельным способом совершения преступлений, основанным на модификации легитимного программного обеспечения с применением методов социальной инженерии.

2. Использование приложений семейства NFCGate позволяет осуществлять несанкционированные операции без физического доступа к банковской карте потерпевшего, что

осложняет выявление и расследование таких деяний.

3. Анализ судебной и следственной практики подтверждает доказательственную значимость цифровых следов, формируемых на мобильных устройствах, и необходимость их комплексного криминалистического исследования.

Полученные выводы могут быть использованы в следственной и экспертной практике при расследовании преступлений данной направленности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. What is NFC? 5 ways NFC is used in everyday life. AuthMe Blog. Электронный ресурс. – Режим доступа: <https://authme.com/blog/what-is-nfc/> (дата обращения: 25.04.2026).

2. Мошенники крадут деньги россиян через NFC в половине атак с использованием вирусов [Электронный ресурс] // <https://iz.ru/2078428/2026-04-14/moshenniki-kradut-dengi-rossiian-cherez-nfc-v-polovine-atak> (дата обращения: 04.05.2026).

3. ESET Threat Report. Отчёт об угрозах: 1-е полугодие 2025 г. Электронный ресурс. – Режим доступа: <https://www.eset.com/ru/business/eset-threat-report/> (дата обращения: 25.04.2026).

4. NFC Fraud Wave: Evolution of Ghost Tap on the Dark Web. Resecurity Blog. Электронный ресурс. — Режим доступа: <https://www.resecurity.com/blog/article/nfc-fraud-wave-evolution-of-ghost-tap-on-the-dark-web> (дата обращения: 30.04.2026).

5. Информационное агентство ТАСС. Объём хищений у россиян по схеме NFC Gate снизился за месяц в семь раз // ТАСС. – 09 июля 2025. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/24470209> (дата обращения: 03.05.2026).

6. NFCGate : open-source tool for NFC traffic capture and replay [Электронный ресурс]. — GitHub. — URL: <https://github.com/nfcgate/nfcgate> (дата обращения: 29.04.2026).

7. Копосов А., Грищенко А. «Приложите вашу карту»: легитимное приложение NFCGate помогло похитить у клиентов российских банков 40 млн рублей [Электронный ресурс] // F6. – 22 янв. 2025. – URL: <https://www.f6.ru/blog/nfcgate/> (дата обращения: 04.05.2026).

REFERENCER

1. What is NFC? 5 ways NFC is used in everyday life. AuthMe Blog. Электронный ресурс. – Режим доступа: <https://authme.com/blog/what-is-nfc/> (дата обращения: 25.04.2026).

2. Moshenniki kradut den'gi rossiyan cherez NFC v polovine atak s ispol'zovaniyem virusov [Fraudsters steal money from Russians via NFC in half of virus-

based attacks [Electronic resource] // <https://iz.ru/2078428/2026-04-14/moshenniki-kradut-dengi-rossiian-cherez-nfc-v-polovine-atak> (accessed: 04.05.2026). 3. Karpika, A. G. Aktual'nyye voprosy poiska i analiza tsifrovyykh sledov v operativno-rozysknoy deyatel'nosti [Topical issues of search and analysis of digital traces in operational-search activities]. UP. 2019. №3 (90). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-voprosy-poiska-i-analizatsifrovyyhsle-dovvoperativno-rozysknoy-deyatelnosti> (дата обращения: 09.12.2025).

3. ESET Threat Report. Отчёт об угрозах: 1-е полугодие 2025 г. Электронный ресурс. – Режим доступа: <https://www.eset.com/ru/business/eset-threat-report/> (дата обращения: 25.04.2026).

4. NFC Fraud Wave: Evolution of Ghost Tap on the Dark Web. Resecurity Blog. Электронный ресурс. — Режим доступа: <https://www.resecurity.com/blog/article/nfc-fraud-wave-evolution-of-ghost-tap-on-the-dark-web> (дата обращения: 30.04.2026).

5. Informationsnoye agentstvo TASS. Ob'yom khishcheniy u rossiyan po skheme NFC Gate snizilsya za mesyats v sem' raz [TASS News Agency. Volume of funds stolen from Russians via the NFC Gate scheme dropped sevenfold in a month] // TASS. – July 9, 2025. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/24470209> (accessed: May 3, 2026).

6. NFCGate : open-source tool for NFC traffic capture and replay [Электронный ресурс]. — GitHub. — URL: <https://github.com/nfcgate/nfcgate> (дата обращения: 29.04.2026).

7. Koposov A., Grishchenko A. «Prilozhite vashu kartu»: legitimnoye prilozheniye NFCGate pomoglo pokhitit' u kliyentov rossiyskikh bankov 40 mln rubley ["Tap your card": the legitimate NFCGate app helped steal 40 million rubles from Russian bank clients [Electronic resource] // F6. – Jan. 22, 2025. – URL: <https://www.f6.ru/blog/nfcgate/> (accessed: May 4, 2026).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Москвичев Алексей Александрович, старший преподаватель кафедры информационных технологий и организации расследования киберпреступлений. Московская академия Следственного комитета имени А. Я. Сухарева; 125080, Российская Федерация г. Москва, ул. Врубеля, д. 12. преподаватель-методолог. ООО «МКО Системы» г. Москва, Российская Федерация

Дерюгин Роман Александрович, начальник кафедры организации расследования преступлений и судебных экспертиз. Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России. 625049, Российская Федерация, г. Тюмень, ул. Амурская, 75

Богомолов Олег Владимирович, главный эксперт ЭКЦ. ГУ МВД России по Новосибирской области, 630027, Российская Федерация, г. Новосибирск, ул. Богдана Хмельницкого, 98.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Aleksey A. Moskvichev, Senior Lecturer, Department of Information Technologies and Organization of Cybercrime Investigation. A. Ya. Sukharev Moscow Academy of the Investigative Committee; 12 Vrubelya St., Moscow, Russian Federation, 125080; Lecturer-Methodologist, MKO Sistemy LLC, Moscow, Russian Federation.

Roman A. Deryugin, Head of the Department of Organization of Crime Investigation and Forensic Expertise, Tyumen Institute for Advanced Training of Personnel of the Russian Interior Ministry. 75 Amurskaya St., Tyumen, Russian Federation, 625049.

Oleg V. Bogomolov, Chief Expert, Forensic Center (EKTs), Main Directorate of the Russian Interior Ministry for the Novosibirsk Region; 98 Bogdana Khmel'nitskogo St., Novosibirsk, Russian Federation, 630027.

Научная статья
УДК 343. 985

ТАКТИКА ДОПРОСА ПОДОЗРЕВАЕМЫХ ПО ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ПРОТИВ ПРАВОСУДИЯ

Владимир Анатольевич Попов¹, Александр Алексеевич Рудавин²

^{1,2}Рязанский филиал Московского университета МВД России
имени В. Я. Кикотя, г. Рязань, Российская Федерация

¹volpopov@mail.ru

²aleksandr.rudavin@mail.ru

Аннотация. В научной статье рассматриваются вопросы, связанные с практикой допроса лиц, являющихся профессиональными участниками судопроизводства. Обоснована актуальность темы исследования, раскрыто значение обстановки совершения преступления для формирования следственных версий и планирования допроса, отмечена важность изучения личности подозреваемого, предварительное моделирование возможных поведенческих стратегий и альтернативных сценариев следственного действия. Проанализированы психологические аспекты допроса, в частности влияние стресса на поведение подозреваемого, необходимость преодоления защитной доминанты и налаживания эффективного коммуникативного контакта. Обоснована целесообразность участия защитника как гаранта прав личности. Сделано заключение о необходимости системного подхода к организации допроса, содержащего правовую обоснованность, тактическую вариативность и психологическую подготовленность как основу эффективного получения достоверной и допустимой информации в рамках уголовного производства.

Ключевые слова: преступление, правосудие, следственное действие, допрос, подозреваемый, тактический приём.

Для цитирования: Попов, В. А., Рудавин, А. А. Тактика допроса подозреваемых по делам о преступлениях против правосудия // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2026. Т. 39. № 3. С. 95–104.

TACTICS FOR INTERROGATION OF SUSPECTS IN CASES OF CRIMES AGAINST JUSTICE

Vladimir A. Popov¹, Alexander A. Rudavin²

^{1,2}Ryazan branch of V.Y. Kikotya Moscow University of the MIA of Russia, Ryazan, Russian Federation,

¹volpopov@mail.ru

²aleksandr.rudavin@mail.ru

Abstract. This research article examines issues related to the practice of interrogating individuals who are professional participants in legal proceedings.

It substantiates the relevance of the research topic, reveals the significance of the crime scene for developing investigative leads and planning the interrogation, and notes the importance of studying the suspect's personality, preliminary modeling of possible behavioral strategies, and alternative investigative scenarios. The psychological aspects of interrogation are analyzed, particularly the impact of stress on the suspect's behavior, the need to overcome defensive tendencies, and establish effective communication. The advisability of involving a defense attorney as a guarantor of individual rights is substantiated. A conclusion is drawn regarding the need for a systematic approach to interrogation organization, embodying legal justification, tactical variability, and psychological preparedness as the basis for effectively obtaining reliable and admissible information in criminal proceedings.

Keywords: crime, justice, investigative action, interrogation, suspect, tactical move.

For citation: Popov V.A., Rudavin A.A. Taktika doprosa podozrevayemykh po delam o prestupleniyakh protiv pravosudiya [Tactics for interrogation of suspects in cases of crimes against justice]. Kriminalistika: vchera segodnya, zavtra = Forensics: yesterday, today, tomorrow. 2026, vol. 39 no. 3, pp. 95–104 (in Russ.).

Введение

Изучение тактики допроса подозреваемых в совершении преступлений против правосудия является актуальным и научно обоснованным направлением современных криминалистических исследований. Преступления этой категории представляют серьезную угрозу функционированию правового государства, поскольку посягают на институциональную основу обеспечения правосудия, компрометируют законность уголовного производства и подрывают доверие граждан к деятельности органов правопорядка. Особенность исследуемых преступлений состоит в том, что они совершаются лицами, которые по своему служебному статусу являются непосредственными участниками системы уголовной юстиции, в связи с чем хорошо осведомлены о процедуре предварительного расследования, тактике следственных действий, их процессуальных правах и обязанностях.

Допрос таких лиц, выступающих в роли подозреваемых, сопровождается рядом специфических вызовов

для следователя. Имея соответствующую подготовку и опыт, такие подозреваемые способны оказывать профессиональное противодействие процессам получения достоверной информации, предоставлять процессуально безопасные для себя показания, пользоваться механизмами умолчания, отказа от показаний или преднамеренного искажения обстоятельств события преступления. В таких условиях тактическая подготовленность следователя, умение анализировать поведение подозреваемого и эффективно использовать приемы профессионального общения приобретают определяющее значение для достижения целей допроса.

Надлежащая организация допроса подозреваемого по делам о преступлениях против правосудия имеет решающее значение не только с точки зрения получения доказательной информации о происшествии, но и для установления механизма противоправных действий, мотивов, способов сокрытия преступления и потенциальной причастности других лиц.

Изучение содержания допроса позволяет также расширить представление об обстановке совершения деяния, что также влияет на формирование версий и определение дальнейшей следственной тактики. Учитывая это, допрос в таких производствах следует рассматривать не просто как источник доказательств, а как особо значимое средство выяснения истины, которое требует высокого уровня процессуальной подготовки, соблюдения гарантий прав подозреваемого и одновременно умелого применения криминалистических инструментов.

Несмотря на актуальность указанной темы, научная разработанность вопросов, касающихся тактики допроса по делам о преступлениях против правосудия, остается недостаточной. В работах, посвященных допросу как следственному действию, преимущественно освещаются общие вопросы его проведения, не принимаются во внимание специфика подозреваемых – представителей юридических профессий, а также особенности институциональной среды, в которой совершаются правонарушения этой группы. Следовательно, существует неотложная потребность в системном исследовании проблематики допроса подозреваемых в совершении преступлений против правосудия с целью разработки эффективных тактических приемов, которые будут отвечать как требованиям уголовного процессуального закона, так и практическим потребностям органов предварительного расследования.

В современной научной литературе вопросы тактики допроса подозреваемых отражены в ряде фундаментальных исследований, среди которых можно выделить труды С. А. Дмитриенко, А. Н. Блашенкова, П. И. Зинченко, И. А. Макаренко, М. В. Бочкарева, В. Ю. Алферова,

М. А. Зеленского, Н. А. Моисеева [1, 98 с.; 2, 50 с.; 3, 205 с.; 4, 140 с.; 5, 37 с.; 6, 72 с.]. В то же время комплексное осмысление тактики проведения следственных действий с участием подозреваемых в совершении преступлений против правосудия пока не проводилось, что свидетельствует о своевременности этого исследования.

Основная часть

Тактические особенности допроса профессиональных участников судопроизводства, подозреваемых в совершении преступлений против правосудия, обусловлены рядом объективных и субъективных факторов, характеризующих как их профессиональный статус, так и специфику обстановки совершения таких преступлений. Конкретные обстоятельства, в которых реализуется преступный умысел лиц, находящихся в статусе представителей правоохранительных органов и органов правосудия, оказывают непосредственное влияние на подготовку и проведение этого следственного действия.

В то же время важно учитывать не только организационно-тактическую составляющую допроса, но и правовые основы, соблюдение которых обязательно. Особенно важно это в аспекте такого участника, как подозреваемый. В этой связи мы разделяем мнение тех ученых, которые рассматривают процессуальный статус подозреваемого как один из наиболее уязвимых среди всех участников уголовного процесса. Прежде всего в контексте нарушения его прав и свобод, так как именно на этой стадии уголовного судопроизводства лицо испытывает наиболее интенсивное влияние со стороны органов предварительного расследования.

Ранее большое значение для формирования отечественной правовой системы, в том числе тактики до-

проса подозреваемых, имели позиции Европейского суда по правам человека. Однако после исключения нашей страны из Совета Европы, Россия вышла из-под юрисдикции Европейского суда по правам человека. Решения указанного органа, вступившие в законную силу после 15 марта 2022 года, не исполняются органами государственной власти России. Тем не менее наша страна придерживается международных стандартов в сфере защиты прав человека, согласно которым органы предварительного расследования не имеют права задерживать или допрашивать лицо, опираясь исключительно на собственное внутреннее предубеждение или предположение о его виновности. Любой допрос должен быть процессуально обоснованным, опираться на достаточный уровень доказательств и отвечать требованиям как национального законодательства, так и международных соглашений о защите прав и свобод человека.

Конституция Российской Федерации гарантирует каждому право не свидетельствовать против себя, своего супруга или близких родственников, являющееся ключевым фактором в формировании правомерной тактики допроса. Также недопустимо применять доказательства, полученные путем нарушения фундаментальных прав подозреваемого, в частности, при отсутствии защитника, применении насилия, пыток или других бесчеловечных и унижающих честь и достоинство методов воздействия.

Практика международных органов юстиции формирует безоговорочный ориентир для национальных органов предварительного расследования, указывая на обязательность предоставления подозреваемому процессуальных гарантий с момента фактического задержания, в частно-

сти, обеспечения права на защитника с первого допроса. В ином случае полученная на допросе информация должна признаваться недопустимой. Таким образом, тактика допроса подозреваемого не может противоречить основополагающим правам и свободам человека, признанным мировым сообществом.

Поскольку следователь отвечает за полноту и достоверность собранных по делу доказательств, именно он должен организовать процедуру допроса. По нашему мнению, поручение следователем процедуры проведения допроса иному сотруднику полиции, лишает его возможности полноценно оценить позицию подозреваемого по делу, что может привести к неблагоприятным последствиям. В то же время допустимым и целесообразным является привлечение к допросу специалиста, в частности психолога, имеющего специальные знания в сфере диагностики психоэмоционального состояния личности. Например, в условиях стрессовой нагрузки или потенциальной угрозы жизни допрашиваемого.

Относительно организационно-тактических основ допроса, следует обратить внимание на то, что профессиональные участники судопроизводства (дознаватели, следователи, прокуроры, судьи, оперативные работники), подозреваемые в совершении преступлений против правосудия обычно имеют глубокие знания процессуального законодательства и тактических приемов, которые может применить допрашивающий следователь. Перечисленные участники уголовного судопроизводства способны на профессиональном уровне противодействовать установлению истины по делу. С формальной точки зрения данные ими показания выглядят вполне логичными и правдоподобными, однако по своему содер-

жанию всегда являются неполными или искаженными. В связи с этим решающее значение в ходе подготовки к процессу допроса таких подозреваемых, имеет предварительная деятельность следователя, направленная на приискание анкетных данных допрашиваемых лиц, а также информации об обстановке совершения преступления.

Как показало исследование, обстановка по делам о преступлениях против правосудия связана с профессиональной деятельностью подозреваемого и обусловлена выполнением им своих должностных обязанностей. В связи с указанными обстоятельствами преступления рассматриваемого вида, как правило, совершаются в присутствии потерпевших, свидетелей и других лиц, так или иначе попадающих в орбиту профессиональной деятельности подозреваемого. Необходимо учитывать данное обстоятельство, так как оно существенно способно облегчить работу следователя, направленную на приискание новых доказательств и свидетелей по делам о преступлениях против правосудия.

Так как профессиональная деятельность лиц, ведущих предварительное следствие по делу, строго регламентирована, особое значение по делам рассматриваемого вида следует придавать фактору времени. Восстановление хронологии событий позволяет следователю вовремя разобраться в обстоятельствах преступления, что также может служить ориентиром для выявления нестыковок и противоречий, возникающих в ходе допроса разных участников уголовного процесса, в первую очередь – относящихся к промежутку времени, характеризующему начало и окончание события преступления. Анализ обстановки события преступления также позволяет следователю зара-

нее определить круг вопросов, относящихся к пониманию субъективной стороны деяния – внутренние побуждения лица, психическое отношение к совершенному преступлению, конечная цель и т. д.

В процессе подготовки плана будущего допроса, следователь должен учитывать обстоятельства, относящиеся к так называемым внешним причинам противодействия. Такие обстоятельства способны серьезным образом повлиять на желание допрашиваемого лица сотрудничать с органами предварительного следствия, вынуждая его отказаться от дачи правдивых показаний. К таким обстоятельствам в первую очередь относятся угрозы жизни, здоровью или имуществу подозреваемого, а также членам его семьи (близким родственникам), поступающие извне. Например, от подельников, оставшихся на свободе. Не стоит также сбрасывать со счетов и неблагоприятные для подозреваемого последствия, которые могут наступить в случае его разоблачения.

Перечисленные обстоятельства способны существенно повлиять на допрашиваемого, изменив вектор его поведения в сторону противодействия органам предварительного следствия. Воспрепятствовать угрозам подобного рода возможно только при соблюдении следующих условий:

- обеспечении следователем высокого уровня безопасности для допрашиваемого и членов его семьи (близких родственников);

- установлении доверительных отношений между стороной защиты и обвинения;

- понимании следователем психологии общения, позволяющей наладить процессы и механизмы межличностного взаимодействия, включая обмен информацией и разрешение конфликтов.

Отличительной чертой производств по делам о преступлениях против правосудия, является участие адвоката на стороне подозреваемого.

Это также должно учитываться следователем при определении тактики допроса, поскольку дополнительный участник следственного действия объективно иначе влияет на процесс коммуникации между следователем и подозреваемым. Тем более, что правовая поддержка позволит последнему четко придерживаться избранной линии защиты, избегать ответов на ключевые вопросы, применять положения процессуального законодательства в свою пользу, а иногда затягивать сроки предварительного расследования или препятствовать сбору доказательств.

Присутствие защитника во время допроса подозреваемого, безусловно, является важным элементом гарантирования прав и свобод личности, в частности права на защиту, предусмотренного Конституцией Российской Федерации и международными договорами, участницей которых является наша страна. Вместе с тем правовая позиция стороны защиты часто формируется с учетом существующего права на свободу от самооблачения, что приводит к отказу подозреваемого от дачи правдивых показаний, акценту на пробелах в доказательной базе стороны обвинения и формальном участии в процедуре допроса. В таких условиях эффективность следственной деятельности в значительной степени зависит от уровня подготовки следователя, его профессиональной гибкости, коммуникативных навыков, знания психологии общения и способности к импровизации в условиях процессуального противостояния между сторонами уголовного судопроизводства.

Следовательно, допрос подозреваемых по делам о преступлениях

против правосудия должен быть тщательно спланирован. Такой план должен предусматривать не только последовательность и содержание вопросов, но и альтернативные сценарии поведения каждого из участников допроса, включая защитника. Целесообразно прогнозирование тех или иных реакций подозреваемого на отдельные вопросы, а также определение гибких тактических решений, позволяющих скорректировать ход допроса в реальном времени.

Особого внимания требует этап предварительной подготовки, который должен содержать всесторонний сбор исходной информации о подозреваемом и его защитнике:

- уровень правовой грамотности;
- анализ их процессуального опыта;
- поведение в аналогичных ситуациях;
- возможная стратегия противодействия;
- социальные и психоэмоциональные характеристики;
- опыт и направления работы в правоохранительных органах.

На основании полученных данных следователь должен сформировать несколько тактических программ своего поведения, учитывающих как потенциальные варианты развития следственного действия, так и способы реагирования на процессуальное или психологическое воздействие со стороны защиты.

Следовательно, допрос подозреваемого с участием защитника должен осуществляться в рамках организационно-тактической модели, объединяющей четкое планирование, правовую обоснованность, гибкость и соблюдение этических и процессуальных стандартов, обеспечивающих получение допустимой, достоверной и значимой информации в условиях

активного процессуального противостояния.

Относительно психологических аспектов допроса мы считаем, что они играют ключевую роль в обеспечении его эффективности. Среди таких

аспектов мы выделяем психологические условия установления контакта с подозреваемым, особенности его поведения под влиянием стресса, а также

способы преодоления и нейтрализации защитной позиции, приобретающей характер злоупотребления процессуальными правами – психологической установки на противодействие органам предварительного следствия. В этом контексте чрезвычайно важна способность следователя формировать и поддерживать психологический контакт с подозреваемым, что является необходимым условием конструктивной коммуникации и минимизации риска отказа от предоставления показаний или их умышленного искажения.

Отдельного внимания требует вопрос о преодолении так называемой «защитной доминанты» – устойчивой внутренней установки подозреваемого на самозащиту, препятствующей установлению объективной информации. Следователь должен умело применять разрешенные законом психологические приемы, направленные на снижение уровня психологического напряжения, создание атмосферы доверия и постепенное устранение барьеров в общении.

Соглашаемся, что важна также способность следователя выявлять ложные показания. Ученые определяют ее как важную составляющую профессиональной компетентности. Это умение предполагает не только знание основ криминалистики, но и осведомленность о психологических

аспектах поведения допрашиваемых лиц. Особенно актуально это по делам о преступлениях против правосудия, где следственная практика часто фиксирует предоставление заведомо ложных показаний. Успешное выявление лжи основывается на тщательной подготовке к допросу, включающей изучение материалов уголовного производства, личности подозреваемого, анализ его поведенческих черт, а также предварительное составление подробного плана допроса.

К наиболее характерным признакам обмана относятся атипичные речевые паузы, заминки перед ответом, речевые ошибки, изменения тембра голоса или его нестабильность. В рамках современной криминалистической тактики разработан ряд эффективных приемов выявления ложных показаний: постепенное предъявление доказательств, применение метода косвенного допроса, внезапное изменение темпа ведения следственного действия, концентрация на слабых местах допрашиваемого, моделирование ситуации и так далее. Таким образом, знания в области юридической психологии здесь выступают не просто как вспомогательный инструмент, а необходимое условие для эффективной реализации полномочий следователя. Именно способность распознать и нейтрализовать деструктивные поведенческие стратегии подозреваемого определяет как успешность допроса, так и эффективность досудебного расследования в целом.

Не менее важным обстоятельством по завершении допроса является проверка и оценка полученной информации. Доказательства, полученные при допросе, должны быть предметом детального анализа с учетом их допустимости, достоверности и процессуальной значимости. Допу-

стимость предполагает соблюдение процессуальных требований при их получении, достоверность – соответствие полученной информации объективной действительности, а значимость – ее способность влиять на установление обстоятельств преступления. Оценка показаний должна сопровождаться критическим анализом и, при необходимости, проверкой их другими процессуальными способами с целью устранения сомнений в их подлинности и правомерности.

Таким образом, организационно-тактические основы допроса подозреваемых по делам о преступлениях против правосудия содержат систему взаимосвязанных процедур, моделей, алгоритмов, тактических приемов и психологических рекомендаций, направленных на достижение следующих задач допроса: соблюдение законности, эффективное получение доказательной информации, защита прав участников следственного действия.

Выводы и заключение

Анализ тактики допроса подозреваемых по делам о преступлениях против правосудия позволяет сформулировать следующие выводы.

Тактика допроса профессиональных участников судопроизводства, получивших статус подозреваемых по уголовным делам рассматриваемой категории, должна базироваться на тщательном анализе обстановки совершения деяния, учете высокого уровня процессуальной подготовки допрашиваемого и прогнозировании его стратегии поведения. Это позволяет сформировать целостную информационную картину преступления и обеспечить эффективность получения доказательств в рамках уголовного судопроизводства. В связи с этим тактическая подготовка следователя приобретает особую значимость, поскольку именно она обеспе-

чивает эффективность получения объективной информации и сохранение баланса между законностью и целесообразностью проведения допроса.

Особое значение в избрании тактики допроса имеет соблюдение общепризнанных норм и правил международных соглашений, участницей которых является Российская Федерация. Данное обстоятельство является залогом допустимости полученной информации, а также защиты прав и свобод участников уголовного судопроизводства. Их неукоснительное соблюдение является важной составляющей любого следственного действия, и в первую очередь, проводимого с участием подозреваемого.

Отмечено, что присутствие защитника по делам о преступлениях против правосудия, является достаточно распространенным явлением, что с одной стороны, является важной процессуальной гарантией соблюдения прав граждан, а с другой – существенно усложняет коммуникативное взаимодействие, требует от следователя гибкости, адаптивности и тщательного планирования процедуры допроса подозреваемого. Эффективность допроса в значительной степени зависит от учета психологических аспектов поведения подозреваемого, в частности, формирования доверительного контакта, преодоления «защитной доминанты» и снижения уровня стрессовой нагрузки.

Завершающий этап допроса должен содержать критическую оценку полученной информации с позиций ее достоверности, значимости и процессуальной допустимости, что создает основу для дальнейших следственных действий. Следовательно, организационно-тактические основы допроса подозреваемых по делам о преступлениях против правосудия являются системой взаимосвязанных

действий, обеспечивающих достижение процессуальных задач уголовного судопроизводства с неукоснительным соблюдением принципов закон-

ности, состязательности и защиты прав личности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Дмитриенко, С. А. Криминалистическая тактика допроса несовершеннолетних: учебное пособие. Казань: ООО «Бук». 2026. 98 с.
2. Блашенков, А. Н. Тактика допроса и ее особенности по делам отдельных категорий: монография. Чебоксары: Чувашский государственный институт культуры и искусств. 2017. 50 с.
3. Зинченко, П. И. Тактика производства допроса государственным обвинителем: научно-практическое пособие. Москва: Юрлитинформ. 2012. 205 с.
4. Макаренко, И. А. Тактика допроса несовершеннолетнего обвиняемого: монография. Уфа: Башкирский государственный университет. 2001. 140 с.
5. Бочкарев, М. В., Алферов В. Ю. Тактика подготовки и проведения допроса подозреваемых и обвиняемых, страдающих нарушениями психики: методические рекомендации. Саратов: Саратовский юридический институт МВД России. 2009. 37 с.
6. Зеленский, М. А., Моисеев, Н. А. Тактика допроса на стадии предварительного расследования: учебное пособие / М. А. Зеленский, Белгород: БелЮИ МВД России. 2009. 72 с.

REFERENCES

1. Dmitriyenko, S. A. Kriminalisticheskaya taktika doprosa nesovershennoletnikh: uchebnoye posobiye. – Kazan': ООО «Buk». [Forensic tactics for interrogating minors: a tutorial. - Kazan: ООО "Buk"]. 2026. 98 p. (in Russian).
2. Blashenkov, A. N. Taktika doprosa i yeye osobennosti po delam otдел'nykh kategoriy: monografiya. [Interrogation tactics and its features in cases of certain categories: monograph. - Cheboksary: Chuvash State Institute of Culture and Arts.]. 2017. 50 p. (in Russian).
3. Zinchenko, P. I. Taktika proizvodstva doprosa gosudarstvennym obvinitelem: nauchno-prakticheskoye posobiye. [Tactics of interrogation by the state prosecutor: a scientific and practical guide. - Moscow: Yurlitinform]. 2012. 205 p. (in Russian).
4. Makarenko, I. A. Taktika doprosa nesovershennoletnego obvinayemogo: monografiya [Tactics of interrogation of a minor accused: monograph. - Ufa: Bashkir State University.]. 2001. 140 p. (in Russian).
5. Bochkarev, M. V., Alferov V. YU. Taktika podgotovki i provedeniya doprosa podozrevayemykh i obvinayemykh, stradayushchikh narusheniyami psikhiki: metodicheskiye rekomendatsii. [Tactics of preparing and conducting interrogation of suspects and accused suffering from mental disorders: methodological recommendations.]. Saratov: Saratov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2009. 37 p. (in Russian).
6. Zelenskiy, M. A., Moiseyev N. A. Taktika doprosa na stadii predvaritel'nogo rassledovaniya: uchebnoye posobiye. [Interrogation tactics at the preliminary investigation stage: a tutorial] Belgorod: BelUI MVD of Russia. 2009. 72 p. (in Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Попов Владимир Анатольевич, кандидат юридических наук, начальник кафедры криминалистики. Рязанский филиал федерального государственного казённого образовательного учреждения высшего образования «Московский ордена Почета университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В. Я. Кикотя». 390043, Российская Федерация, г. Рязань, ул. 1-ая Красная, д. 18.

Рудавин Александр Алексеевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики. Рязанский филиал федерального государственного казённого образовательного учреждения высшего образования «Московский ордена Почета университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В. Я. Кикотя». 390043, Российская Федерация, г. Рязань, ул. 1-ая Красная, д. 18.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Vladimir A. Popov, candidate of law, Head of the Department of Criminalistics. Ryazan branch of the federal state educational institution of higher education «Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.Y. Kikoty, awarded the Order of Honor». 18, 1st Krasnaya St., Ryazan, Russian Federation, 390043.

Alexander A. Rudavin, candidate of Law, Associate professor, Associate Professor of the Department of Criminalistics. Ryazan branch of the federal state educational institution of higher education «Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.Y. Kikoty, awarded the Order of Honor». 18, 1st Krasnaya St., Ryazan, Russian Federation, 390043.

Научная статья
УДК 343.12

ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ОСМОТРА В ЖИЛОМ ПОМЕЩЕНИИ

Андрей Анатольевич Пудовкин¹, Талет Али Оглы Сулейманов²

¹Рязанский филиал Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, г. Рязань, Российская Федерация, andr.pudovkin2011@yandex.ru

²**Сулейманов Талет Али Оглы²**, Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация, 825 Филиал ЧОУВО «МУ им. С. Ю. Витте» в г. Рязани, г. Рязань, Россия, e-mail: suleymanov.talyat@yandex.ru

Аннотация. В научной статье анализируются особенности производства осмотра в жилом помещении. Осмотр является одним из ключевых следственных действий, направленных на получение доказательств. Эффективность проведения осмотра жилища, осмотра предметов и документов и других видов осмотра напрямую влияет на качество доказывания, что в свою очередь в итоге определяет справедливость судебного решения. Применение современных технологий и приемов осмотра позволяет более точно фиксировать следы преступления, что способствует всестороннему и объективному исследованию обстоятельств дела. Однако эти же технологии требуют строгого соблюдения процессуальных норм, чтобы избежать нарушения прав участников процесса. Постоянное изучение и обновление практики проведения осмотров в условиях динамично развивающихся технических, информационных, цифровых технологий является насущной потребностью. Ежегодно судами рассматриваются тысячи ходатайств следователей о производстве осмотра жилища при отсутствии согласия проживающих в нём лиц. В 2021 г. таких ходатайств было рассмотрено 47462, в 2022 г. – 40318, в 2023 г. – 35526, в 2024 г. – 33330¹. Масштабность количества производимых осмотров, в том числе осмотров жилища в процессе расследования уголовных дел, требует соответствующего анализа порядка и проблематики производства указанного следственного действия.

Ключевые слова: следственные действия, осмотр жилища, ходатайство следователя, тактические приемы осмотра жилого помещения, цели осмотра, протокол осмотра жилого помещения.

Для цитирования: Пудовкин А. А., Сулейманов Т. А. О. Особенности производства осмотра в жилом помещении // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2026. Т. 39. № 3. С. 105–112.

¹ Данные судебной статистики // Судебный департамент при Верховном суде РФ [официальный сайт]. URL: <https://cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 10.06.2026).

FEATURES OF INSPECTION IN A RESIDENTIAL BUILDING

Andrey A. Pudovkin¹, Talet Ali O. Suleymanov²

¹Ryazan branch of V.Y. Kikotya Moscow University of the MIA of Russia, Ryazan, Russian Federation, evgenijlelevkin@gmail.com

²Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russia; Branch of CHOUVO "MU named after S.Y. Witte" in Ryazan, Ryazan, Russian Federation, suleymanov.talyat@yandex.ru

Abstract. The scientific article analyzes the features of inspection in a residential building. Inspection is one of the key investigative actions aimed at obtaining evidence. The effectiveness of the inspection of a person, the inspection of objects and documents, and other types of inspection directly affects the quality of the evidence, which in turn determines the fairness of the court decision. The use of modern technologies and inspection techniques allows for more accurate recording of crime traces, which contributes to a comprehensive and objective examination of the case's circumstances. However, these technologies also require strict adherence to procedural norms to avoid violating the rights of the participants in the process. The constant study and updating of the practice of conducting inspections in the context of the dynamically developing technical, information, and digital technologies is an urgent need. Every year, courts consider thousands of investigators' requests to conduct inspections of dwellings in the absence of the consent of the persons residing there. In 2021, 47,462 such requests were considered, in 2022, 40,318, in 2023, 35,526, and in 2024, 33,330 requests were considered. The scale of the number of inspections carried out, including inspections of dwellings in the course of criminal investigations, requires an appropriate analysis of the procedure and problems associated with conducting such investigations.

Keywords: investigative actions, home inspection, investigator's request, tactics for home inspection, purposes of home inspection, home inspection protocol.

For citation: Pudovkin A.A., Suleymanov T.A.O. Osobennosti proizvodstva osmotra v zhilom pomeshchenii [Features of inspection in a residential building] *Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra* = Forensics: yesterday, today, tomorrow. 2026, vol. 39 no. 3, pp. 105–112 (in Russ.).

Введение

Осмотр в уголовном судопроизводстве представляет собой одно из ключевых процессуальных действий, направленных на обнаружение, фиксацию и изъятие объектов, которые могут иметь значение для дела. Он играет важную роль в формировании доказательной базы. Отсутствие на законодательном уровне понятия и детального определения содержания

осмотра приводит не только к разногласиям среди ученых, специалистов на сущность анализируемого следственного действия, но также является одной из причин наличия ошибок в правоприменительной практике, когда органами расследования, следователем проводится подмена одного следственного действия другим. На недопустимость таких подмен обращал внимание и Конституционный

Суд РФ. Так, в одном из определений была выражена следующая позиция Конституционного Суда: «Изъятие обнаруженных в ходе осмотра места происшествия следов преступления, предметов и документов, имеющих значение для уголовного дела, осмотр которых на месте затруднен или требует продолжительного времени, не может подменять собой процессуальные, в том числе следственные, действия, для которых уголовно-процессуальным законом установлены специальная процедура и другие основания и условия проведения (обыск, выемка, наложение ареста на имущество и т. д.)»¹.

Основная часть

Согласно ч. 1 ст. 176 УПК РФ, целевая установка производства осмотра состоит из следующих компонентов: 1) обнаружение следов преступления; 2) выяснение других обстоятельств дела, имеющих значение для уголовного дела; 3) получение информации о механизме совершения преступления; 4) установление личности преступника и получение ориентирующей информации. Обнаруженные в жилище предметы, документы, записи могут содержать информацию о связях преступника, его планах, а также другие сведения, которые могут быть использованы для дальнейшего расследования.

Выявленные следы и иные сведения в своей совокупности составляют элемент доказательственной базы по расследуемому уголовному делу, позволяют следователю решить

задачу установления всех обстоятельств, входящих в предмет доказывания.

Особенностью осмотра является его непосредственное восприятие: следователь лично изучает обстановку, изучает каждый элемент для возможного раскрытия обстоятельств преступления. Несомненная значимость осмотра жилища как следственного действия предопределяется тем, что в России на конституционном уровне признаётся неприкосновенность жилища. Учитывая конституционный принцип неприкосновенности жилища и его отражение непосредственно в УПК РФ в числе других основополагающих процессуальных принципов, действующим УПК РФ определены особые условия производства такого следственного действия, как осмотр жилища.

Осмотр жилища, как следственное действие, не может быть осуществлен без согласия лиц, проживающих в этом жилом помещении. Действие принципа неприкосновенности жилища имеет ограниченный характер, и законодательством предусмотрен ряд исключений в его действии: осмотр жилища возможен без согласия проживающих в нем лиц при наличии соответствующего судебного решения; при отсутствии судебного решения, осмотр может быть произведен на основании постановления следователя либо дознавателя, но с соблюдением требований ч. 5 ст. 165 УПК РФ. Необходимость получения судебного решения на производство осмотра жилого помещения при отсутствии согласия проживающих в нем лиц является одной из гарантий соблюдения прав граждан. Согласие может быть получено от любого лица, которое фактически проживает в жилище. Другими словами, круг лиц зачастую определяется исходя из экономического фактора, а не исходя из правового закрепления права собственности. Но в случае отсутствия

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 5 марта 2014 г. № 518-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Брамма В. В. и Навального А. А. на нарушение их конституционных прав пунктом 43 статьи 5, статьями 144 и 176 УПК РФ» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_161356/?ysclid=m5wor8um9x714949887 (дата обращения: 12.06.2026).

согласия либо возражения на осмотр жилища хотя бы одного из жильцов требуется получение судебного решения на производство осмотра жилища². Такой предварительный судебный контроль позволяет не допустить нарушения прав человека в сфере уголовного судопроизводства.

Исключительность ситуаций, когда следователь действует по своему усмотрению и проводит осмотр жилища без решения суда, не конкретизирована нормами УПК РФ. Соответствующие разъяснения по данному вопросу даны Верховным Судом РФ в Постановлении Пленума № 19, принятом 1 июня 2017 г.³. Стоит заметить, что среди исследователей присутствует мнение о том, что «законодательно необходимо внести точный перечень исключительных случаев в ч. 5 ст. 165 УПК РФ, когда производство осмотра жилища, обыска и выемки в жилище следует признать в условиях, требующих безотлагательного производства этих следственных действий» [1, с. 96]. С такой позицией трудно согласиться, так как полагаем, что невозможно законодательно предусмотреть все ситуации, когда на практике может быть востребован осмотр жилища в безотлагательном порядке.

Под жилищем понимается входящее в жилищный фонд и пригод-

ное для постоянного или временного проживания (квартира, комната, служебное жилое помещение, жилое помещение в общежитии и т. п.); иное помещение или строение, не входящее в жилищный фонд, но предназначенное для временного проживания (апартаменты, садовый дом и т. п.)⁴. Процедура осмотра, как правило, сопровождается участием специалистов – экспертов, криминалистов, которые могут дать предварительное заключение или указать на особенности осматриваемого объекта. Это дополняет объективность осмотра и способствует более точному пониманию ситуации.

Осмотр жилища как следственное действие занимает особое место в системе производства расследования уголовных дел. В ходе осмотра жилища могут быть обнаружены орудия преступления, предметы, добытые преступным путем, следы преступления, документы и иные предметы, имеющие значение для дела. Своевременное и грамотное проведение осмотра жилища позволяет не только зафиксировать обстановку места происшествия, но и получить ценные сведения, способствующие установлению личности преступника, мотивов и целей совершения преступления, а также иных важных обстоятельств. При осмотре жилища вправе присутствовать лица, проживающие в жилище. Они также обладают правом давать объяснения, заявлять ходатайства, знакомиться с протоколом осмотра и делать в нем замечания.

² Определение Конституционного Суда РФ от 28 ноября 2019 г. № 3204-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Копашина В. В. на нарушение его конституционных прав ч. 1 ст. 12 и ч. 5 ст. 177 УПК РФ» // СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/73202886/> (дата обращения: 12.06.2026).

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01 июня 2017 г. № 19 «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ)» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 7.

⁴ П. 11 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 УК РФ)» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 2.

Ход и результаты осмотра фиксируются в протоколе осмотра, который должен содержать подробное описание обстановки места происшествия, обнаруженных предметов и следов, а также иные сведения, имеющие значение для дела. К протоколу могут быть приложены фотографии, видеозаписи, схемы и другие материалы, иллюстрирующие ход и результаты осмотра (ст. 180 УПК РФ). Наиболее распространенными ошибками при производстве осмотра в жилом помещении являются:

- производство осмотра жилища без судебного решения при отсутствии оснований для проведения неотложного следственного действия;
- ненадлежащее уведомление судьи и прокурора о производстве осмотра без судебного решения;
- нарушение прав лиц, проживающих в жилище;
- неполное или неточное описание обстановки места происшествия в протоколе осмотра жилища;
- отсутствие подписей участников осмотра жилища в протоколе [2, с. 353].

Жилое помещение может рассматриваться как место происшествия, если в жилище совершается приготовление к преступлению, достоверно известно, что совершено преступление, либо обнаружены орудия или следы преступления. В отмеченной ситуации, как нам видится, следует проводить осмотр места происшествия до возбуждения уголовного дела, в остальных ситуациях правильнее будет производство осмотра в жилище. Из сказанного также можно сформулировать вопрос, который нуждается в разъяснении. Суть в том, что если мы проводим осмотр места происшествия в жилище, то не требуется получения разрешения от проживающих в нем лиц, а в случае осмотра жилища получение разрешения обязательно [3, с. 26–29]. В следственной практике проведение

осмотра места происшествия в жилище как неотложное следственное действие при отсутствии согласия проживающих в нем лиц допускается в соответствии с требованиями ч. 5 ст. 165 УПК РФ. Но для этого требуется, чтобы к моменту осмотра было возбуждено уголовное дело, а осмотр жилища как раз и проводится для того, чтобы получить основания для возбуждения уголовного дела. На практике из-за неконкретности понятийного аппарата по видам осмотра, следователи предпочитают не проводить осмотр жилища, а вместо него проводить осмотр места происшествия и составлять протокол осмотра места происшествия. Согласно действующему УПК РФ (ст. 144, 176), провести осмотр жилища до возбуждения уголовного дела невозможно, даже при согласии проживающих в нем лиц, поэтому до возбуждения уголовного дела фактический осмотр жилища оформляется в виде осмотра места происшествия.

Действующее законодательство учитывает тот факт, что на практике не всегда у органов следствия есть время на обращение в суд с соответствующим ходатайством о производстве осмотра в жилище. Складывающаяся ситуация расследования может требовать незамедлительных действий следователя, в таком случае ряд процессуальных действий, перечень которых указан в ч. 5 ст. 165 УПК РФ, в том числе осмотр в жилище при отсутствии согласия проживающих в нём лиц, следователь вправе осуществить самостоятельно, без согласия руководителя следственного органа и без наличия судебного решения, если к тому требует складывающаяся следственная ситуация и промедление с их производством может иметь негативные последствия для процесса расследования.

В исключительных ситуациях следователь берёт на себя ответственность осуществлять осмотр в

жилище, но у него есть обязанность уведомления в течение трех суток о произведенном следственном действии прокурора и суд. Естественно, руководитель следственного органа о производстве следственного действия, указанного в ч. 5 ст. 165 УПК РФ, должен быть поставлен в известность незамедлительно.

Противоречивая практика складывается и относительно вопроса: у всех ли жильцов необходимо получать согласие на осмотр или достаточно только у части из них. Так, в рамках расследования уголовного дела следователь получил информацию, что помимо Сергачева П. П. в жилом помещении проживает его супруга Сергачева К. С., но на момент осмотра её в помещении не было. Согласие на осмотр жилища было получено только у Сергачева П. П. Суд усмотрел нарушение закона в данной ситуации и указал, что следователю необходимо было получить согласие на осмотр всех проживающих в квартире⁵. В другом деле суд, наоборот, указал, что «согласие на проведение осмотра жилища у всех проживающих лиц не требуется» и признал правомерным осмотр жилища с согласия только Егорова Н. Ю., при этом в квартире проживала и его мать – Дронова Г. Н., у которой согласие на осмотр не было получено. Свой вывод суд также аргументировал тем, что «согласие в письменном виде на производство осмотра квартиры с Дроновой Г. Н. не брали, поскольку он производился только в комнате Егорова Н. Ю., другие комнаты в квартире не осматривались»⁶. Такая аргу-

ментация представляется дискуссионной, учитывая позицию Конституционного Суда РФ, который обратил внимание на то, что в случае отсутствия согласия на осмотр жилища либо возражения хотя бы одного из жильцов требуется получение судебного решения на производство осмотра жилища⁷.

Выводы и заключение

Подводя итоги, авторы приходят к выводу о том, что при существующей конкуренции норм все перечисленные в статье разногласия должны быть разрешены на законодательном уровне.

Если местом происшествия является жилище, то какой нормой необходимо руководствоваться: той, которая регламентирует осмотр места происшествия, и тогда это следственное действие возможно провести до возбуждения уголовного дела без обязательного получения разрешения проживающих в нем лиц? Или же надо руководствоваться нормой, регулирующей порядок осмотра жилища? Второй момент касается проживающих лиц. Кого следует отнести к понятию «проживающие лица»: собственника или лиц, зарегистрированных в жилище, арендаторов жилья и других? От кого именно должно быть получено согласие: достаточно ли одного лица или все проживающие должны дать согласие? При этом согласие обязательно должно быть письменным или достаточно устного разрешения? Все перечисленные об-

⁵ Решение Центрального районного суда г. Челябинска от 14 сентября 2021 г. по делу № 2-3751/2021 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19.06.2026).

⁶ Приговор Центрального районного суда г. Новосибирска от 21 декабря 2021 г. по делу № 1-39/2021 // Актофакт: архив судебных дел и решений. URL:

<https://actofact.ru/case-54RS0010-1-39-2021-1-242-2020-2020-07-01-2-0/?ysclid=m7ulrvrw58317051838> (дата обращения: 20.06.2026).

⁷ Определение Конституционного Суда РФ от 28 ноября 2019 г. № 3204-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Копашина В.В. на нарушение его конституционных прав ч. 1 ст. 12 и ч. 5 ст. 177 УПК РФ» // СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/73202886/> (дата обращения: 20.06.2026).

стоятельства нуждаются в четких и понятных формулировках законода-

теля.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Трубицына, П. Р., Матвеева, О. Ю. Неприкосновенность жилища в уголовном судопроизводстве // Конституционные права и свободы человека и гражданина в Российской Федерации: проблемы реализации и защиты: материалы конференции. Иркутск: Иркутский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2023. С. 96.

2. Мельникова, Е. Ф. Типичные ошибки следователя при производстве осмотра жилища: как не стать «жертвой» адвоката // Актуальные проблемы предварительного расследования: материалы научно-практической конференции. Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2024. С. 353.

3. Яновский, Р. С. Некоторые актуальные вопросы производства осмотра места происшествия в жилище. Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2016. № 2. С. 26–29.

REFERENCES

1. Trubitsyna P.R., Matveeva O.Y. Neprikosnovennost' zhilishcha v уголовном судопроизводстве [Inviolability of the home in criminal proceedings]. Konstitutsionnyye prava i svobody cheloveka i grazhdanina v Rossiyskoy Federatsii: problemy realizatsii i zashchity: materialy konferentsii. – Constitutional rights and freedoms of man and citizen in the Russian Federation: problems of implementation and protection: conference proceedings. Irkutsk: Irkutsk Institute (branch) Supreme Court of the Russian Federation (RPA of the Ministry of Justice of Russia), 2023. Pp. 96. (in Russian).

2. Melnikova E.F. Tipichnyye oshibki sledovatelya pri proizvodstve osmotra zhilishcha: kak ne stat' «zhertvoy» advokata [Typical mistakes of the investigator during the inspection of the dwelling: how not to become a "victim" of a lawyer]. Aktual'nyye problemy predvaritel'nogo rassledovaniya: materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii. – Actual problems of the preliminary investigation: materials of the scientific and practical conference. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2024. Pp. 353. (in Russian).

3. Yanovsky, R.S. Nekotoryye aktual'nyye voprosy proizvodstva osmotra mesta proisshestviya v zhilishche. Some Current Issues of Inspecting a Scene of an Incident in a Dwelling. Aktual'nyye voprosy bor'by s prestupleniyami. Current Issues of Combating Crimes. 2016. No. 2. Pp. 26-29. (in Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Пудовкин Андрей Анатольевич, начальник кафедры уголовного процесса. Рязанский филиал федерального государственного казённого образовательного учреждения высшего образования «Московский ордена почёта университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя». 390043, Российская Федерация, г. Рязань, ул. 1-ая Красная, д. 18.

Сулейманов Талет Али Оглы, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики. Федеральное казённое образовательное учреждение высшего образования «Академия права и управления Федеральной службы

исполнения наказаний», 390000, Российская Федерация, г. Рязань, ул. Сенная, д. 1; Доцент кафедры уголовно-правовых и гуманитарных дисциплин. Филиал Частного образовательного учреждения высшего образования «Московский университет имени С.Ю. Витте». 390013, Российская Федерация, г. Рязань, проезд Яблочкова, 5.

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Andrey A. Pudovkin, Head of the Department of Criminal Procedure. Ryazan branch of the Federal State Public Educational Institution of Higher Education "Moscow Order of Honor University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.Ya. Kikot". 18 1st Krasnaya str., Ryazan, Russian Federation, 390043.

Talet Ali O. Suleymanov, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics. Federal State Educational Institution of Higher Education "Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service", 390000, Russian Federation, Ryazan, Sennaya str., 1. Associate Professor of the Department of Criminal Law and Humanities. Branch of the Private Educational Institution of Higher Education "S.Y. Witte Moscow University". 5, Yablochkov passage, Ryazan, Russian Federation, 390013.

Научная статья
УДК 343.98

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ СУДЕБНОЙ ВЗРЫВОТЕХНИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ОБЪЕМНЫХ ВЗРЫВОВ

Вадим Дмитриевич Синюк

Экспертно-криминалистический центр МВД России, г. Москва,
Российская Федерация, whitcher@bk.ru

Аннотация. В статье исследуется проблема разграничения компетенций и методологических подходов при производстве судебных экспертиз, связанных с объемными взрывами. На основе сравнительного анализа ведомственных нормативных документов, данных анкетирования экспертного и следственного сообщества, а также анализа заключений судебных экспертиз выявлены противоречия в действующей модели организации экспертной деятельности. Установлено, что взрывотехническая экспертиза, закрепленная в ведомственных приказах МВД России, фактически применяется для исследования взрывчатых веществ и взрывных устройств, в то время как введение Минюстом России специализированной взрывотехнологической экспертизы создает правовую и методическую неопределенность. Результаты опросов свидетельствуют о расхождении позиций специалистов относительно предметной принадлежности таких исследований и демонстрируют недостаточность методического обеспечения. Вывод о необходимости дифференциации единого рода взрывотехнической экспертизы на два самостоятельных вида (исследование следов и обстоятельств взрывов конденсированных взрывчатых веществ и взрывных устройств, а также исследование следов и обстоятельств объемных взрывов) обосновывается тем, что такое разделение позволяет преодолеть несогласованность ведомственных подходов, разработать специализированные методики и повысить качество судебно-экспертного сопровождения расследований.

Ключевые слова: судебная экспертиза; судебная экспертология; взрывотехническая экспертиза; объемный взрыв; методологическое обеспечение; криминалистическое взрывоведение; судебно-экспертная деятельность, топливно-воздушная смесь.

Для цитирования: Синюк, В. Д. Дифференциация судебной взрывотехнической экспертизы при расследовании объемных взрывов // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2026. Т. 39. № 3. С. 113–124.

DIFFERENTIATING FORENSIC EXPLOSIVES ENGINEERING EXPERTISE FOR VOLUMETRIC EXPLOSION INVESTIGATIONS

Vadim D. Sinyuk

Forensic Expert Center of the MIA of the Russia, Moscow, Russian Federation,
whitcher@bk.ru

Abstract. The article examines the problem of differentiating competencies and methodological approaches in conducting forensic examinations related to volumetric explosions. Based on a comparative analysis of departmental regulatory documents, survey data from the expert and investigative community, as well as an analysis of forensic examination conclusions, contradictions in the current model of organizing expert activity are identified. It is established that explosive engineering examination, as defined in the departmental orders of the Ministry of Internal Affairs of Russia, is actually applied to the study of explosives and explosive devices, whereas the introduction by the Ministry of Justice of Russia of a specialized explosive technological examination creates legal and methodological uncertainty. The survey results indicate a divergence of expert opinions regarding the subject matter of such studies and highlight the insufficiency of methodological support. The conclusion regarding the necessity of differentiating the single type (genus) of explosive engineering examination into two independent kinds – namely, the investigation of traces and circumstances of explosions of condensed explosives and explosive devices, and the investigation of traces and circumstances of volumetric explosions – is justified on the grounds that such a division makes it possible to overcome the inconsistency of departmental approaches, develop specialized methods, and improve the quality of forensic support for investigations.

Keywords: forensic examination; forensic expertology; explosive technical examination; volumetric explosion; methodological support; forensic explosion science; forensic expert activity, fuel-air mixture.

For citation: Sinyuk V.D. Differentsiatsiya sudebnoy vzryvotekhnicheskoy ekspertizy pri rassledovanii ob"yemnykh vzryvov [Differentiating forensic explosives engineering expertise for volumetric explosion investigations]. *Kriminalistika: vchera segodnya, zavtra* = Forensics: yesterday, today, tomorrow. 2026, vol. 39 no. 3, pp. 113–124 (in Russ.).

Введение

Актуальность настоящего исследования обусловлена комплексом нерешенных проблем в области судебно-экспертного обеспечения расследований, связанных с объемными взрывами, который может быть структурирован по нескольким направлениям. Во-первых, отмечает-

ся статистически значимый рост количества происшествий, связанных как с техногенными (взрывы газового оборудования, емкостей, транспортных средств), так и с криминальными (взрывы банкоматов, маскировка преступлений) объемными взрывами, что подтверждается данными МЧС и МВД России. Данный

рост связан с реализацией государственных программ газификации и перевода транспорта на газомоторное топливо, которые наряду с развитием энергетической инфраструктуры создают дополнительные технологические и криминогенные риски. Во-вторых, расследование взрывов топливно-воздушных смесей (далее – ТВС) в зависимости от степени повреждений объектов, наличия пострадавших (погибших), а также в случаях значительного общественного резонанса осуществляется различными органами предварительного расследования [1, с. 91]. В-третьих, в действующей нормативной и ведомственной модели организации экспертиз имеются противоречия: разграничение «взрывотехнической» и «взрывотехнологической» экспертиз в регламентах Минюста России, криминалистическая ориентация подразделений МВД России при расследовании значительного числа техногенных аварий, а также отсутствие единых методик диагностики и исследования следов объемного взрыва. Это приводит к правовой неопределенности, рискам отказа в проведении экспертиз, выходу экспертов за пределы компетенции и снижению качества доказательственной базы.

Эмпирическая база исследования включала три группы источников: 358 заключений судебных экспертиз и материалов расследования по фактам взрывов (2012–2025 гг., 46 субъектов РФ); анкетирование 73 экспертов-взрывотехников экспертно-криминалистических подразделений МВД России из 62 регионов; а также опрос 62 следователей-криминалистов СК России из 51 региона.

Устранение противоречий невозможно без четкого определения самого объекта исследования. В процессе исследования на основе анализа физико-химической сущности явления и потребностей криминалистической практики сформулировано

понятие объемного взрыва как процесса высокоскоростного энерговыделения в значительном объеме, при котором распространение фронта реакции происходит с дозвуковой скоростью, сопровождаясь образованием волны избыточного давления. Данный механизм отличается от сосредоточенного взрыва конденсированных взрывчатых веществ, порождающего сверхзвуковую ударную волну и локальные бризантные разрушения. Отсутствие учета данного различия в ведомственных перечнях приводит к смешению классификационных оснований и методической несостоятельности.

В процессе исследования проведен анализ нормативных документов, регламентирующих производство судебных экспертиз в различных ведомствах России, который позволил выявить различия в подходах к исследованию следов и обстоятельств взрыва.

Основная часть

Так, экспертные подразделения МЧС России осуществляют исследование явлений объемного взрыва в рамках пожарно-технической экспертизы, что обусловлено их ведомственной специализацией. Приказ МЧС России от 19.08.2005 № 640¹ определяет предметом экспертизы комплексное установление обстоятельств возникновения и развития пожара, включая анализ нарушений требований пожарной безопасности. В методологии указана следующая предметная область: «Пожарно-

¹ Об утверждении Инструкции по организации и производству судебных экспертиз в судебно-экспертных учреждениях и экспертных подразделениях Федеральной противопожарной службы: приказ МЧС России от 19 авг. 2005 г. № 640: (зарегистрирован в Минюсте России 28.11.2005 № 7210) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 21.01.2026).

техническая экспертная специализация включает в себя исследование причин, закономерностей возникновения и развития пожара, слеодообразования на объектах, составляющих вещную обстановку места происшествия, в том числе на электротехнических, электромеханических, радиоэлектронных изделиях, деталях и узлах транспортных средств. То есть из этой формулировки закономерно получается, что в случае, если причиной пожара явился взрыв ТВС, в компетенцию пожарно-технического эксперта входит исследование обстоятельств взрыва» [2]. Из сказанного вытекает, что в рамках данной парадигмы объемный взрыв рассматривается не в качестве самостоятельного объекта криминалистического или технологического исследования, а как потенциальный иницирующий источник термического воздействия или сопутствующий процесс в причинной цепи развития пожара. Следовательно, анализ параметров и механизма взрыва осуществляется лишь в объеме, необходимом для реконструкции развития пожара. Подобный подход, фокусирующийся на пожаре как основном событии, методологически ограничивает компетенцию экспертов МЧС России в части проведения всестороннего исследования причин, условий и физико-химических закономерностей собственно взрывного процесса, особенно в случаях, когда взрыв не сопровождался возгоранием или требует отдельной квалификации [3]. Это формирует методический пробел в системе судебно-экспертного обеспечения при необходимости установления обстоятельств именно взрыва как самостоятельного явления.

Иной подход реализуется в МВД России и ФСБ России, которые проводят исследование объемного взрыва в рамках взрывотехнической

экспертизы. Приказ МВД России от 29.06.2005 № 511² и Приказ ФСБ России от 23.06.2011 № 277³ ориентированы преимущественно на криминалистические задачи: исследование взрывчатых веществ, взрывных устройств, их компонентов и следов взрыва для установления обстоятельств преступления, идентификации материалов и реконструкции событий. Акцент делается на исследовании умышленных или неосторожных действий, связанных с применением взрывчатых веществ. Данный подход, однако, не учитывает специфику объемных взрывов, что отмечается в исследованиях [4; 5], и основывается на традиционной парадигме криминалистического взрывоведения, сформированной в трудах А. А. Белякова и С. М. Колотушкина [3; 6].

Изучение эмпирического материала позволило выявить 4 наиболее характерные группы объектов и установить, что внутри каждой группы преобладает специфический механизм возникновения и развития взрыва, а именно: строительные объекты, транспортные средства, сейфовые хранилища и открытые пространства.

² Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 29 июня 2005 г. № 511: (зарегистрирован в Минюсте России 23.08.2005 № 6931) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 20.02.2026).

³ Об организации производства судебных экспертиз в экспертных подразделениях органов федеральной службы безопасности: приказ ФСБ России от 23 июня 2011 г. № 277: (зарегистрирован в Минюсте России 06.09.2011 № 21744) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 22.03.2026).

Так, для сейфовых хранилищ характерен умышленный, заранее подготовленный способ совершения преступления – нагнетание газовой смеси с последующим дистанционным подрывом. Здесь от эксперта требуются познания не только в физике дефлаграционного горения, но и в конструкции самодельных взрывных устройств, средствах инициирования и способах маскировки. Для строительных объектов и транспортных средств, напротив, в значительной степени характерны неосторожные деяния, связанные с разгерметизацией газового оборудования, коррозией трубопроводов или нарушениями правил эксплуатации. Здесь на первый план выходят инженерно-технические знания в области газоснабжения, сопротивления материалов и термического воздействия на конструкции. Подобная неоднородность объектов и механизмов требует специализированного методического инструментария, который не может быть полностью охвачен ни классической взрывотехнической экспертизой, ориентированной на конденсированные взрывчатые вещества, ни пожарно-технической, рассматривающей взрыв лишь как факультативный фактор пожара.

Иной подход применяется в системе Минюста России. Приказ Минюста России от 20.04.2023 № 72⁴ формально закрепляет две самостоя-

тельные экспертные специализации: взрывотехническую и взрывотехнологическую. Данное решение имеет недостаток: критерии разграничения специализаций в документе отсутствуют. Как следствие, правоприменитель вынужден действовать по своему усмотрению. В реальной деятельности, как показано в анализе экспертной практики [2; 7], такой подход имеет ряд фундаментальных противоречий.

Ключевым недостатком такого подхода является не вполне обоснованное разделение «взрывотехнической» и «взрывотехнологической» экспертиз в рамках единого Перечня. Это порождает правовую и методологическую неопределенность.

К взрывотехнической экспертной специальности относятся: исследование взрывчатых веществ, продуктов и следов их взрыва; исследование боеприпасов, взрывных устройств и следов их взрыва; исследование порохов, пиротехнических составов и следов их сгорания. В данном случае выделена четкая классификация объектов взрывотехнической экспертизы, среди которых ТВС в качестве объекта отсутствуют. К предмету взрывотехнологической экспертной специальности относится исследование технических и организационных причин, условий возникновения, характера протекания взрыва и его последствий. В данной формулировке речь идет об установлении технических и организационных причин взрыва независимо от природы его образования [7, с. 9]. Формально обе специализации могут исследовать взрывы, однако критерии отнесения конкретного дела к тому или иному виду в самом документе не установлены. На практике это приводит к субъективизму при назначении экспертизы, риску споров о подведомственности и потенциальным отказам в проведении исследования по мотиву «несоответствия специализа-

⁴ Об утверждении перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и перечня экспертных специальностей, по которым предоставляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России: приказ Минюста России от 20.04.2023 № 72: (зарегистрирован в Минюсте России 24.04.2023 № 73133) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 21.01.2026).

ции». Такое дублирование противоречит принципу процессуальной экономии и затрудняет правоприменение.

Закрепленное в Перечне содержание «взрывотехнологической экспертизы» сформулировано широко и абстрактно, в отличие от детализированных задач взрывотехнической экспертизы. Данное описание не содержит конкретного методологического аппарата, фактически пытается охватить сферу, традиционно относящуюся к пожарно-технической экспертизе (для взрывов ТВС) или к инженерно-техническим и судебно-строительным экспертизам (например, для анализа технологических процессов и состояния оборудования) [8; 9; 10]. Это создает риск выхода эксперта за пределы своих специальных познаний в области смежных технических дисциплин без должной нормативной и методической основы.

Нормативное закрепление «взрывотехнологической» экспертизы вступает в противоречие с реальной экспертной практикой судебно-экспертных учреждений Минюста. Исторически их компетенция была ориентирована на исследование техногенных (некриминальных) взрывов, прежде всего газовых. Однако новый Перечень этого разграничения не проводит, формально допуская рассмотрение и криминальных взрывов [7; 11]. Это может привести к ситуации, когда судебно-экспертное учреждение, не имеющее достаточного опыта и материально-технической базы для исследования боеприпасов или самодельных взрывных устройств, будет обязано проводить такие экспертизы, что может привести к снижению качества и достоверности заключений.

Актуальность рассматриваемого вопроса определяется не только нормативными различиями, закрепленными в ведомственных нормативных

правовых актах различных силовых структур и Минюста России, но также наличием противоречий внутри самого профессионального экспертного сообщества. Показательными в данном контексте являются результаты анкетирования сотрудников экспертно-криминалистических подразделений МВД России и следователей-криминалистов СК России. Полученные данные позволили выявить явное разделение во взглядах на предметную принадлежность исследований объемных взрывов. Более 80 % опрошенных следователей указали на недостаточность методического и технического обеспечения для проведения качественного осмотра места происшествия. Отсутствует и единообразное понимание процессуальной и экспертной квалификации таких событий: мнения разделились между отнесением их к традиционной взрывотехнической экспертизе (48,4 %) и необходимостью создания новой, самостоятельной «взрывотехнологической» экспертизы (38,7 %). Различие во взглядах в профессиональной среде свидетельствует о существующей неопределенности в разграничении компетенций и отсутствии однозначного методического подхода [5; 7], что в свою очередь снижает эффективность всего процесса доказывания. Показательно, что

83,6 % опрошенных экспертов уже сталкивались с объемными взрывами на практике. При этом неудовлетворенность методическим обеспечением высказали 58,9 % экспертов и более 80 % следователей.

Существующее положение дел создает ситуацию потенциального противоречия между ведомствами и дублированию производства экспертиз разными судебно-экспертными учреждениями. Вопрос о том, какое ведомство является более компетентным для исследования взрыва бытового газа, сопровождавшегося

разрушением строительных конструкций, остается открытым [7; 12]. Следствие или суд могут столкнуться с трудностью выбора между взрывотехнической экспертизой МВД России и технологически ориентированной, но менее четко определенной экспертизой Минюста России. Это может усложнять судебный процесс и использоваться сторонами для его затягивания.

Характерно, что современная ведомственная модель организации судебно-экспертной деятельности в сфере исследования взрывов характеризуется системными противоречиями, ведущими к правовой и методологической неопределенности. Нормативное закрепление параллельных и пересекающихся компетенций при отсутствии четких критериев их разграничения порождает риски процессуальных коллизий, отказа в производстве исследований и снижения качества заключений. Как отмечает В. Ю. Владимиров, указанные разночтения в подходах различных ведомств – МВД России, Минюста России, ФСБ России – носят системный характер, порождают на практике сложности при производстве комплексных и комиссионных экспертиз, а также при назначении дополнительных и повторных экспертиз, что требует межведомственного подхода и координации в рамках Правительственной комиссии по координации судебно-экспертной деятельности [13]. Эмпирические данные выявили различия во мнениях экспертного и следственного сообщества относительно предметной принадлежности исследований объемных взрывов, а также констатацию ими острого дефицита методического и технического обеспечения, подтверждают наличие существенной проблемы в данной области. Для ее преодоления требуется унификация существующих подходов к исследованию взрывов через создание единого рода су-

дебной экспертизы с четко структурированной внутренней дифференциацией по видам, основанной на природе исследуемого явления и специфических методах его оценки [1; 14]. Это позволит устранить дублирование, унифицировать методическую базу и обеспечить эффективное судебно-экспертное сопровождение расследования.

Материалы уголовных дел свидетельствуют, что большинство экспертиз по объемным взрывам инициируется органами расследования именно в МЧС России. Данное обстоятельство указывает на активное вовлечение ведомств уже на досудебной стадии, где экспертизы почти в равной мере назначаются как по возбужденным уголовным делам, так и в рамках проверок сообщений о преступлениях. Подавляющее число исследований выполняется экспертно-криминалистическими подразделениями МВД России. Объектами-источниками взрывов выступают как криминальные инструменты (самодельные взрывные устройства, боеприпасы), так и техногенные источники (газовое оборудование, емкости под давлением). Подобное распределение наглядно иллюстрирует дуализм предметной области, где в рамках преимущественно криминалистического расследования, обеспечиваемого подразделениями МВД России, фактически исследуются события, вызванные техническими причинами, что подтверждает несоответствие между сложившейся ведомственной практикой и реальной природой значительной части происшествий и актуализирует необходимость методологического и нормативного пересмотра подходов к судебно-экспертному сопровождению таких расследований.

На основе системного анализа, включающего сравнительно-правовое исследование нормативных актов МВД, МЧС, Минюста и ФСБ Рос-

сии, результаты анкетирования экспертов и следователей, а также исследование материалов уголовных дел, установлены следующие аспекты проблемы:

- устойчивое ведомственное и предметное расхождение в подходах к исследованию взрывов. Экспертно-криминалистические подразделения МВД России, выполняющие до 70 % всех экспертиз, фактически исследуют широкий спектр происшествий, включая взрывы газового оборудования и емкостей в жилом секторе и на транспорте, что формально выходит за рамки традиционной криминалистической парадигмы взрывотехники, ориентированной на исследование конденсированных взрывчатых веществ, боеприпасов и самодельных взрывных устройств;

- данные опросов свидетельствуют о расхождении позиций специалистов: 58,9 % экспертов относят объемные взрывы к компетенции взрывотехнической экспертизы, 32,9 % – к «взрывотехнологической». Более 80 % следователей отмечают недостаточность методического обеспечения осмотра, что соответствует выводам исследований о недостатке современных методических разработок в данной сфере [1; 3];

- действующие ведомственные нормативные правовые акты содержат несогласованность классификационных оснований, объединяя в одной номенклатуре исследования разных объектов: конденсированных взрывчатых веществ (криминальный генезис) и топливно-воздушных смесей (техногенный генезис). Это создает риски отказа в производстве экспертиз, выхода эксперта за пределы специальных познаний и получения ошибочных выводов, что отмечалось в работах, посвященных теории судебной экспертизы [15; 16].

Выводы и заключение

Таким образом, совокупность указанных обстоятельств свидетель-

ствует о необходимости дифференциации единого рода «взрывотехническая экспертиза» на два самостоятельных вида, основанных на четких криминалистических и специальных технических критериях:

1. Исследование взрывчатых веществ, пиротехнических составов, промышленных и самодельных взрывных устройств, причин и обстоятельств возникновения и развития их взрывов, механизм следообразования на объектах, составляющих вещную обстановку места происшествия, и иных следов таких взрывов.

2. Исследование причин и обстоятельств возникновения и развития объемных взрывов, следообразования на объектах, составляющих вещную обстановку места происшествия, а также иных следов и обстоятельств объемных взрывов.

Теоретическим фундаментом для выделения второго вида служит понимание судебной экспертизы по факту объемного взрыва как самостоятельного ситуационного исследования, предмет которого составляют закономерности подготовки, совершения и маскировки преступлений, связанных с объемными взрывами, а также особенности их отображения в материальной обстановке, устанавливаемые для определения механизма происшествия и причинно-следственных связей. Предложенная в работе классификация непосредственных объектов экспертизы (по месту происхождения и типу причинно-обуславливающих источников) и систематизированная совокупность современных научных методов, включающая оптимальную последовательность методов пожарно-технической, взрывотехнической и строительно-технической экспертиз, обеспечивают единый научно-методический подход для реализации данного вида экспертизы.

Анализ ведомственной практики показывает, что унификация переч-

ней без внутренней дифференциации не устранил пересечения компетенций, поскольку взрывотехнологическая экспертиза Минюста дублирует задачи взрывотехнической и пожарно-технической экспертиз, а её поддержка в экспертном сообществе незначительна. Создание комплексной методики без структурных изменений также не устранил неопределённость. В отличие от этого, дифференциация рода взрывотехнической экспертизы МВД России на два вида, базирующаяся на различиях в физике процессов (детонация или дефлаграционное горение) и подкреплённая данными опроса (58,9 % экспертов), позволяет разграничить предмет и методы без изменения компетенции иных ведомств, сохранить единство

рода, адресно восполнить отсутствие методического обеспечения для объёмных взрывов (на которое указали более 80 % следователей), а также повысить качество и доказательственное значение заключений в соответствии с общими принципами судебно-экспертной деятельности, сформулированными в трудах Т. В. Аверьяновой и Е. Р. Россинской [16; 17]. Таким образом, предлагаемое разделение позволит привести нормативную базу в соответствие со сложившейся экспертной практикой и физико-криминалистическими критериями.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Дашко, Л. В., Старостин К. Д., Синюк В. Д. [и др.] Производство судебных экспертиз по фактам взрывов топливно-воздушных смесей : метод. рекомендации; ЭКЦ МВД России. М.: Экспертно-криминалистический центр МВД России, 2025. 130 с.
2. Методология судебной пожарно-технической экспертизы: основные принципы. М.: ФГБУ ВНИИПО, 2013. 23 с.
3. Колотушкин, С. М. Криминалистическая взрывотехника. Основы теории и практики. Волгоград: ВА МВД России, 2002. 304 с.
4. Караваев, М. В., Синюк, В. Д., Владимиров, В. Ю. О необходимости адаптации понятийного аппарата взрывотехнической экспертизы к задачам уголовного судопроизводства // Труды Академии управления МВД России. 2024. № 4 (72). С. 182–190.
5. Синюк, В. Д. К вопросу о методологическом обеспечении судебной экспертизы по фактам взрывов бытового газа // Уголовный процесс и криминалистика: теория, практика, дидактика: сб. материалов VIII Всерос. науч.-практ. конф., Рязань, 16 дек. 2022 г. Рязань: Акад. права и упр. ФСИН России, 2023. С. 200–203.
6. Беляков, А. А. Криминалистическая теория и методика выявления и расследования преступлений, связанных со взрывами: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09. Екатеринбург, 2003. 401 с.
7. Роль и место судебно-экспертного исследования следов и обстоятельств объёмного взрыва в общей системе криминалистического взрывоведения: учеб.-практ. пособие / В. Ю. Владимиров, Л. В. Дашко, В. Д. Синюк и др.; Акад. упр. МВД России. М.: Акад. упр. МВД России, 2025. 88 с.
8. Бутырин, А. Ю. Теория и практика строительно-технической экспертизы. М.: Городец, 2006. 544 с.
9. Гераськин, М. Ю., Синюк, В. Д. Особенности осмотра места происшествия по факту объёмного взрыва // Судебная экспертиза: прошлое, настоящее и взгляд в

будущее: Материалы международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 16–17 мая 2024 года. СПб: Санкт-Петербургский университет МВД РФ, 2024. С. 113–118.

10. Синюк, В. Д. Анализ причин, приводящих к взрыву емкостей с газами // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. 2023. № 2 (54). С. 173–176.

11. Таубкин, И. С. Судебная экспертиза техногенных взрывов. Организационные, методические и правовые основы. – М.: Юрлитинформ, 2009. – 592 с.

12. Шагов, Е. М. Тактика назначения и проведения комплексных пожарно-технических экспертиз в условиях пожаров, сопряженных со взрывами: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.4. М., 2024. 190 с.

13. Владимиров, В. Ю. Центробежное единство судебной экспертологии // Судебная экспертиза: прошлое, настоящее и взгляд в будущее: Материалы международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 16 мая 2025 года. СПб: Санкт-Петербургский университет МВД РФ, 2025. С. 60–66.

14. Белкин, Р. С., Винберг, А. И. Криминалистика. Общетеоретические проблемы. М.: Юрид. лит., 1973. 264 с.

15. Естественно-научные методы судебно-экспертных исследований: учебник / под ред. Е.Р. Россинской. М.: Норма: ИНФРА-М, 2025. 304 с.

16. Россинская, Е. Р., Галяшина, Е. И., Зинин, А. М. Теория судебной экспертизы (Судебная экспертология): учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2025. 368 с.

17. Аверьянова, Т. В. Судебная экспертиза. Курс общей теории. М.: Норма, 2008. 480 с.

REFERENCES

1. Dashko, L.V., Starostin, K.D., Sinyuk, V.D., et al. (2025). Proizvodstvo sudebnykh ekspertiz po faktam vzryvov toplivno-vozdushnykh smesey: metodicheskie rekomendatsii [Forensic Examination of Fuel-Air Explosions: Methodological Recommendations]. Moscow: EKTs MVD Rossii, 130 p. (in Russian).

2. Metodologiya sudebnoy pozharno-tekhnicheskoy ekspertizy: osnovnye printsipy [Methodology of Forensic Fire Engineering Examination: Basic Principles]. (2013). Moscow: FGBU VNIPO, 23 p. (in Russian).

3. Kolotushkin, S.M. (2002). Kriminalisticheskaya vzryvotekhnika. Osnovy teorii i praktiki [Forensic Explosives Engineering. Fundamentals of Theory and Practice]. Volgograd: VA MVD Rossii, 304 p. (in Russian).

4. Karavaev, M.V., Sinyuk, V.D., & Vladimirov, V.Yu. (2024). O neobkhodimosti adaptatsii ponyatiynogo apparata vzryvotekhnicheskoy ekspertizy k zadacham ugolovnogo sudoproizvodstva [On the Necessity of Adapting the Conceptual Framework of Explosives Engineering Examination to the Tasks of Criminal Proceedings]. Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii, No. 4 (72), pp. 182–190. (in Russian).

5. Sinyuk, V.D. (2023). K voprosu o metodologicheskom obespechenii sudebnoy ekspertizy po faktam vzryvov bytovogo gaza [On the Methodological Support of Forensic Examination of Domestic Gas Explosions]. In: Ugolovnyy protsess i kriminalistika: teoriya, praktika, didaktika: Proceedings of the VIII All-Russian Scientific-Practical Conference, Ryazan, Dec. 16, 2022. Ryazan: Akademiya prava i upravleniya FSIN Rossii, pp. 200–203. (in Russian).

6. Belyakov, A.A. (2003). Kriminalisticheskaya teoriya i metodika vyyavleniya i rassledovaniya prestupleniy, svyazannykh so vzryvmami [Forensic Theory and Methods

of Detection and Investigation of Explosion-Related Crimes]. Dr. Sci. (Law) dissertation. Yekaterinburg, 401 p. (in Russian).

7. Vladimirov, V.Yu., Dashko, L.V., Sinyuk, V.D., et al. (2025). Rol' i mesto sudebno-ekspertnogo issledovaniya sledov i obstoyatel'stv ob"yemnogo vzryva v obshchey sisteme kriminalisticheskogo vzryvovedeniya [The Role and Place of Forensic Examination of Traces and Circumstances of a Volumetric Explosion in the General System of Forensic Explosion Science]. Moscow: Akademiya upravleniya MVD Rossii, 88 p. (in Russian).

8. Butyrin, A.Yu. (2006). Teoriya i praktika stroitel'no-tekhnicheskoy ekspertizy [Theory and Practice of Construction Engineering Examination]. Moscow: Gorodets, 544 p. (in Russian).

9. Geraskin, M.Yu., & Sinyuk, V.D. (2024). Osobennosti osmotra mesta proisshestviya po faktu ob"yemnogo vzryva [Specifics of the Scene Examination in Case of a Volumetric Explosion]. In: Sudebnaya ekspertiza: proshloe, nastoyashchee i vzglyad v budushchee: Proceedings of the International Scientific-Practical Conference, St. Petersburg, May 16–17, 2024. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD RF, pp. 113–118. (in Russian).

10. Sinyuk, V.D. (2023). Analiz prichin, privodyashchikh k vzryvu emkostey s gazami [Analysis of Causes Leading to Explosions of Gas Vessels]. Voprosy kriminologii, kriminalistiki i sudebnoy ekspertizy, No. 2 (54), pp. 173–176. (in Russian).

11. Taubkin, I.S. (2009). Sudebnaya ekspertiza tekhnogennykh vzryvov. Organizatsionnye, metodicheskie i pravovye osnovy [Forensic Examination of Man-Made Explosions. Organizational, Methodological and Legal Foundations]. Moscow: Yurlitinform, 592 p. (in Russian).

12. Shagov, E.M. (2024). Taktika naznacheniya i provedeniya kompleksnykh pozharno-tekhnicheskikh ekspertiz v usloviyakh pozharov, sopryazhennykh so vzryvami [Tactics of Ordering and Conducting Complex Fire Engineering Examinations in Fires Involving Explosions]. Cand. Sci. (Law) dissertation. Moscow, 190 p. (in Russian).

13. Vladimirov, V.Yu. (2025). Tsentrobeznoe edinstvo sudebnoy ekspertologii [Centrifugal Unity of Forensic Expertology]. In: Sudebnaya ekspertiza: proshloe, nastoyashchee i vzglyad v budushchee: Proceedings of the International Scientific-Practical Conference, St. Petersburg, May 16, 2025. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD RF, pp. 60–66. (in Russian).

14. Belkin, R.S., & Vinberg, A.I. (1973). Kriminalistika. Obshcheteoreticheskie problemy [Criminalistics. General Theoretical Problems]. Moscow: Yuridicheskaya literatura, 264 p. (in Russian).

15. Rossinskaya, E.R. (Ed.). (2025). Estestvenno-nauchnye metody sudebno-ekspertnykh issledovaniy [Natural Science Methods of Forensic Expert Research]. Moscow: Norma: INFRA-M, 304 p. (in Russian).

16. Rossinskaya, E.R., Galyashina, E.I., & Zinin, A.M. (2025). Teoriya sudebnoy ekspertizy (Sudebnaya ekspertologiya) [Theory of Forensic Examination (Forensic Expertology)]. 2nd ed. Ed. by E.R. Rossinskaya. Moscow: Norma: INFRA-M, 368 p. (in Russian).

17. Averyanova, T.V. (2008). Sudebnaya ekspertiza. Kurs obshchey teorii [Forensic Examination. A Course of General Theory]. Moscow: Norma, 480 p. (in Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Синюк Вадим Дмитриевич, старший эксперт отдела взрыво- и пожарнотехнических экспертиз управления инженерно-технических экспертиз. Экспертно-криминалистический центр МВД России. 125130, Российская Федерация, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 5.

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Vadim D. Sinyuk, Senior Expert of the Department of Explosives and Fire Engineering Examinations, Office of Engineering and Technical Examinations. Forensic Expert Center of the MIA of the Russia, 5 Zoi i Aleksandra Kosmodemyanskikh Street, Moscow, Russian Federation, 125130.

Научная статья
УДК 343.13

О НЕКОТОРЫХ ПРАВОВЫХ И ТАКТИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ ДОПРОСА ПОДОЗРЕВАЕМЫХ И ОБВИНЯЕМЫХ

Вера Викторовна Тактоева

Восточно-Сибирский институт МВД России, г. Иркутск,
Российская Федерация, greidledy@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются правовые и тактические особенности допроса подозреваемых и обвиняемых. Анализируя действующее уголовно - процессуальное законодательство и опыт расследования уголовных дел, автор выявляет проблемные вопросы как правового регулирования, так и использования тактических приемов допроса. Исследуется содержание применяемых при допросе тактических приемов. Основное внимание уделяется тактическим приемам, направленным на установление психологического контакта, противостояние ложным показаниям и получение достоверной информации. Автор акцентирует внимание на необходимости обеспечения прав личности и соблюдения законности при использовании тактических приемов допроса подозреваемых и обвиняемых. В результате проведенного исследования сформулированы предложения по совершенствованию правовых норм, регламентирующих порядок производства допроса подозреваемых и обвиняемых, а также вектор развития тактических приемов допроса этих лиц.

Ключевые слова: допрос, тактические приемы, подозреваемый, обвиняемый, следователь, психологические особенности, доказательства.

Для цитирования: Тактоева, В. В. О некоторых правовых и тактических аспектах допроса подозреваемых и обвиняемых // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2026. Т. 39. № 3. С. 125–135.

ON SOME LEGAL AND TACTICAL ASPECTS OF INTERROGATION OF SUSPECTS AND ACCUSED PERSONS

Vera V. Taktioeva

East Siberian Institute of the MIA of Russia, Irkutsk, Russian Federation, greidledy@mail.ru

Abstract. This article examines the legal and tactical aspects of interrogating suspects and accused persons. Analyzing current criminal procedure legislation and criminal investigation experience, the author identifies problematic issues in both legal regulation and the use of interrogation tactics. The article examines the content of interrogation tactics used. The focus is on tactics aimed at establishing psychological rapport, countering false testimony,

and obtaining reliable information. The author emphasizes the need to ensure individual rights and adhere to the law when using tactical interrogation techniques for suspects and accused persons. The study resulted in proposals for improving legal norms governing the interrogation of suspects and accused persons, as well as for developing tactical interrogation techniques for these individuals.

Keywords: interrogation, tactical techniques, suspect, accused, investigator, psychological characteristics, evidence.

For citation: Taktoeva, V.V. O nekotorykh pravovykh i takticheskikh aspektakh doprosa podozrevayemykh i obvinyayemykh [On some legal and tactical aspects of interrogation of suspects and accused persons]. Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra = Forensics: yesterday, today, tomorrow. 2026, vol. 39 no. 3, pp. 125–135 (in Russ.).

Введение

Проблема раскрытия преступлений, установления виновных лиц и их эффективного привлечения к уголовной ответственности является одной из самых актуальных в современном российском обществе. [1, С. 109].

На первоначальном этапе расследования важно как можно ранее обладать большим объемом информации об обстоятельствах совершенного преступления и лицах, в нем участвовавших. Это способствует своевременному установлению источников получения доказательств, доказыванию необходимых обстоятельств, в том числе и виновности причастных к преступлению лиц. Полным объемом информации в данном случае, безусловно, владеют участвующие в совершении преступления лица.

Солидарны с мнением А. В. Варданян, о том, что «показания являются наиболее распространенным источником доказательственной информации, а допрос как процессуальное средство их получения, соответственно, выступает одним из наиболее актуальных и востребованных следственных действий. [2, С. 130].

Обладая заинтересованностью избежать уголовной ответственности

и воспользоваться результатами совершенного преступления, подозреваемые и обвиняемые, чаще всего не склонны давать правдивые показания, а иногда и вообще могут отказаться свидетельствовать против себя. Для преодоления таких ситуаций и необходимо обладать знаниями о правовых и тактических особенностях допроса.

Основная часть

С процессуальной точки зрения, особенности допроса подозреваемых, обвиняемых заключаются в следующем:

1. Перед началом допроса должны быть разъяснены права, регламентированные ст. 46 и ст. 47 УПК РФ, соответственно, особое внимание уделяется разъяснению и обеспечению права на защиту;

В условиях дефицита времени следователи зачастую не уделяют должного внимания этой процедуре, ограничиваясь предоставлением бланка протокола разъяснения прав, предложением ознакомления с его содержанием и удостоверением подписью соответствующего участника. Не владея знаниями уголовно-процессуального закона и юридической терминологией, подозреваемые (обвиняемые) не в полной мере по-

нимают объем и порядок обеспечения предоставленных им прав, что в конечном счете приводит к их нарушению в рассматриваемом случае, а, соответственно, влечет за собой возвращение уголовного дела для производства дополнительного расследования и устранения допущенных нарушений. Например, ознакомление с правом предоставления доказательств и заявления ходатайств и отводов было осуществлено, однако порядок их предоставления и заявления разъяснен не был.

2. Указанные лица письменно уведомляются, в чем они подозреваются (обвиняются), при этом в протоколе допроса перед фиксацией показаний указывается не только квалификация, но и сущность инкриминируемого преступления, например, подозревается в незаконном сбыте наркотического средства героин гр. А., то есть в совершении преступления, предусмотренного ч.1 ст. 228.1 УК РФ. В некоторых случаях следователи не конкретизируют, в отношении кого было совершено преступление, что не позволяет допрашиваемому лицу понять, о каком «эпизоде» его преступной деятельности идет речь, в случае, если систематически совершаются аналогичные преступления.

3. Перед началом первого допроса подозреваемого предоставляется возможность его свидания с защитником наедине и конфиденциально (п. 3 ч. 4 ст. 46 УПК РФ). Недостаточно четкая формулировка данной нормы не позволяет сделать однозначный вывод о возможности такого общения без ограничения времени. В соответствии с п. 9 ч. 4 ст. 47 УПК РФ такая возможность предоставляется лишь обвиняемому. При этом ч. 4 ст. 92 УПК РФ допускает возможность ограничения продолжительности свидания свыше 2 часов при необхо-

димости участия подозреваемого в процессуальных действиях.

4. Время допроса ограничивается 4 часами без перерыва, 8 часами в течение дня. В протоколе допроса необходимо делать отметку о времени начала и окончания перерыва указанного следственного действия. Время ожидания защитника после заполнения анкетной части протокола нельзя относить к перерыву. Учитывая, что процедура допроса и начинается с выяснения анкетных данных подозреваемого (обвиняемого), присутствие защитника, при его участии в деле, является обязательным условием.

Следует учитывать, что длительное время допроса вызывает утомляемость допрашиваемого, что может привести к противоречивым или недостоверным показаниям. Иногда допрашиваемые признают вину и дают изобличающие самого себя показания, только чтобы скорее покинуть кабинет следователя, впоследствии указывая на их недостоверность, оправдывая их длительной продолжительностью допроса. Психологи отмечают наступление усталости через 2 часа после активного взаимодействия, что, безусловно, должно учитываться следователями при планировании допроса.

5. Допрашиваемый может пользоваться имеющимися записями и документами. При допросе могут применяться технические средства аудио- и видеозаписи, киносъемка.

В уголовно-процессуальном законодательстве отсутствует определение технических средств, а также единый, концептуальный подход к регулированию их использования. [3, С. 56]. В связи с этим в настоящее время часто следователи применяют при съемке личные мобильные телефоны. Законность их использования неоднократно оспаривалась при рас-

смотреии уголовных дел в суде. Во избежание подобных коллизий необходимо законодательно определить термин «технические средства», а также порядок их использования.

Недопустимой является и ситуация, когда защитники передают следователю флеш-накопитель с уже содержащимися на ней показаниями подзащитных лиц. Таким образом, самого процесса допроса не происходит, то есть нарушен порядок получения показаний, а значит протокол допроса (показания) является недопустимым доказательством. Как следствие – возвращение уголовного дела для производства дополнительного расследования. Рассматривая данную проблему, также следует решить вопрос: следует ли относить составленные защитником показания подзащитного лица на бумажном носителе к документам, которыми можно пользоваться при допросе.

6. Запрещается задавать наводящие вопросы. Наводящими следует считать вопросы, которые в определенном объеме или виде уже содержат предполагаемый ответ, либо информацию об интересующем событии, влекущую однозначный утвердительный или отрицательный ответ. Например, «Вы вчера в 19.00 возле дома № 3 по ул. Карла Маркса выхватили из рук женщины красную дамскую сумочку?». Следователю необходимо контролировать формулирование задаваемых вопросов допрашиваемому как со своей стороны, так и со стороны защитника. Вопросы, в том числе и наводящие, задаваемые защитником, подлежат занесению в протокол, а при отводе их следователем, как не относящихся к предмету допроса, делается соответствующая запись.

7. Повторный допрос обвиняемого, в случае первоначального отказа

от дачи показаний, возможен лишь по просьбе самого обвиняемого. Такое требование закона не позволяет не только повторно предпринять попытку получения достоверной информации относительно совершенного преступления, но и пресекает возможность установления определенных фактов, которые могут повлиять на квалификацию вменяемого деяния, что в результате может ухудшить положение обвиняемого.

Так, в ходе расследования может быть доказано само событие преступления, например, причинение тяжкого вреда здоровью в результате огнестрельного ранения. Умысел мог быть направлен на убийство, в таком случае данное деяние будет квалифицировано как покушение на убийство, а мог быть направлен только на причинение вреда здоровью, тогда квалификация изменится. Возможность установления умысла обвиняемого при отсутствии его инициативы, в данном случае отсутствует. Так как объективно о цели и предполагаемом результате преступления может сообщить только сам правонарушитель.

Эту проблему возможно решить при внесении дополнения в ч. 4 ст. 173 УПК РФ, предусматривающего возможность повторного допроса обвиняемого при получении дополнительных доказательств вины обвиняемого по тому же обвинению.

Одной из актуальных проблем допроса при проведении очной ставки является целесообразность ее проведения в случае отказа от показаний подозреваемых, обвиняемых на предварительном допросе. Некоторые сотрудники следственных подразделений имеют ошибочное мнение о необходимости ее производства при таких обстоятельствах для получения дополнительного доказательства. При этом основание

для проведения очной ставки, предусмотренное ч.1 ст. 192 УПК РФ отсутствует, то есть не выявлено никаких противоречий в показаниях, так как один из участников вообще не давал никаких показаний.

Еще одним заблуждением является дальнейшее проведение очной ставки, если подозреваемый(обвиняемый) давал первоначальные показания, однако после начала очной ставки от дачи показаний отказался. В таком случае устранить имеющиеся в показаниях противоречия не представляется возможным. Поэтому дальнейшее проведение этого следственного действия является не эффективным, так как достижение цели становится недостижимым.

Действующее законодательство допускает свободу выбора следователя в тактике допроса.

Эффективное и качественное проведение допроса зависит от его тактического и организационного обеспечения. Ядром такого тактического обеспечения являются тактические приемы [4, С. 127].

Необходимо умело сочетать правовые аспекты с тактическими приемами допроса.

Тактические приемы не должны противоречить принципам уголовного судопроизводства, а также принципам морали и профессиональной этики. Выбор тактических приемов зависит от многих критериев: специфики и тяжести совершенного преступления, наличия или отсутствия соучастников, избранной позиции защиты, психологических особенностей допрашиваемого, опыта и возможностей следователя.

Для эффективного получения результатов допроса требуется предварительная подготовка, заключающаяся в тщательном изучении и анализе материалов уголовного дела, изуче-

нии особенностей психики, поведения допрашиваемого лица, его интеллектуального и культурного развития, образа жизни, условий его содержания. Эти обстоятельства и будут влиять на выбор определенных тактических приемов допроса.

Установление психологического контакта путем предварительной беседы перед началом допроса и в процессе оформления анкетных данных протокола, является хрестоматийно применяемым тактическим приемом.

При этом используется фактическое установление или создание «Эффекта единых проблем», когда следователь, выясняя данные о личности допрашиваемого, выявляет идентичность каких-либо обстоятельств (окончание одного и того же учебного заведения, наличие одинаковых увлечений, прохождение воинской службы в одинаковом роде войск и т. п.). С точки зрения психологии, допрашиваемый воспринимает в этом случае следователя как соратника, «своего человека», доверяя ему, что позволяет преодолеть барьер не Достоверных показаний.

При допросе подозреваемых (обвиняемых) чаще всего используются такие тактические приемы как детализация показаний, демонстрация вещественных доказательств, оглашение полученных показаний, создание преувеличенного представления об осведомленности следователя, форсированный темп допроса.

Успех проведения допроса подозреваемого, предусматривающего личное общение, возможен только на основе благоприятного психологического климата, что является одной из главных задач первоначальной стадии допроса. Рекомендуются с самого начала допроса стремиться проявлять к подозреваемому лицу сопереживание, изыскивать общие интересы и т. п. Тактически неправильно

лицу, проводящему допрос, проявлять излишнюю мягкость и отзывчивость в отношении допрашиваемого лица, что может привести к определенному проигрышу в выбранной позиции. Однако следует избегать конфронтации, нарушающей коммуникацию. [5, С. 117].

Тактика допроса зависит от позиции, занимаемой подозреваемым (обвиняемым) и сложившейся объективной ситуации к моменту допроса, носящей бесконфликтный или конфликтный характер.

В случае раскаяния и признания вины в содеянном, очевидности участия в совершении преступления, достаточности имеющихся доказательств причастности эффективно применять тактические приемы, направленные на установление психологического контакта и доверительных отношений, разъяснение законодательства, воздействие на положительные качества допрашиваемого. При этом следует иметь в виду, что впоследствии допрашиваемый может отказаться от дачи показаний или изменить их.

Поэтому, пользуясь бесконфликтной ситуацией, необходимо применять и «детализацию показаний». Использование приема «детализация показаний» заключается в подробном выяснении последовательности и содержания каждого устанавливаемого обстоятельства. Выясняется как можно более подробно (пошагово) возникновение умысла, его реализация, все обстоятельства совершенного преступления, количество соучастников, роль каждого из них в осуществлении деяния, а также мелкие детали, в том числе не имеющие значения на первый взгляд (например, в какое время проснулся, на чем добрался до места встречи, кого встретил по дороге, на каком этаже находилась квартира, сколько квар-

тир на площадке расположено, обстановка в квартире, в чем был одет потерпевший и т. д.). Такие детали помогут в дальнейшем в совокупности с другими доказательствами подтвердить участие лица в деянии, даже при последующем отказе от показаний, так как, не имея представления об особенностях объектов, обстановки, невозможно было дать первоначальные показания.

Разъяснение законодательства также имеет положительное влияние на убеждение допрашиваемого лица к необходимости дачи признательных показаний. Так, анализируя и разъясняя допрашиваемому нормы, касающиеся избрания меры пресечения, возможности освобождения от уголовной ответственности, назначения наказания, следователь делает вывод, что в случае полного раскаяния, возмещения ущерба, дачи признательных показаний и оказании содействия в расследовании, может быть избрана мера пресечения, не связанная с лишением свободы, может быть назначено наказание, не связанное с лишением свободы, а в некоторых случаях может быть рассмотрен вопрос об освобождении от уголовной ответственности.

В данном случае допрашиваемый понимает, что более выгодная позиция для него связана с дачей правдивых показаний и оказанием содействия в расследовании.

В криминалистическом отношении больший интерес у ученых вызывает допрос в условиях конфликтной ситуации, когда тактические приемы ориентированы на получение показаний подозреваемого (обвиняемого). Ситуация противодействия расследованию рассматривается в таком случае как ключевая, и задачи допроса состоят в выявлении признаков лжи допрашиваемого лица. [4, С. 127].

Важно правильно выбрать место, время и обстановку допроса, чтобы для фигуранта (допрашиваемого) это имело эффект неожиданности и он не был заранее подготовлен воспользоваться предварительно выбранной совместно с защитником стратегией при допросе. Также следует наблюдать за реакцией допрашиваемого (покраснение кожных покровов, излишнее потоотделение, отведение взгляда, опускание глаз, продолжительные паузы, замедление речи и др.), которая поможет определить недостоверность даваемых показаний.

Обстановка должна быть деловой, спокойной, исключая отвлекающие факторы. Желательно, чтобы допрос осуществлялся без присутствия посторонних лиц, для чего заранее необходимо согласовать отсутствие коллег, например, в служебном кабинете на время допроса, а также исключить возможность обращения к следователю иных коллег или посторонних лиц, в том числе и посредством телефонных переговоров.

Оценив следственную ситуацию и проанализировав типичные для неё формы защиты преступника, следователь, осуществив психологический анализ и оценив ранее продемонстрированное либо предполагаемое отношение лица к совершённому им преступлению, социальную направленность, ценностные установки и убеждения, выбирает линию своего поведения, средства воздействия, целесообразные для применения с целью устранения конфликтной ситуации и, соответственно, психологического противодействия лица. [6, С.171].

В конфликтных ситуациях чаще всего применяют такие тактические приемы, как детализация показаний, убеждение в неправильности занятой позиции, с разъяснением законода-

тельства, демонстрация несоответствия показаний действительности, использование конфликта (слабых мест), допущение легенды, демонстрация вещественных доказательств, постановка внезапных вопросов, «обмен позициями», формирование преувеличенного представления об имеющихся доказательствах.

Применение приема «детализации показаний» позволяет выявить недостоверную информацию в показаниях допрашиваемого лица в случае, если лицо было ранее допрошено либо имеются показания соучастников и других очевидцев.

К. А. Овечкин выделяет такой тактический прием, как «использование информации, допускающей различные толкования». Следователь использует в беседе с подозреваемым лексические формы, которые имеют неоднозначное значение и могут быть истолкованы по-разному. Одно из значений сказанного соответствует реальности, а второе толкуется и понимается подозреваемым так, как он считает верным. Этот прием позволяет следователю тонко манипулировать информацией и выявить правду относительно событий или обстоятельств дела. [7, С. 304].

Заранее разработанный план допроса с последовательной демонстрацией вещественных доказательств и оглашением отдельных фрагментов процессуальных документов (протоколов допроса) способствует формированию у допрашиваемого лица бесперспективности дачи ложных показаний в условиях очевидности установления расследуемых обстоятельств.

Так, последовательное предъявление при допросе изъятого в ходе осмотра места происшествия ножа, которым были нанесены ранения, протокола осмотра места происше-

ствия, заключения дактилоскопической и судебно-медицинской экспертизы, из которых следовало, что на ноже, которым было причинено ранение, обнаружены следы пальцев рук подозреваемого, стали доказательствами очевидной причастности последнего к рассматриваемому преступлению и явились причиной изменения недостоверных показаний на признательные¹.

Кроме того, оглашение фрагментов протоколов допроса соучастников, в большинстве случаев оказывает психологическое воздействие на лиц, дающих недостоверные показания, которые под его влиянием изменяют свои показания, изобличая и себя, и соучастников в совершении преступления.

При допросе лиц, впервые совершивших преступление, обладающих эмотивным психотипом, целесообразно применять такой прием как «обмен позициями», когда допрашиваемый оценивает свои противоправные действия со стороны потерпевшего и иных лиц.

«Формирование преувеличенного представления об имеющихся доказательствах» используют в случаях, когда имеются доказательства причастности лица, однако объем этих доказательств незначителен. Применяется в совокупности с «предъявлением доказательств» и «допущением легенды». Следователь позволяет изложить свою версию расследуемого события, предъявляет имеющиеся доказательства, опровергающие такие показания, сообщая о том, что это только их малая часть, отрицать свое участие в преступлении в данном случае не имеет смысла и может быть расценено как противодействие

следствию, что безусловно будет учитываться при назначении наказания судом. При таких обстоятельствах у допрашиваемого формируется убеждение в наличии достаточной совокупности доказательств, подтверждающих его причастность к преступлению, и возникает заинтересованность в признании вины с целью «улучшить свое положение» и воспользоваться смягчающими вину обстоятельствами. При этом следователю, придерживаясь законных методов допроса, не стоит сообщать о наличии заведомо отсутствующего доказательства или искажать его содержание, а следует лишь создавать преувеличенное впечатление о имеющихся доказательствах.

Выводы и заключение

Подводя итог, следует сделать вывод о необходимости дальнейшего совершенствования института допроса подозреваемых и обвиняемых, занимающего значительное место в процессе доказывания по уголовному делу и являющегося важнейшей гарантией прав рассматриваемых участников уголовного судопроизводства.

Из проведенного анализа следует, что эффективность проводимого допроса зависит от правильного баланса между строгой правовой регламентацией и умением следователя выбрать соответствующий тактический прием или их совокупность.

С одной стороны, действующее законодательство обеспечивает соблюдение прав подозреваемых и обвиняемых, законность и последующую судебную перспективу дела.

С другой стороны, имеющийся тактический арсенал в виде использования конфликтной и бесконфликтной ситуации, методов эмоционально-логического, психологического воздействия и изобличающей силы вещественных доказательств

¹ Уголовное дело № 421197 Архив Свердловского районного суда г. Иркутска

способствует эффективному противостоянию ложных показаний и получению достоверной информации даже в условиях категорического противодействия подозреваемых и обвиняемых.

С правовой точки зрения, для совершенствования института допроса подозреваемых и обвиняемых, возникает необходимость:

1) уточнения формулировки п. 3 ч. 4 ст. 46 УПК РФ, предполагающей возможность общения подозреваемого с защитником без ограничения времени;

2) законодательного определения термина «технические средства», а также порядка их использования;

3) внесения дополнения в ч. 4 ст. 173 УПК РФ, предусматривающего возможность повторного допроса обвиняемого при получении дополнительных доказательств вины обвиняемого по тому же обвинению.

Следователю важно не только соблюдать правовую регламентацию допроса, но и обладать достаточными знаниями в области психологии, умением оперативно анализировать

большой объем информации и самостоятельно принимать тактически верное решение в условиях изменения обстановки, складывающейся при допросе, совершенствовать свои профессиональные навыки.

При осуществлении допроса необходимо разъяснять подозреваемым и обвиняемым не только наличие предусмотренных законом прав, но и порядок их реализации, учитывать эмоционально-психологические особенности лица при планировании допроса и выборе тактических приемов.

В целях формирования профессиональных навыков поддерживаем инициативу Р. Р. Байбикова по внедрению специализированных курсов для следователей по ведению допросов [8, С. 215].

Таким образом, совершенствование тактики допроса должно быть направлено на развитие и освоение психологических техник, допустимых нормами права, навыков логического анализа и укрепления этических основ профессионального взаимодействия.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Милос А. И. Особенности тактики допроса подозреваемого (обвиняемого) при расследовании преступлений, связанных с хищениями нефти и нефтепродуктов при их хранении и транспортировке // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2021. №1 (17). С.109–117.

2. Варданян А. В., Гончаров К. В. Общие положения допроса свидетелей и потерпевших по делам о злоупотреблении полномочиями лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческих и иных организациях // Общество и право. 2017. №3(61). С.130–134.

3. Чурикова А.Ю. Практика и проблемы регулирования использования технических средств в уголовном процессе // Российский судья. 2025. № 4. С. 56–60.

4. Кряжев В. С., Степаненко Д. А. Некоторые тактические и организационные особенности допроса потерпевших и свидетелей при расследовании преступлений террористической и экстремистской

направленности // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2024. №1. С.124–134.

5. Серебров Д. О., Сереброва С. П. Тактические приемы допроса подозреваемого по преступлениям в сфере экономики // Юридическая наука и практика: вестник Нижегородской академии МВД России. 2020. №2. С. 117–121.

6. Сергеева О. В. К вопросу об использовании психолого - криминалистического портрета преступника при производстве допроса подозреваемого, совершившего преступление против личности, в условиях конфликтной ситуации // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2018. №4. С.168–172.

7. Овечкин, К. А. Тактические приемы допроса подозреваемого // Молодой ученый. 2023. № 22 (469). С. 303-305.

8. Байбиков Р. Р. Актуальные проблемы допроса в досудебном производстве по уголовному делу и пути их совершенствования // Вопросы российского и международного права. 2017. Том 7. № 9А. С. 213-221.

REFERENCES

1. Milius, A.I. Osobennosti taktiki doprosa podozrevayemogo (obvi-nyayemogo) pri rassledovanii prestupleniy, svyazannykh s khishcheniyami nefti i nefteproduktov pri ikh khranenii i transportirovke [Peculiarities of Tactics for In-terrogating a Suspect (Accused) in Investigating Crimes Related to the Theft of Oil and Petroleum Products During Storage and Transportation]. Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra. – Forensic Science: Yesterday, Today, Tomorrow. 2021. No. 1 (17). Pp. 109–117. (in Russian).

2. Vardanyan A.V. Goncharov K.V. Obshchiye polozheniya doprosa svideteley i poterpevshikh po delam o zloupotreblenii polnomochiyami litsami, vypolnyayushchimi upravlencheskiye funktsii v kommercheskikh i inykh organizatsiyakh [General Provisions for Interrogating Witnesses and Victims in Cases of Abuse of Authority by Persons Performing Managerial Functions in Commercial and Other Organizations]. Obshchestvo i pravo. – Society and Law. 2017. No. 3 (61). Pp. 130–134. (in Russian).

3. Churikova A. Yu. Praktika i problemy regulirovaniya ispol'zovaniya tekhnicheskikh sredstv v ugolovnom protsesse [Practice and problems of regulat-ing the use of technical means in criminal proceedings]. Rossiyskiy sud'ya – Rus-sian judge. 2025. No. 4. Pp. 56– 60. (in Russian).

4. Kryazhev V.S., Stepanenko D.A. Nekotoryye takticheskiye i organi-zatsionnyye osobennosti doprosa poterpevshikh i svideteley pri rassledovanii prestupleniy terroristicheskoy i ekstremistskoy napravlennosti [Some tactical and organizational features of interrogating victims and witnesses during the in-vestigation of terrorist and extremist crimes]. Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra. – Forensic science: yesterday, today, tomorrow. 2024. No. 1. Pp. 124–134. (in Russian).

5. Serebrov D.O., Serebrova S.P. akticheskiye priyemy doprosa podozrevayemogo po prestupleniyam v sfere ekonomiki [Tactical techniques for interrogating a suspect in economic crimes]. Yuridicheskaya nauka i praktika: vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii. – Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. No. 2. Pp. 117–121. (in Russian).

6. Sergeeva, O.V. K voprosu ob ispol'zovanii psikhologo - kriminalisticheskogo portreta prestupnika pri proizvodstve doprosa podozrevayemogo, sovershivshogo prestupleniye protiv lichnosti, v usloviyakh konfliktnoy situatsii [On the issue of using a psychological and forensic portrait of a criminal during the interrogation of a suspect who has committed a crime against a person in a conflict situation]./ Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra. – Forensic science: yesterday, today, tomorrow. 2018. No. 4. Pp. 168–172. (in Russian).

7. Ovechkin, K. A. Takticheskiye priyemy doprosa podozrevayemogo Tactical techniques for interrogating a suspect. Molodoy uchenyy.– Young scientist. 2023. No. 22 (469). Pp. 303–305. (in Russian).

8. Baibikov R.R. Aktual'nyye problemy doprosa v dosudebnom proizvodstve po ugolovnomu delu i puti ikh sovershenstvovaniya [Actual problems of interrogation in pre-trial proceedings in a criminal case and ways to improve them]. Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava. – Issues of Russian and international law. 2017. Vol. 7. No. 9A. Pp. 213-221. (in Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Тактеева Вера Викторовна, доцент кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел. Восточно-Сибирский институт МВД России. 664074, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Лермонтова, д. 110.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vera V. Taktoeva, Associate Professor of the department of criminal procedure. East Siberian Institute of the MIA of Russia, 110, st. Lermontova, Irkutsk, Russian Federation, 664074.

Научная статья
УДК: 343.1

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА ОКАЗАНИЕ КВАЛИФИЦИРОВАННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ ИНОСТРАННЫМ ГРАЖДАНАМ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Лариса Геннадьевна Татьяна

Удмуртский государственный университет, г. Ижевск,
Российская Федерация, larisa-lisa@mail.ru

Аннотация. Предметом исследования выступает совокупность правовых и организационных проблем, возникающих при реализации иностранными гражданами права на представительство их интересов в досудебном уголовном производстве. Методология исследования базируется на общенаучных методах познания (анализ, синтез, системный подход) и частно-научных методах (формально-юридический, сравнительно-правовой, метод правового моделирования и иные методы). Научная новизна исследования обосновывается необходимостью реализации права на представительство как одного из элементов института оказания квалифицированной юридической помощи, доступной для всех участников уголовно-процессуальных правоотношений. Предложен авторский подход к дифференциации правового статуса заявителя-иностранца с учетом административно-режимных и языковых особенностей его участия в уголовном судопроизводстве. Выявленные коллизии между формальными требованиями закона и реальными возможностями иностранных заявителей требуют точечного законодательного решения. Автором предложен комплекс мер, включающий внесение изменений в ст. 141, 144 и 125 УПК РФ, направленных на преодоление языкового барьера между участниками уголовного судопроизводства и обеспечение им реального доступа к правосудию. Практическая значимость работы заключается в разработке конкретных тактических рекомендаций, направленных на реализацию обеспечения защиты прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства в соответствии с ч. 1 ст. 6 УПК РФ, для должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство.

Ключевые слова: иностранный гражданин, представительство, представительство иностранных граждан, уголовно-процессуальное представительство, адвокат, адвокат-представитель, заявление о преступлении, досудебное производство, доступ к правосудию, языковой барьер, квалифицированная юридическая помощь.

Для цитирования: Татьяна, Л. Г. Проблемы реализации права на оказание квалифицированной юридической помощи иностранным гражданам на начальном этапе уголовного судопроизводства // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2026. Т. 39. № 3. С. 136–144.

PROBLEMS OF REALIZING THE RIGHT TO QUALIFIED LEGAL ASSISTANCE FOR FOREIGN CITIZENS AT THE INITIAL STAGE OF CRIMINAL PROCEEDINGS

Larisa G. Tatyanaeva

Udmurt State University, Izhevsk, Russian Federation, larisa-lisa@mail.ru

Abstract. The subject of the study is the set of legal and organizational problems that arise when foreign citizens exercise their right to have their interests represented in pre-trial criminal proceedings. The research methodology is based on general scientific methods of cognition (analysis, synthesis, systems approach) and specific scientific methods (formal-legal, comparative-legal, legal modelling method, and other methods). The scientific novelty of the study lies in the justification of the need to exercise the right to representation as one of the elements of the institution providing qualified legal assistance that is accessible to all participants in criminal procedural legal relations. The author proposes an approach to differentiating the legal status of a foreign applicant, taking into account their administrative, procedural, and linguistic characteristics in the context of participating in criminal proceedings. The identified conflicts between the formal requirements of the law and the actual capabilities of foreign applicants require a targeted legislative solution. The author proposes a set of measures, including amendments to Articles 141, 144, and 125 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, aimed at overcoming the language barrier between participants in criminal proceedings and ensuring their real access to justice. The practical significance of the work lies in the development of specific tactical recommendations for officials involved in criminal proceedings, aimed at ensuring the protection of the rights and legitimate interests of participants in criminal proceedings in accordance with Part 1 of Article 6 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation.

Keywords: foreign citizen, representation, representation of foreign citizens, criminal procedural representation, lawyer, lawyer-representative, report of a crime, pre-trial proceedings, access to justice, language barrier, qualified legal assistance.

For citation: Tatyana L.G. Problemy realizacii prava na okazanie kvalificirovannoj yuridicheskoy pomoshchi inostrannym grazhdanam na nachal'nom etape ugolovnogogo sudoproizvodstva [Problems of realizing the right to receive qualified legal assistance for foreign citizens at the initial stage of criminal proceedings]. Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra = Forensics: yesterday, today, tomorrow. 2026, vol. 39. no. 3, pp. 136–144 (in Russ.).

Введение

Действующее уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации (далее – УПК РФ)¹, провозглашает состязательность сторон с позиции их равноправного положения при достижении как частных, так и публичных интересов. Тем не менее положения УПК РФ содержат нормы, процессуальная реализация которых порождает ряд дискуссионных вопросов, указывающих на отсутствие реально-го равноправия участников судопроизводства. Так, согласно ч. 4 ст. 15 УПК РФ стороны обвинения и защиты равноправны перед судом. Однако отнесение к стороне обвинения прокурора, следователя, дознавателя и органа дознания представляется необоснованным, противоречащим сущности состязательности и равноправия, поскольку указанные субъекты реализуют властные полномочия, что изначально исключает равенство их процессуальных возможностей с правами и обязанностями подозреваемого и обвиняемого. Сторонами в уголовном процессе следует рассматривать только участников уголовно-правового конфликта, которые в ходе производства по уголовному делу обладают равными правами, что позволяет им состязаться с их использованием [1, с. 135].

Традиционно в криминалистике и уголовном процессе при рассмотрении особенностей участия иностранных граждан в уголовном судопроизводстве основное внимание уделялось тактическим аспектам взаимодействия с иностранными гражданами, тактике и методичке

проведения отдельных процессуальных действий. В работах А. А. Протасевича и Е. И. Фойгель обосновывалась необходимость криминалистического изучения личности иностранца, его психологических и социальных свойств [2, с. 354]. А. И. Земскова в своих научных исследованиях акцентировала внимание на алгоритме действий следователя при допросе иностранных потерпевших [3, с. 128–129]. Однако, как справедливо отмечает А. Н. Тепленко, ключевые нарушения прав иностранных граждан допускаются не в ходе осуществления следственных действий, а на самом начальном этапе досудебного производства – при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях, которые могут ограничить право на доступ к правосудию [4, с. 209]. Именно на этом этапе (ст. 141–145 УПК РФ), который по закону должен быть максимально доступным, иностранный гражданин, являющийся заявителем о преступлении, сталкивается с взаимосвязанными барьерами, существенно влияющими на уголовное судопроизводство с их участием, к которым следует отнести:

1. Языковой барьер – формулировка положений ст. 18 УПК РФ не детализирует механизм участия переводчика на стадии регистрации заявления².

2. Правовой барьер – заключается в отсутствии знаний уголовного и уголовно-процессуального законодательства, в том числе порядка обжа-

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 29.12.2025) с изм. и доп., вступ. в силу с 20 января 2026 г. // Доступ из спар.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.08.2026). Режим доступа: свободный.

² Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях» Приказ МВД России от 29.08.2014 №736 (ред. от 09.10.2019) URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_170872/ (дата обращения: 10.08.2026). Режим доступа: свободный.

лования действий должностных лиц, в случае, нарушения их прав и законных интересов.

3. Административно-режимный барьер – нахождение в «реестре контролируемых лиц»³ или лиц с нарушенным миграционным режимом⁴ создает конфликтную ситуацию уже при первом взаимодействии с правоохранительной системой государства [5, с. 93–94].

Цель настоящей работы заключается в обосновании необходимости закрепления в нормах УПК РФ права иностранного гражданина, участвующего в проверке сообщения о преступлении, на квалифицированное представительство (в том числе не адвокатское). Исходя из чего, первоначальный этап досудебного производства, начиная с этапа возбуждения уголовного дела, развивает теоретическую позицию о распространении права представительства на всех участников уголовно-правового конфликта, в том числе при осуществлении представительства иностранных граждан.

Основная часть

Анализ научной литературы, рассматривающей вопросы участия иностранных граждан в уголовном судопроизводстве, указывает на существование разрыва между национальным уголовно-процессуальным законодательством и нормами меж-

дународного права⁵. Классическая криминалистика утверждает необходимость глубокого изучения личности иностранца [2, с. 355], в то время как процессуалисты констатируют, что УПК РФ в текущей редакции не учитывает эти особенности на начальном этапе. А. В. Майоров и А. Н. Тепленко предпринимают важную попытку включить в структуру представительства дополнительного субъекта – «иностранное государство в лице уполномоченных органов и должностных лиц» [6, с. 429; 7, с. 86]. Однако на практике на этапе подачи и регистрации заявления о преступлении, поступившего от иностранного гражданина, консул⁶ или дипломат⁷, как правило, не участвует, что создает правовой вакуум: иностранный заявитель остается один на один с должностным лицом, обязанным принять заявление, но не обеспеченным (в силу отсутствия нормы) средствами перевода и правовой поддержки.

Особого внимания, с нашей точки зрения, заслуживает вопрос о реализации принципа равноправия сторон в уголовном процессе. Согласно ст. 6 УПК РФ назначением уголовного процесса является как защита прав потерпевшего, так и обвиняемого и

³ О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115 (в ред. Федерального закона от 31.07.2025 № 329-ФЗ). Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.08.2026). Режим доступа: свободный.

⁴ О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации: Федеральный закон от 18 июля 2006 (в ред. Федерального закона от 31.07.2025 № 314-ФЗ). Доступ СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.08.2026). Режим доступа: свободный.

⁵ Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам : заключена в г. Кишинев 7 октября 2002 года // СПС «КонсультантПлюс» URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.08.2026). Режим доступа: свободный.

⁶ Венская конвенция о консульских сношениях : заключена в г. Вене 24 апреля 1963 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» : URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 21.08.2026). Режим доступа: свободный.

⁷ Венская конвенция о дипломатических сношениях: заключена в г. Вена 18 апреля 1961 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»: URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 21.08.2026). Режим доступа: свободный.

подозреваемого. Однако законодатель в ст. 16 УПК РФ рассматривает в качестве принципа уголовного процесса только право обвиняемого и подозреваемого на защиту, но не рассматривает указанное право применительно к потерпевшему, что изначально ставит под сомнение равноправие и состязательность противоборствующих сторон [1, с. 134]. В п. 8 ч. 2 ст. 42 УПК РФ, регламентирующей процессуальный статус потерпевшего, законодатель указал на право последнего иметь представителя, но ни в указанной норме, ни в ст. 45 УПК РФ не указаны требования, которые предъявляются к представителям потерпевшего. Если применительно к участию защитника подозреваемого и обвиняемого законодатель предусмотрел основания и условия его допуска к производству по уголовному делу, а также исключил зависимость от финансового обеспечения, то применительно к потерпевшему законодатель поставил участие представителя в зависимость от финансового состояния потерпевшего, который сам должен решать вопрос о привлечении представителя [8, с. 47–48].

Таким образом, теоретический пробел, на восполнение которого направлено настоящее исследование, состоит в отсутствии доктринального обоснования распространения института представительства на «нулевой» этап уголовного судопроизводства, когда уголовное дело еще не возбуждено, но уже возникают процессуальные отношения, а также в неразработанности механизмов реализации права на квалифицированную юридическую помощь для иностранных граждан на данном этапе досудебного производства.

Эмпирические коллизии: три типичные ситуации отказа иностранному гражданину в доступе к правосудию на первоначальном этапе возбуждения уголовного дела.

Ученые-процессуалисты, исследующие участие иностранных граждан на первоначальном этапе досудебного производства, например А. И. Земскова [5, с. 93–94] и А. Н. Тепленко [9, с. 58–59], выделяют три типичные ситуации, в которых отсутствие представителя иностранного гражданина может привести к ограничению права на доступ к правосудию для иностранного участника досудебного производства.

Во-первых, наличие «языкового барьера» между иностранным участником и иными участниками уголовного процесса.

Иностранный гражданин может подать заявление о преступлении на родном языке или на русском языке с низким уровнем владения им. В соответствии с ч. 4 ст. 141 УПК РФ ему выдается талон-уведомление на русском языке [4, с. 210]. Иностранец, знакомясь с ним и подписывая его, может не понимать его содержание. Впоследствии может быть установлено, что в талоне указан не тот состав преступления или заявление не зарегистрировано в КУСП, либо имеются иные несоответствия, ошибки и неточности, что может привести к отсутствию возможности у иностранного гражданина обжаловать указанные нарушения в установленном законом порядке. Право на обжалование (ч. 5 ст. 141 УПК РФ) разъясняется также на русском языке и может быть непонятным для иностранного гражданина, что указывает на нарушение ч. 1 ст. 11 УПК РФ. Согласно разъяснениям Генеральной прокуратуры РФ⁸, заявитель имеет право пользоваться услугами адвоката, но

⁸ О порядке учета и рассмотрения в органах прокуратуры Российской Федерации сообщений о преступлениях» Приказ Генпрокуратуры РФ от 27.12.2007 №212. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.08.2026). Режим доступа: свободный.

механизм реализации этого права на этапе проверки сообщения детально не прописан. Представляется, что данная ситуация напрямую затрагивает конституционное право каждого на получение квалифицированной юридической помощи, однако на практике это право остается необеспеченным.

Во-вторых, проблемный административно-правовой статус иностранного гражданина, участвующего в судебном производстве.

Как отмечает А. И. Земскова, если иностранец находится в статусе «контролируемого лица» или нарушил миграционный режим, сотрудник полиции склонен видеть в нем не потерпевшего, а нарушителя [5, с. 94]. Вместо приема заявления или сообщения о преступлении, должностным лицом проводится проверка документов с угрозой депортации иностранного гражданина. Без представителя (адвоката или правозащитника) иностранец либо может отказаться от подачи заявления, либо его показания не фиксируются должным образом должностным лицом, осуществляющим прием такого сообщения. Полагаем, что в данной ситуации особенно остро проявляется необходимость квалифицированной юридической помощи, поскольку правовой статус заявителя оказывает решающее влияние на отношение к нему со стороны должностных лиц.

В-третьих, отсутствие механизма обжалования отказа в принятии и регистрации сообщения о преступлении.

Часть 5 ст. 141 УПК РФ предусматривает право участников уголовного процесса обжаловать отказ в приеме заявления о преступлении в порядке ст. 124 и 125 УПК РФ. Однако, как справедливо указывает А. Н. Тепленко, «отсутствие возможности у иностранного гражданина осуществить обжалование действий должностных лиц об отказе в приня-

тии заявления о преступлении в ситуации, когда иностранный гражданин не находится на территории России, ограничивает и право на доступ к правосудию», что является системной проблемой [4, с. 212]. При этом ст. 125 УПК РФ ограничивает круг лиц, имеющих право на судебное обжалование, формулировкой «если они участвуют в уголовном деле», что исключает представителя на стадии до возбуждения дела и требует устранения путем внесения необходимых уточнений в положения УПК РФ. Предлагается внести изменения в ч. 3 ст. 125 УПК РФ: слова «если они участвуют в уголовном деле» заменить на «если они участвуют в уголовном судопроизводстве» [4, с. 213]. Это позволит представителю иностранного гражданина участвовать в судебном обжаловании действий должностного лица на стадии до возбуждения дела, когда формально «уголовного дела» еще нет. Предложенные изменения в 125 УПК РФ не требуют бюджетных затрат, но кардинально повышают качество правосудия и снижают латентность преступлений в отношении иностранных граждан.

Исходя из вышеизложенного, предлагаем должностным лицам, осуществляющим прием, регистрацию и разрешения сообщения о преступлении, поданного иностранным гражданином:

- изучить личность заявителя для определения его социально-психологического уровня и необходимости участия представителя;
- обеспечить реализацию прав на помощь представителя;
- процессуально фиксировать отказ в приеме заявления с указанием причин, чтобы у представителя (который появится позже) был предмет для обжалования решений должностных лиц.

Выводы и заключение

Таким образом, проведенный анализ положений УПК РФ и правоприменительной практики в области представительства иностранных граждан на первоначальном этапе досудебного производства позволяет сделать вывод о том, что право иностранного гражданина на квалифицированную юридическую помощь со стороны представителя в Российской Федерации реализуется не в полной мере. Основной причиной является отсутствие в положениях УПК РФ норм, закрепляющих право иностранного гражданина на начальном этапе досудебного производства

пользоваться квалифицированной юридической помощью.

Представительство иностранных граждан не должно быть привилегией стадии расследования преступлений и судебного разбирательства, данный процесс следует применять с момента обращения иностранного лица в правоохранительные органы, что отвечает основным принципам национального уголовно-процессуального законодательства и общепризнанным принципам и нормам международного права и международным договорам Российской Федерации, регламентирующим участие иностранных граждан в уголовном судопроизводстве.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Татьяна, Л. Г. Обеспечение квалифицированной юридической помощи в уголовном судопроизводстве в свете положений Конституции РФ // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2025. Т. 35, вып. 6. С. 130-135.
2. Протасевич, А. А., Фойгель, Е. И. О необходимости криминалистического изучения личности иностранного участника уголовного судопроизводства // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9. № 2. С. 351-358.
3. Земскова, А. И. Гражданская принадлежность как криминалистически значимая информация при расследовании преступлений с участием иностранных граждан // Legal Concept. 2020. Т. 19. № 1. С. 126-131.
4. Тепленко, А. Н. Особенности представительства иностранных граждан на этапе приема и регистрации заявления о преступлении // Юристъ-Правоведъ. 2025. № 3(114). С. 208-214.
5. Земскова, А. И. К вопросу об особенностях участия иностранных граждан в уголовном процессе РФ в качестве свидетелей и потерпевших // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2017. № 3. С. 90-95.
6. Майоров, А. В. Представительство иностранного гражданина в уголовном судопроизводстве России // Социальное управление. 2025. Т. 7. № 6. С. 425-432.
7. Тепленко, А. Н. Особенности содержания института представительства иностранных граждан в уголовном судопроизводстве Российской Федерации // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2025. № 2 (59). С. 80-88.

8. Татьяна, Л. Г. Разрешение следователем ходатайств адвоката, заявленных в ходе производства предварительного расследования // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2024. Т. 34, вып. 5. С. 44–49.

9. Тепленко, А. Н. Особенности участия представителя иностранного гражданина при подаче заявления о преступлении, сделанного в письменном виде // Вестник экономики, управления и права. 2025. Т. 18, № 3. С. 56–63.

REFERENCES

1. Tatyana L.G. Obespechenie kvalificirovannoj yuridicheskoy pomoshchi v ugovnom sudoproizvodstve v svete polozhenij Konstitucii RF [Providing Qualified Legal Assistance in Criminal Proceedings in Light of the Provisions of the Constitution of the Russian Federation]. Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «Ekonomika i pravo». – Bulletin of Udmurt University. Series “Economics and Law”. 2025. Vol. 35, issue 6. Pp. 130–135. (in Russian)

2. Protasevich A.A., Foigel E.I. O neobходимosti kriminalisticheskogo izucheniya lichnosti inostrannogo uchastnika ugovnogo sudoproizvodstva [On the Need for a Forensic Study of the Personality of a Foreign Participant in Criminal Proceedings]. Kriminologicheskij zhurnal Bajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava. – Criminological Journal of the Baikal State University of Economics and Law. 2015. Vol. 9. No. 2. Pp. 351–358. (in Russian)

3. Zemskova A.I. Grazhdanskaya prinadlezhnost' kak kriminalisticheski znachimaya informaciya pri rassledovanii prestuplenij s uchastiem inostrannyh grazhdan [Citizenship as a criminologically significant piece of information in the investigation of crimes involving foreign citizens]. Legal Concept. – Legal Concept. 2020. Vol. 19. No. 1. Pp. 126–131. (in Russian)

4. Teplenko A.N. Osobennosti predstavitel'stva inostrannyh grazhdan na etape priema i registracii zayavleniya o prestuplenii. [Features of the representation of foreign citizens at the stage of receiving and registering a crime report]. YUrist'-Pravoved". – Yurist-Pravoved. 2025. No. 3(114). Pp. 208–214. (in Russian)

5. Zemskova A.I. K voprosu ob osobennostyah uchastiya inostrannyh grazhdan v ugovnom processe RF v kachestve svidetelej i poterpevshih [On the issue of the features of the participation of foreign citizens in the criminal proceedings of the Russian Federation as witnesses and victims]. Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Rossii. – Bulletin Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. No. 3. Pp. 90–95. (in Russian)

6. Majorov A. V. Predstavitel'stvo inostrannyh grazhdan v ugovnom sudoproizvodstve Rossii [Representation of Foreign Citizens in Russian Criminal Proceedings]. Social'noe upravlenie. Social Management. 2025. vol. 7, pp. 425–432. (in Russian)

7. *Teplenko A.N.* Osobennosti sodержaniya instituta predstavitel'stva inostrannyh grazhdan v ugovnom sudoproizvodstve Rossijskoj Federacii [Features of the content of the institution of representation of foreign citizens in the criminal proceedings of the Russian Federation]. Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – Bulletin Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2025. No. 2 (59). Pp. 80-88. (in Russian)

8. *Tatyana L.G.* Razreshenie sledovatelem hodatajstv advokata, zayavlennyh v hode proizvodstva predvaritel'nogo rassledovaniya [Resolution by the investigator of the lawyer's petitions filed during the preliminary investigation]. Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «Ekonomika i pravo». – Bulletin Udmurtskogo universiteta. Series “Economics and Law”. 2024. Vol. 34, issue 5. Pp. 44–49. (in Russian)

9. *Teplenko. A. N.* Osobennosti uchastiya predstavatelya inostrannogo grazhdanina pri podache zayavleniya o prestuplenii, sdellannogo v pis'mennom vide [Features of the participation of a representative of a foreign citizen when submitting a written statement about a crime]. Vestnik ekonomiki, upravleniya i prava. Bulletin of Economics, Management and Law. 2025. Vol. 18, no. 3. Pp. 56–63. (in Russian)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Татьянина Лариса Геннадьевна, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой уголовного процесса и криминалистики. Удмуртский государственный университет. 426034, Российская Федерация, г. Ижевск, ул. Университетская, д. 1, корп. 4.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Larisa G. Tatyana, Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Udmurt State University. Room 4, Building 1, Universitetskaya St., Izhevsk, Russian Federation, 426034.

Научная статья
УДК: 343.985.7

ДЕСТРУКТИВНЫЕ ГРУППЫ В УСЛОВИЯХ ГИБРИДНОЙ РЕАЛЬНОСТИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ КЛАССИФИКАЦИИ И ИДЕНТИФИКАЦИИ

Сергей Владимирович Тимофеев¹, Александр Сергеевич Самоделкин²

¹Восточно-Сибирский институт МВД России, г. Иркутск, Российская Федерация, tsv.1981@mail.ru

²Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя, г. Москва, Российская Федерация, putin@list.ru

Аннотация. В статье исследуется феномен деструктивных групп в теоретическом и практическом плане. Осуществлены классификация и построение оперативно-розыскной характеристики деструктивных групп, функционирующих преимущественно в сети Интернет. На основе системного анализа проводится критический обзор существующих типологий и выявляются их ограничения. Авторы предлагают многоуровневую классификационную модель, интегрирующую целевой, функционально-ролевой, коммуникационно-поведенческий и технологический критерии. В рамках методологии разрабатывается структура оперативно-розыскной характеристики деструктивной интернет-группы как информационной модели, включающая параметры целеполагания, контента, социальной динамики, технологической инфраструктуры и криминалистически значимых признаков.

Ключевые слова: деструктивные группы, сеть Интернет, цифровая среда, оперативно-розыскная характеристика, методология, интернет-платформы, криминалистическая характеристика, информационно-аналитическая модель, сетевые сообщества.

Для цитирования: Тимофеев, С. В., Самоделкин, А. С. Деструктивные группы в условиях гибридной реальности: методологические основания классификации и идентификации // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2026. Т. 39. № 3. С. 145–159.

DESTRUCTIVE GROUPS IN THE CONTEXT OF HYBRID REALITY: METHODOLOGICAL FOUNDATIONS FOR CLASSIFICATION AND IDENTIFICATION

Sergey V. Timofeev¹, Alexander S. Samodelkin²

¹East Siberian Institute of the MIA of Russia, Irkutsk, Russian Federation, tsv.1981@mail.ru

²Kikot Moscow University of the MIA of Russia, Moscow, Russian Federation, putin@list.ru

Abstract. The article examines the phenomenon of destructive groups in theoretical and practical terms. A classification and an operational-search characteristic of destructive groups functioning primarily on the Internet are

developed. Based on a systematic analysis, a critical review of existing typologies is carried out and their limitations are identified. The authors propose a multi-level classification model integrating target, functional-role, communicative-behavioral, and technological criteria. Within the framework of the methodology, the structure of the operational-search characteristic of a destructive Internet group is developed as an information model, including parameters of goal-setting, content, social dynamics, technological infrastructure, and forensically significant features.

Keywords: destructive groups, Internet, digital environment, operational-search characteristic, methodology, Internet platforms, forensic characteristics, information-analytical model, network communities

For citation: Timofeev S.V., Samodelkin A.S. Destruktivnyye gruppy v usloviyakh gibridnoy real'nosti: metodologicheskiye osnovaniya klassifikatsii i identifikatsii [Destructive groups in the conditions of hybrid reality: methodological foundations of classification and identification]. Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra = Forensics: yesterday, today, tomorrow. 2026, vol. 39. no. 3, pp. 145–159 (in Russ.).

Введение

Феномен деструктивных групп в сети Интернет представляет собой одну из наиболее опасных угроз современному обществу. Глобальная сеть, изначально создававшаяся как инструмент свободного обмена информацией, превратилась в благодатную среду для распространения идеологий ненависти, насилия и саморазрушения. Виртуальные сообщества, используя методы психологического манипулирования, способны подтолкнуть несовершеннолетних к совершению поступков, приводящих к необратимым последствиям – от агрессии в отношении окружающих до добровольного ухода из жизни.

Отдельного внимания заслуживает способность подобных групп к быстрой трансформации, смене вывесок и подстройке под изменяющиеся условия. Их организаторы целенаправленно эксплуатируют психологическую уязвимость молодежной аудитории, подменяют традиционные нравственные ориентиры псевдоценностями, создают иллюзию избранности. Именно это делает деструктивные сообщества привлекательными для подростков, находя-

щихся в поиске собственной идентичности и общественного признания. Разрушительное воздействие таких групп не ограничивается рамками виртуального пространства – оно неизбежно проецируется на реальные социальные связи, дестабилизирует семейные отношения, калечит судьбы и создает прямые угрозы общественной безопасности.

Масштаб явления диктует необходимость пересмотра существующих подходов к его осмыслению. Традиционные классификационные схемы, разработанные для анализа офлайн-сообществ, оказываются малоприспособленными в условиях цифровой реальности, где границы между виртуальным и реальным стремительно стираются.

Статистика подтверждает тревожную динамику. По сведениям Роскомнадзора, в 2024 году доступ к интернет-ресурсам был ограничен в отношении 810,5 тыс. материалов, признанных противоправными. В 2025 году количество таких ограничений выросло на 59 % и составило уже 1,289 млн единиц контента. Мониторинг охватывал основные российские и зарубежные цифровые

площадки и социальные сети «ВКонтакте», «Одноклассники», «Мой мир», платформу «Ответы Mail.ru», видеохостинги Rutube и TikTok, сервис Likee, а также мессенджер Telegram.

Наиболее значительный рост блокировок в 2025 году зафиксирован в отношении материалов, связанных со средствами обхода блокировок – их количество увеличилось на 1235 % и превысило 93 тыс. Существенно возросло и число ограничений доступа к контенту, признанному экстремистским – на 269 % (до 170,3 тыс. материалов). Кроме того, на 190 % (до 18,7 тыс.) выросло число блокировок материалов с детской порнографией; на 80 % (до 229,3 тыс.) – с пронаркотическим контентом; на 60 % (до 52,2 тыс.) – с вовлечением несовершеннолетних в противоправную деятельность.

В Роскомнадзоре для мониторинга и анализа контента задействованы три автоматизированные системы. «Мир» осуществляет сбор и анализ текстовой информации, «Окулус» предназначен для выявления и идентификации изображений и видеоматериалов, а «Вебрь» дополняет их прогнозной аналитикой¹.

К. Ясперс отмечал: «любая классификация, представляющая собой не просто слабо структурированную группировку данных, а нечто большее, содержит в себе объективное суждение; сама по себе она уже предполагает выбор определенной мировоззренческой установки» [1, с. 15]. Это суждение, высказанное в контексте психопатологии, приобретает особую эвристическую ценность применительно к деструктивным группам в интернете.

¹ «Ведомости»: РКН увеличил количество удаленных запрещенных материалов на 59 % [Электронный ресурс] URL : <https://tass.ru/obschestvo/26181237> (дата обращения 25.05.2026).

При этом современные исследователи и практики сталкиваются с феноменом, который сложно сгруппировать и классифицировать. Это связано с тем, что виртуальные сообщества обладают высокой лабильностью, маскируются под легитимные объединения, используют алгоритмические ленты социальных сетей для камуфляжа своих целей. Они способны в течение нескольких дней менять название, платформу и систему кодов и символов.

Верным представляется мнение М. Кастельса, что сетевое общество представляет собой «социальную структуру, построенную на сетях, активизируемых микроэлектронными технологиями, основанными на цифровой информации и коммуникационных технологиях» [2, с. 45]. Деструктивные онлайн-сообщества стали органичной, хотя и патологической, частью этой структуры. Их изучение требует выработки принципиально нового методологического подхода.

Исследователи все чаще обращают внимание на то, что деструктивные интернет-группы являются закономерным продуктом трансформации коммуникационных практик в условиях цифровой реальности.

Е. В. Сусименко и А. В. Хорохордина обоснованно указывают, что «медиатизация становится фундаментальным процессом, трансформирующим практически все аспекты социальной жизни, при этом ее деструктивные эффекты проявляются на когнитивном, психологическом, социокультурном и институциональном уровнях» [3, с. 108].

В этих условиях оперативно-розыскная практика зачастую отстает в осмыслении данного феномена. Она оперирует разрозненными эмпирическими наблюдениями без единой методологической базы, адаптированной именно к интернет-реалиям.

Поэтому особую актуальность приобретает разработка универсальной методологии классификации и идентификации деструктивных интернет-групп.

Как справедливо замечает К. А. Шуликов, «информация способна оказывать организующее, управленческое воздействие на ее потребителей» [4, с. 177].

В. И. Красиков и Е. В. Фоменко в своем исследовании предприняли попытку «выявления и типологизации наиболее резонансных «групп ненависти», существующих в настоящее время в Рунете». В итоге ими был разработан «категориально-критериальный аппарат для выявления радикальных неполитических интернет-сообществ», установлены адресования их интернет-распространения, сопоставлены их общие и отличные признаки, определена шкала их социальной вредности. Авторы отмечают, что в последние два десятилетия «появились новые радикальные интернет-сообщества, которые мотивированы в своем появлении другими важными аспектами человеческого существования, помимо политического, националистического или религиозного. Такими, как гендерный, возрастной, личностно-психологический и др.». Их роднит с политическими формами радикализма «интенсивно проявляющиеся в их активности профили ненависти к определенным группам людей» [5, с. 6]. Отличает же их отсутствие определяющей политической вовлеченности.

Использование этих данных требует не только правового, но и методологического обеспечения, позволяющего превращать хаотичный поток цифровых данных в структурированную оперативную картину.

Президент Российской Федерации В. В. Путин неоднократно подчеркивал необходимость наращивать усилия по пресечению распростране-

ния деструктивного контента в интернете, что повлекло изменения в действующем уголовном законодательстве Российской Федерации².

Все вышеизложенное обуславливает необходимость разработки целостного методологического подхода к классификации и построению оперативно-розыскной характеристики деструктивных групп, действующих в сети Интернет. Такой подход должен интегрировать достижения криминалистики, оперативно-розыскной деятельности, интернет-лингвистики и социальной психологии сетевых групп.

Цель настоящего исследования заключается в разработке целостного методологического подхода к классификации и построению оперативно-розыскной характеристики деструктивных групп, действующих в сети Интернет, а также обоснование практической значимости предлагаемой модели для оптимизации деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел в киберпространстве.

Основная часть

Прежде чем перейти к непосредственному анализу деструктивных интернет-сообществ, необходимо дать научное определение ключевому понятию исследования.

В научной литературе сложилось понимание вредной информации как сведений, «негативное воздействие которых на индивидуальную психику и общественное сознание обуславливает необходимость ограничения или запрета их оборота в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспече-

² В УК РФ внесены изменения, направленные на противодействие распространению деструктивного контента / Президент России. URL : <http://www.kremlin.ru/catalog/keywords/6/events/74774> (дата обращения 25.05.2026).

ния обороны страны и безопасности государства»³. Применительно к интернет-среде указанное понятие конкретизируется через категорию «контент» – информационно-значимое наполнение сети Интернет, включающее тексты, графику, мультимедиа и иные формы представления данных⁴.

Деструктивная группа в сети Интернет в настоящем исследовании понимается как устойчивое или ситуативно возникающее онлайн-сообщество, чья деятельность полностью или преимущественно разворачивается на интернет-платформах, в социальных сетях, мессенджерах, на форумах или в иных сегментах глобальной сети в целях причинения вреда личности, обществу или государству путем распространения противоправного контента, психологического манипулирования, координации противоправных действий либо создания условий для их совершения.

Ключевой признак такой группы – использование интернет-пространства в качестве основной арены функционирования. Это отличает ее от традиционных преступных сообществ, для которых сеть являет-

ся лишь вспомогательным средством коммуникации.

Анализ научной литературы и правоприменительной практики позволил выделить сущностные характеристики деструктивных интернет-групп.

В основе существования группы лежит противоправная направленность в виде идеологии, противоречащей ценностям общества и государства, деформирующая нравственный облик личности и проявляющаяся в противоправном поведении.

Цель таких групп – манипулирование сознанием людей, подталкивание к опасным действиям, навязывание определенных взглядов.

Нам импонирует точка зрения И. В. Носова, который утверждает, что «в социальной сфере социальные сети привели к переосмыслению сути и динамики дружбы, поскольку незнакомцы и знакомые теперь могут быть добавлены в качестве «друзей», что ведет к разрушению основных социальных норм и физической дистанции, которые ранее определяли человеческие взаимодействия» [6, с. 58].

Помимо идеологической направленности, деструктивные интернет-группы характеризуются организованностью, наличием определенной структуры (иерархической, сетевой или ризоматической), распределением ролей и функций между участниками, системой внутренней коммуникации и координации.

Деятельность таких групп имеет деструктивный характер и направлена на причинение морального, психологического, физического или материального вреда отдельным лицам, социальным группам или обществу в целом.

Существенной особенностью является использование интернет-среды как основной платформы. При этом деятельность группы полностью или преимущественно осуществляется в цифровом простран-

³ Информация по делу № 02а-1886/2025 /Информация по административным делам первой инстанции // Информация по судебным делам /// Процесс //// Симоновский районный суд. Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы [Электронный ресурс] URL : <https://www.mos-gorsud.ru/rs/simonovskij/services/cases/kas/details/536dff0-5b04-11f0-aa34-b1b3a628812a?caseNumber=2a-1886/25> (дата обращения 25.05.2026).

⁴ Верховный Суд Российской Федерации признал «Колумбайн» террористической организацией / Генеральная прокуратура Российской Федерации [Электронный ресурс] URL : <https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/mass-media/news/main/e480267/?ysclid=mr7hefyijq405902439> (дата обращения 25.05.2026).

стве, что определяет специфику ее организации, коммуникации и способов воздействия.

Важнейшими характеристиками выступают высокая динамичность и адаптивность, способность быстро изменять структуру, тактику, платформы и контент в ответ на внешние воздействия, а также анонимность и псевдонимность участников, достигаемые использованием никнеймов, сервисов анонимизации, прокси-серверов и зашифрованных мессенджеров.

Кроме того, деструктивные интернет-группы отличаются мультиплатформенностью, т. е. использованием нескольких интернет-площадок для разных целей:

- координации в мессенджерах;
- пропаганды в социальных сетях;
- хранения файлов на облачных сервисах;
- финансирования через криптовалюты.

Деструктивный контент обладает свойством виральности распространения (способностью материала стремительно набирать популярность, словно вирус, захватывая внимание всё большего числа людей за короткое время). Он может мгновенно распространяться через алгоритмы рекомендаций и репосты, многократно усиливая охват аудитории без активных действий самих участников.

Наконец, трансграничность, когда участники могут находиться в различных юрисдикциях, что затрудняет правовую квалификацию и оперативное реагирование.

На основе выделенных характеристик предлагается следующее определение деструктивной группы в сети Интернет – это организованное онлайн-сообщество, объединенное идеологией, противоречащей конституционным ценностям и нормам морали, деятельность которого направлена на причинение вреда

личности, обществу или государству посредством распространения противоправного контента, психологического манипулирования, координации противоправных действий либо создания условий для их совершения, с использованием интернет-платформ, социальных сетей, мессенджеров и иных сегментов глобальной сети в качестве основной среды функционирования, характеризующееся высокой динамичностью, анонимностью участников, мультиплатформенностью и трансграничностью.

Сегодня исследователь и практик сталкиваются с феноменом, который сопротивляется простой «группировке данных». Виртуальные сообщества экстремистской, террористической, суицидальной или иной деструктивной направленности обладают высокой лабильностью, маскируются под легитимные объединения и используют алгоритмические ленты социальных сетей для камуфляжа своих целей.

Указанные особенности требуют пересмотра традиционных подходов к классификации и описанию таких групп, поскольку статические модели, разработанные для офлайн-сообществ, оказываются малоприменимыми в динамичной интернет-среде.

В научной литературе представлен ряд попыток классифицировать деструктивные сообщества в сети. Наиболее распространены следующие подходы:

1) основанные на целевом (идеологическом) признаке, представленные как выделение экстремистских, террористических, суицидальных, сектантских, киберпреступных групп и т. д.;

2) на платформенном признаке – это классификация по типу используемой интернет-платформы (социальные сети, мессенджеры, форумы, Darknet);

3) по степени публичности или закрытости – от полностью открытых публичных сообществ до глубоко законспирированных ячеек в зашифрованных каналах.

Каждый из этих подходов имеет ценность, но и существенные ограничения применительно к интернет-среде.

Классификация по цели, будучи содержательно ясной, часто оказывается слишком общей и не отражает оперативно значимых особенностей структуры и коммуникаций в сети.

Платформенный подход полезен для выбора тактики мониторинга, но не отвечает на вопрос о сущности группы и ее деструктивном потенциале.

Деление по степени закрытости является важным, но вторичным тактическим параметром, поскольку в интернете группы могут оперативно менять режим доступа.

Особого внимания заслуживает концепция «групп ненависти», исследованных В. И. Красиковым и Е.В. Фоменко, предлагающих категориально-критериальный аппарат для выявления радикальных неполитических интернет-сообществ – маскулистов, радфем, скулшутеров, троллей, догхантеров и иных объединений, мотивированных не политическими, а гендерными, возрастными и личностно-психологическими факторами [7, с. 6–7].

Данный подход особенно релевантен для интернет-среды, где такие группы активно используют анонимность и алгоритмическое продвижение для привлечения аудитории, и может быть интегрирован в предлагаемую ниже классификационную модель.

Практика противодействия деструктивным интернет-сообществам демонстрирует многообразие их проявлений. Так, в 2025 году Симоновский районный суд Москвы признал вредными для подростков семь круп-

ных сообществ во «ВКонтакте» с аудиторией, превышающей 700 тысяч подписчиков, таких как: «Borzz», «BLATATA», «Бандитский двор», «Культурное движение», «ZDRAVIYDVIZH», «Бог спасет, братва поможет» и «Бог простит, а я запомню». Суд установил, что публикации в этих группах пропагандировали асоциальное поведение, склоняли подростков к употреблению алкоголя, наркотиков, курению, азартным играм, проституции, бродяжничеству и попрошайничеству⁵. Данный пример иллюстрирует, как деструктивные группы могут маскироваться под «околокриминальные» паблики, используют привлекательную для молодежи стилистику и формируя искаженное представление о социальных нормах.

Особую опасность, как подчеркивает в своем исследовании Е. М. Тимошина, «представляет вовлечение молодежи через сеть Интернет в группы деструктивной направленности, где очень активно используются социальные сети». Ученый описывает стратегию «постепенного погружения» детей в деструктивный контент как способ их вовлечения в деструктивные субкультуры. По ее мнению, особенность вовлечения детей в такие субкультуры заключается в стратегии «постепенного погружения» в деструктивный контент. Эксперты называют это «воронкой вовлечения». Наиболее наглядна для пони-

⁵ Информация по делу № 02а-1886/2025 / Информация по административным делам первой инстанции // Информация по судебным делам /// Процесс //// Симоновский районный суд ///// Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы [Электронный ресурс] URL : <https://www.mosgorsud.ru/rs/simonovskij/services/cases/kas/details/536dff0-5b04-11f0-aa34-b1b3a628812a?caseNumber=2a-1886/25> (дата обращения 25.05.2026).

мания аналогия с матрешкой, «в которой самая большая – это видимая всем фигура, наиболее безобидная, а каждая последующая меньшая матрешка – уровень более опасный». «Максимально опасный уровень – самая маленькая матрешка – представляет своего рода «дно аморальных ценностей»» [8, с. 287–289]. Каждый последующий уровень – более закрытый, попасть в него можно лишь по специальному приглашению – ссылке.

Не менее показательным является уголовное дело о «группе смерти», раскрытое Следственным комитетом России в 2025 году, жертвами которой стали 20 детей из разных регионов страны. Организаторами оказались житель Новосибирска и несовершеннолетняя девушка из Ярославля, которые целенаправленно искали в социальных сетях подростков, интересующихся мрачной тематикой, и вовлекали их в опасную игру по схеме, напоминающей печально известный «Синий кит»⁶. Фигуранты давали детям психологически разрушительные задания, постепенно подводя их к мыслям о суициде, причем не извлекали никакой материальной выгоды – их мотивом было самоутверждение. Суд приговорил мужчину к 10 годам колонии. Этот случай подтверждает тезис о том, что деструктивные интернет-группы могут не иметь корыстной мотивации, что существенно отличает их от традиционных преступных сообществ и требует особых подходов к выявлению и оперативно-розыскному документированию.

Верховный Суд Российской Фе-

дерации в 2022 году признал движение «Колумбайн» (скулшутинг) террористическим и запретил его на территории России. В социальных сетях создаются тематические группы скулшутинга, осуществляется психологическая обработка по снятию у молодежи и подростков морального запрета на применение насилия и совершение убийств. За организацию либо участие в деятельности террористической организации предусмотрена уголовная ответственность вплоть до пожизненного лишения свободы⁷.

Для преодоления выявленных ограничений предлагается четырехуровневая классификационная модель, интегрирующая взаимосвязанные критерии применительно к интернет-сообществам. Эта модель позволяет перейти от простой *таксономии* к построению оперативно значимого *профиля группы в сети Интернет*.

Первый уровень – целевой (содержательно-идеологический). Он определяет смысловое ядро группы и мотивацию участников в интернете.

В рамках данного уровня выделяются политико-идеологические интернет-группы, включающие экстремистские, сепаратистские и террористические объединения, использующие сеть для пропаганды, вербовки, координации и финансирования; социально-деструктивные интернет-группы, пропагандирующие насилие (скулшутинг, буллинг), суицид (про-ау-сообщества), расстроя пищевого поведения; криминально-экономические интернет-группы, организованные для кибермошенничества, торговли запрещен-

⁶ МК.РУ: В Москве раскрыли дело "группы смерти", в которую заманивали детей - Российская газета [Электронный ресурс] URL : <https://rg.ru/2025/07/26/mkru-v-moskve-raskryli-delo-gruppy-smerti-v-kotoruiu-vovlekalis-deti.html> (дата обращения 25.05.2026).

⁷ Верховный Суд Российской Федерации признал «Колумбайн» террористической организацией [Электронный ресурс] URL : <https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/mass-media/news/archive/e480267/> (дата обращения 25.05.2026).

ными товарами, отмывания денег через криптовалюты, а также деградационно-маргинальные интернет-группы, культивирующие асоциальный образ жизни и ненависть к отдельным социальным категориям.

Второй уровень – функционально-ролевой и структурный. Этот уровень описывает внутреннюю организацию интернет-группы и распределение функций в цифровой среде. Здесь выделяются централизованные (иерархические) структуры с четким лидером и вертикалью подчинения, характерные для традиционных экстремистских организаций, перенесших свою деятельность в сеть; децентрализованные (сетевые) структуры, состоящие из относительно автономных ячеек или отдельных активистов, связанных общей идеологией через интернет-платформы, но не имеющих единого командного центра; а также ризоматические (климатические) структуры, не имеющие постоянной организации и формирующиеся стихийно вокруг конкретного события или информационного повода в социальных сетях.

Третий уровень – коммуникационно-поведенческий. На этом уровне анализируются паттерны взаимодействия внутри интернет-группы и с внешней средой, оцениваются степень конспирации в сети – от открытых публичных групп до полностью закрытых приватных каналов; характер коммуникации – агрессивно-вербовочный, направленный на вовлечение новых участников, дискуссионно-идеологический, поддерживающий внутреннюю идентичность, либо инструментально-координационный, связанный с обсуждением планов действий; а также используемые культурные коды – специфический интернет-сленг, мемы, символика, эмодзи, ритуалы, формирующие групповую идентичность в сети и служащие маркерами «свой – чужой».

Четвертый уровень – технологическо-инфраструктурный. На этом уровне анализируются цифровые инструменты и интернет-площадки, задействованные в деятельности группы. В расчет берется тип платформы: социальные сети, мессенджеры, тематические форумы, игровые чаты или ресурсы в Darknet. Важным элементом выступает и стратегия присутствия в сети: наличие основного узла (центрального ресурса) и вспомогательных каналов, распределяющих разные функции.

Существенное уточнение вносит разграничение контент-рисков (связанных с ознакомлением пользователей с уже размещенной деструктивной информацией в интернете) и коммуникационных рисков (возникающих в процессе межличностного взаимодействия в сети и связанных с использованием манипулятивных речевых стратегий), предложенное Е. И. Галяшиной и В. Д. Никишиным [9, с. 85–86].

Это различие позволяет дополнить классификацию интернет-групп критерием преобладающего типа деструктивного воздействия, что особенно важно для групп вербовочной направленности, активно использующих личные сообщения и чаты.

Данная многоуровневая модель позволяет не просто отнести интернет-группу к категории, а построить ее комплексный сетевой профиль, например: «политико-идеологическая (экстремистская) интернет-группа децентрализованной сетевой структуры с высокой степенью конспирации и агрессивно-вербовочным типом коммуникации, базирующаяся на платформе Telegram с использованием базового шифрования».

Разработанная классификация служит основой для построения оперативно-розыскной характеристики интернет-группы для систематизированного описания сообщества в

параметрах, имеющих значение при решении задач оперативно-розыскной деятельности, связанных с выявлением, документированием прогнозирования и пресечения преступной деятельности деструктивных групп.

Оперативно-розыскная характеристика (далее – ОРХ) в предлагаемой трактовке *представляет собой динамическую информационную модель, систематизирующую сведения о деструктивном онлайн-сообществе в параметрах, имеющих оперативно-тактическое, доказательственное и прогностическое значение в цифровой среде.*

В отличие от криминалистической характеристики, которая ориентирована преимущественно на ретроспективное установление механизма преступления и идентификацию слеодообразующих объектов в материальном мире, ОРХ интернет-группы имеет выраженную прогностическую и управленческую направленность и важна для обоснования оптимального выбора гласных и негласных методов и средств, определения наиболее эффективных в этих случаях оперативно-розыскных мероприятий в сети Интернет, а также для оценки динамики угрозы и планирования тактических оперативных комбинаций в киберпространстве.

Предлагаемая структура ОРХ для интернет-группы включает шесть взаимосвязанных элементов, адаптированных к специфике глобальной сети.

Первый элемент. Установочные и идентификационные данные в интернете, содержащие наименование (самоназвание) группы, используемые хэштеги, слоганы, никнеймы участников; цифровые адреса – URL, как основного ресурса, ссылки на сателлитные каналы, аккаунты администраторов и ключевых фигур; а также время возникновения в сети и ключевые этапы развития.

Второй элемент. Целеполагание и идеологическое содержание включают формализованную цель и идеологию группы, транслируемые через интернет-контент; целевую интернет-аудиторию для вербовки с ее социально-демографическим и психологическим портретом; а также основные нарративы, образы врага и символический аппарат, используемые в сетевых публикациях.

Третий элемент. Социально-сетевая структура и ролевое распределение, описывающие тип структуры в интернете, карту социальных связей (SNA-граф) с выделением ключевых фигур в сети – лидеров, идеологов, технических администраторов, активных распространителей, рядовых участников – и функции каждой роли в группе, проявляющиеся через характер цифровых следов.

Четвертый элемент. Коммуникативные и поведенческие паттерны в интернете. Он анализирует характер контента (тексты, мемы, видео, аудио, ссылки на внешние ресурсы); частоту и время активности, реакцию на внешние события в реальной жизни и в цифровой среде (информационные триггеры); используемые методы вербовки и манипуляции в сети – техники ментального принуждения, «ловушки вовлечения», приемы социальной инженерии; а также признаки планирования конкретных противоправных действий через интернет – использование кодовых слов, зашифрованных сообщений, обсуждение места и времени в частных чатах.

Пятый элемент. Техно-технологическая инфраструктура в интернете. Он содержит информацию об используемом софте и аппаратных средствах, задействованных в коммуникации; сведения о способах обеспечения анонимности и безопасности в сети (шифрование, прокси-серверы, анонимные браузеры, и т. п.); а также каналы финансирования через ин-

тернет – краудфандинг, криптовалюты, анонимные платежные системы.

Наконец, *шестой элемент* – это криминалистически значимые признаки и угрозы в цифровой среде, включающие конкретные составы преступлений, признаки которых содержатся в деятельности интернет-группы.

Например, ст. 280, 280.1, 282, 205.2 УК РФ и другие. Также этот элемент содержит оценку уровня общественной опасности и потенциала насилия на основе анализа сетевого контента и коммуникаций; а также прогноз развития ситуации – скейлинг активности в сети, риски перехода к реальным действиям, возможное распространение на другие интернет-платформы.

Как справедливо отмечает В. С. Овчинский, «оперативно-розыскная характеристика из описательного документа должна превратиться в аналитический инструмент, позволяющий не только констатировать, но и моделировать поведение группы» [10, с. 15]. Именно такой подход реализует предложенная структура применительно к интернет-группам, обеспечивая переход от пассивного описания к активному прогнозированию и тактическому планированию в цифровой среде.

При этом ОРХ интернет-группы может быть дополнена элементом лингвистических и семиотических особенностей деструктивного дискурса в сети – использованием специфических культурных кодов, интернет-сленга, символики, эмодзи-кодов, а также частотных словарей негативно окрашенных понятий, что позволяет автоматизировать мониторинг социальных сетей и повысить эффективность идентификации групп на ранних стадиях их формирования.

Особого внимания заслуживает вопрос о соотношении оперативно-розыскной и криминалистической характеристик применительно к интернет-группам.

Криминалистическая характеристика преступления традиционно понимается как система типичных данных о способе, механизме, обстановке, субъекте и иных элементах преступного деяния, имеющих значение для его расследования. Применительно к интернет-среде криминалистическая характеристика фокусируется на цифровых следах, способах совершения преступлений в сети Интернет и признаках, позволяющих идентифицировать правонарушителя.

В отличие от нее, оперативно-розыскная характеристика деструктивной интернет-группы ориентирована не столько на уже совершенное деяние, сколько на выявление, документирование и прогнозирование противоправной активности сообщества в ее динамике на интернет-платформах.

Сходство между ними проявляется в том, что обе являются информационными моделями, систематизирующими криминалистически значимые признаки в цифровой среде; обе оперируют данными о субъектах, способах, орудиях и обстановке; обе служат основанием для выдвижения версий и планирования действий.

Вместе с тем данные различия носят принципиальный характер, и в условиях интернет-среды это проявляется наиболее отчетливо. Криминалистическая характеристика ориентирована на ретроспективу: она позволяет восстановить картину уже состоявшегося события через анализ оставленных в цифровом пространстве следов. Оперативно-розыскная характеристика, напротив, нацелена на работу с текущим состоянием сетевой группы, отслеживание ее изменений и построение прогнозов относительно дальнейших действий.

Криминалистическая характеристика строится на относительно устойчивых, повторяющихся моделях поведения и типовых признаках. ОРХ в силу высокой подвижности интернет-сообществ требует постоянного

обновления – сетевое объединение способно за несколько часов сменить площадку, наименование, состав активных участников и смысловые акценты в своей риторике.

По сути криминалистическая характеристика отвечает на вопросы: «что именно произошло?» и «кто мог быть причастен?». ОРХ же дает ответы на иного рода вопросы: «что в данный момент происходит в интернет-пространстве?», «в каком направлении эволюционирует группа?», «как на нее можно повлиять имеющимися оперативными средствами?».

Таким образом, оперативно-розыскная характеристика интернет-группы не подменяет собой криминалистическую характеристику, а органично дополняет и развивает ее с учетом специфики глобальной сети и задач оперативно-розыскной деятельности. Она превращает анализ в непрерывный процесс, позволяющий отслеживать изменения в режиме реального времени.

Вывод и заключение

В рамках проведенного исследования удалось сформировать единый методологический подход к анализу деструктивных интернет-сообществ. Его основу составляют два взаимосвязанных элемента: многоуровневая классификация и структурированная оперативно-розыскная характеристика.

Оба инструмента адаптированы к подвижной, быстро меняющейся цифровой среде и могут быть использованы как в теоретических разработках, так и в практической деятельности правоохранительных органов.

В результате системного анализа научной литературы и правоприменительной практики предложено научное определение деструктивной группы в сети Интернет.

В контексте исследования под ней понимается организованное онлайн-сообщество, объединенное

идеологией, противоречащей конституционным ценностям и нормам морали, деятельность которой направлена на причинение вреда личности, обществу или государству посредством распространения противоправного контента, психологического манипулирования, координации противоправных действий либо создания условий для их совершения, с использованием интернет-платформ, социальных сетей, мессенджеров и иных сегментов глобальной сети в качестве основной среды функционирования, характеризующееся высокой динамичностью, анонимностью участников, мультиплатформенностью и трансграничностью.

Классификация деструктивных интернет-групп, построенная по четырем взаимодополняющим критериям – целевому, функционально-ролевому, коммуникационно-поведенческому и технологическому – позволяет преодолеть ограничения одномерных типологий и строить комплексный сетевой профиль сообщества, отражающий его сущность, организацию, способы взаимодействия и технологическую базу в глобальной сети.

Оперативно-розыскная характеристика интернет-группы, структурированная в виде шести элементов, трансформируется из пассивного описания в активный аналитический инструмент, работающий в режиме реального времени. Ее сопоставление с криминалистической характеристикой показывает, что ОРХ имеет выраженный прогностический и управленческий характер, дополняя ретроспективную направленность криминалистической характеристики актуальной оценкой динамики интернет-сообщества и обоснованием тактических решений в киберпространстве.

Теоретическая значимость исследования заключается в систематизации знаний о деструктивных ин-

тернет-сообществах и интеграции методов из таких смежных областей, как сетевой анализ, социальная психология сетевых групп, цифровая криминалистика, интернет-лингвистика в понятийный аппарат теории оперативно-розыскной деятельности.

Практическая ценность подхода состоит в том, что он предоставляет оперативным подразделениям четкий алгоритм анализа интернет-групп, позволяющий унифицировать и повысить качество информационно-аналитической работы в киберпространстве, ускорить оценку уровня угрозы, прогнозирование развития ситуации и обоснованный выбор ОРМ посредством мониторинга социальных сетей, легендирования, документирования цифровых следов, а также эффективно представлять результаты оперативной работы в виде результатов ОРД, которые после процессуальной проверки и оценки могут быть использованы в качестве доказательств, соответствующих требованиям УПК РФ.

Перспективным видится научно-практическая деятельность по разработке на основе предложенной мето-

дологии специализированного программного обеспечения или аналитических модулей для существующих систем мониторинга социальных сетей, автоматизирующих процесс заполнения и актуализации ОРХ интернет-групп в реальном времени.

Все это требует углубленного изучения вопросов эффективности различных тактик оперативно-розыскного противодействия применительно к группам разных классификационных типов в интернете, а также разработки единого междисциплинарного подхода, объединяющего достижения криминалистики, оперативно-розыскной деятельности, интернет-лингвистики и социальной психологии сетевых сообществ.

Для борьбы с деструктивными группами в сети Интернет предложенная методология может быть эффективным инструментом для сбора, систематизации и анализа такого знания, превращая хаотичный поток цифровых данных в четкую оперативную картину, необходимую для обеспечения решения задач ОРД, обеспечения законности и безопасности в цифровую эпоху.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Jaspers, K.* Allgemeine Psychopathologie. Berlin: Springer, 1913. 420 s.
2. *Castells, M.* The Rise of the Network Society. The Information Age: Economy, Society, and Culture. Vol. I. Oxford: Blackwell, 2010. 594 p.
3. *Сусименко, Е. В., Хорохордина, А. В.* Деструктивные эффекты медиатизации сфер общественной жизни: формы, виды и классификации // Гуманитарий Юга России. 2025. Т. 14. № 3. С. 107–120.
4. *Шуликов, К. А.* Деструктивный контент: понятие, административно-правовая характеристика, виды // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 2 (98). С. 176–183.
5. *Красиков, В. И., Фоменко, Е. В.* Группы ненависти в Рунете: ареалы интернет-распространения и типология // Вестник РПА. 2020. № 4. С. 5–27.
6. *Носова, И. В., Носов, Д. Д.* Деструктивный контент: цифровые угрозы и риски // Вестник СибГУТИ. 2025. Т. 19. № 2. С. 56–63.
7. *Красиков, В. И.* Группы ненависти в Рунете: ареалы интернет-распространения и типология / В. И. Красиков, Е. В. Фоменко // Вестник Российской правовой академии. 2020. № 4. С. 5–27.

8. Тимошина, Е. М. Деструктивные субкультуры несовершеннолетних как условия их виктимизации и криминализации // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2021. Т. 6, № 2 (12). С. 286–293.

9. Галяшина, Е. И., Никишин, В. Д. Деструктивное речевое поведение в цифровой среде: факторы, детерминирующие негативное воздействие на мировоззрение пользователя // LEX RUSSICA. 2021. Т. 74. № 6 (175). С. 79–94.

10. Овчинский, В. С. Аналитика в киберпространстве: от данных к решениям // Информационное противодействие угрозам терроризма. 2023. № 15 (71). С. 10–19.

REFERENCES

1. Jaspers K. Allgemeine Psychopathologie. Berlin: Springer, 1913. 420 p.
2. Castells M. The Rise of the Network Society. The Information Age: Economy, Society, and Culture. Vol. I. Oxford: Blackwell, 2010. 594 p.
3. Susimenko E. V., Horohordina A. V. Destruktivnye efekty mediatizacii sfer obshchestvennoj zhizni: formy, vidy i klassifikacii [Destructive effects of the mediatization of spheres of public life: forms, types, and classifications]. Gumanitarij YUga Rossii. – Humanities of the South of Russia. 2025. Т. 14. №. 3. Pp. 107-120. (in Russian).
4. SHulikov K.A. Destruktivnyj kontent: ponyatie, administrativno-pravovaya harakteristika, vidy [Destructive content: concept, administrative-legal characteristics, and types]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii – Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. № 2 (98). Pp. 176-183. (in Russian).
5. Krasikov V.I., Fomenko E.V. Gruppy nenavisti v Runete: arealy internet-rasprostraneniya i tipologiya [Hate groups in Runet: areas of online spread and typology]. Vestnik RPA – Bulletin of the Russian Law Academy 2020. № 4. Pp. 5-27. (in Russian).
6. Nosova I.V., Nosov D.D. Destruktivnyj kontent: cifrovye ugrozy i riski [Destructive content: digital threats and risks]. Vestnik SibGUTI – Bulletin of SibGUTI. 2025. Т. 19. № 2. Pp. 56-63. (in Russian).
7. Krasikov, V. I., Fomenko E. V. Gruppy nenavisti v Runete: arealy internet-rasprostraneniya i tipologiya [Hate groups in Runet: areas of online spread and typology]. Vestnik Rossiyskoy pravovoy akademii – Bulletin of the Russian Law Academy. 2020. № 4. Pp. 5-27. (in Russian).
8. Timoshina E.M. Destruktivnye subkul'tury nesovershennoletnih kak usloviya ih viktimizacii i kriminalizacii [Destructive juvenile subcultures as conditions for their victimization and criminalization]. Uchenye zapiski Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii – Scientific Notes of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. Т. 6. № 2 (12). Pp. 286-293. (in Russian).
9. Galyashina E.I., Nikishin V.D. Destruktivnoe rechevoe povedenie v cifrovoj srede: faktory, determiniruyushchie negativnoe vozdejstvie na mirovozzrenie pol'zovatelya [Destructive speech behavior in the digital

environment: factors determining the negative impact on the user's worldview]. LEX RUSSICA. – LEX RUSSICA. 2021. T. 74. № 6 (175). Pp. 79-94. (in Russian).

10. Ovchinskij V.S. Analitika v kiberprostranstve: ot dannyh k resheniyam [Analytics in cyberspace: from data to decisions]. Informacionnoe protivodejstvie ugrozam terrorizma. – Information Counteraction to Terrorism Threats 2023. № 15(71). Pp. 10-19. (in Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Тимофеев Сергей Владимирович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники в органах внутренних дел. Восточно-Сибирский институт МВД России. 664074, Российская Федерация, Иркутск, ул. Лермонтова, 110.

Самodelкин Александр Сергеевич, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники. Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя. 117997, Российская Федерация, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sergey V. Timofeev, Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Operational Investigative Activities and Special Equipment in Internal Affairs Bodies. East Siberian Institute of the MIA of Russia. 110 Lermontova St., Irkutsk, Russian Federation, 664074.

Alexander S. Samodelkin, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Operational-Investigative Activities and Specialized Equipment. Kikot Moscow University of the MIA of Russia. 12 Academician Volgina St., Moscow, Russian Federation, 117997.

Научная статья
УДК: 343.98

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАССЛЕДОВАНИЮ НЕЗАКОННОЙ РУБКИ ЛЕСНЫХ НАСАЖДЕНИЙ

Светлана Владимировна Унжакова, Восточно-Сибирский институт
МВД России, г. Иркутск, Российская Федерация,
unzhakova_sveta@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу теоретических положений о противодействии расследованию преступлений и правовых основ, регламентирующих отношения в сфере лесопользования, применительно к расследованию незаконной рубки лесных насаждений (ст. 260 УК РФ). Прослеживается эволюция научных взглядов на сущность противодействия расследованию с 1970-х годов до современного этапа. Рассматриваются различные подходы к определению понятия, а также дискуссия о разграничении противодействия расследованию и законной реализации участниками уголовного судопроизводства своих процессуальных прав. Приводится анализ состояния преступности в сфере незаконной рубки лесных насаждений и факторов, затрудняющих её выявление и раскрытие. Отдельное внимание уделяется структуре лесного, административного и уголовного законодательства, регулирующего вопросы охраны лесов и определяющего юридически значимые признаки состава преступления.

Ключевые слова: противодействие расследованию, незаконная рубка лесных насаждений, лесное законодательство, уголовная ответственность, административная ответственность, дистанционный мониторинг лесопользования.

Для цитирования: Унжакова, С. В. Теоретико-правовые основы противодействия расследованию незаконной рубки лесных насаждений // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2026. Т. 39. № 3. С. 160–172.

THEORETICAL AND LEGAL FOUNDATIONS OF COUNTERACTION TO THE INVESTIGATION OF ILLEGAL FELLING OF FOREST STANDS

Svetlana V. Unzhakova

East Siberian Institute of the MIA of Russia, Irkutsk, Russian Federation, unzhakova_sveta@mail.ru

Abstract. The article analyzes theoretical propositions on counteraction to the investigation of crimes and the legal foundations regulating relations in the sphere of forest use as applied to the investigation of illegal felling of forest stands (Article 260 of the Criminal Code of the Russian Federation). The evolution of scientific views on the essence of counteraction to investigation is traced from

the 1970s to the present stage. The article examines various approaches to defining the concept, as well as the debate on distinguishing counteraction to investigation from the lawful exercise by participants in criminal proceedings of their procedural rights. It provides an analysis of the state of crime in the sphere of illegal felling of forest stands and of the factors hindering its detection and disclosure. Particular attention is paid to the structure of forest, administrative, and criminal legislation regulating forest protection and defining the legally significant features of the corpus delicti.

Keywords: counteraction to investigation, illegal felling of forest stands, forest legislation, criminal liability, administrative liability, remote monitoring of forest use.

For citation: Unzhakova, S. V. Teoretiko-pravovyye osnovy protivodeystviya rassledovaniyu nezakonnoy rubki lesnykh nasazhdeniy [Theoretical and legal foundations of counteraction to the investigation of illegal felling of forest stands]. Kriminalistika: vchera segodnya, zavtra = Forensics: yesterday, today, tomorrow. 2026, vol. 39 no 3, pp. 160–172 (in Russ.).

Введение

Значимость противодействия расследованию в современных условиях возрастает, что связано с появлением новых способов и приёмов его осуществления, расширением круга вовлечённых в эту деятельность субъектов, а также с использованием современных цифровых и дистанционных технологий. Наиболее остро эта проблема проявляется при расследовании преступлений экономической направленности, в сфере компьютерной информации, а также коррупционных и экологических преступлений, включая незаконную рубку лесных насаждений.

Основная часть

По мере накопления эмпирических данных происходило научное осмысление понятий, форм и методов противодействия расследованию. Особенно активный рост научного интереса к нему отмечается с 1970-х гг., когда внимание учёных было сосредоточено прежде всего на способах сокрытия следов преступления. Именно в этот период сформировались теоретические основы криминалистического учения о сокрытии преступлений, существенный вклад в разработку кото-

рого внесли О. Я. Баев, Р. С. Белкин, Г. Г. Зуйков, В. П. Лавров, И. М. Лузгин, Г. Н. Мудьюгин, В. А. Овечкин, Н. П. Яблоков, Л. Б. Филонов и другие исследователи.

Начиная с 1990-х годов предмет научного анализа расширился. Помимо сокрытия следов преступления, криминалисты обратились к изучению противодействия расследованию в целом как многогранного явления, охватывающего любые действия, препятствующие производству по уголовному делу. Данная тематика получила развитие в докторских диссертациях В. Н. Карагодина, И. А. Николайчука, В. В. Трухачёва, Э. У. Бабаевой, И. В. Тишутинной, а также кандидатских диссертациях С. Ю. Журавлёва, О. Л. Стулина, А. Н. Петровой, Р. Г. Мартыненко, О. Г. Карнауховой и ряда других авторов.

Наряду с этим отечественные криминалисты обращались и к изучению частных способов противодействия расследованию, а также приёмов их преодоления. Проблематика выявления ложных показаний нашла отражение в трудах А. А. Закатова, А. Р. Ратинова, А. А. Шмидта и других учёных. Вопросы инсценировки преступлений становились предметом

исследования Г. Н. Мудьюгина, В. А. Овечкина, С. Н. Медведева, Е. В. Баранова, В. И. Фадеева, В. В. Дементьева и др. Разработкой способов проверки и опровержения ложного алиби занимались В. И. Шиканов, Н. В. Кручинина, А. Т. Тимербаев и другие авторы, тогда как проблемы воздействия на участников уголовного судопроизводства и приёмы его преодоления рассматривались, в частности, в работах И. А. Бобракова. Отдельного упоминания заслуживают также исследования, посвящённые противодействию расследованию отдельных категорий преступлений, — труды А. А. Бибикова, А. В. Кучерова, М. В. Щеголевой, А. А. Ляхненко, А. Б. Петруниной, А. А. Косынкина, Е. В. Головиной и других авторов.

Однако, несмотря на значительный объём накопленного научного материала, единого подхода к пониманию сущности противодействия расследованию криминалистическая наука до сих пор не выработала. Часть исследователей рассматривает данное явление как целенаправленную деятельность, создающую препятствия для установления объективной истины по уголовному делу (Р. С. Белкин, А. Ф. Волынский и др.); другие же авторы описывают его как систему взаимосвязанных действий и бездействия соответствующих субъектов (В. П. Лавров, В. Н. Карагодин и др.). Ряд же криминалистов сводит это понятие к конкретному акту сокрытия преступления либо характеризуют его через поведение виновного.

Проведённый анализ рассматриваемой категории позволил выделить значимые признаки противодействия расследованию, объединение которых позволило определить его как осуществляемую с целью уклонения от ответственности или смягчения наказания деятельность причастных к преступлению и иных заинтересованных лиц по воспрепят-

ствованию решению задач уголовного судопроизводства посредством воздействия на процесс расследования, криминалистически значимую информацию и её носители [1, с. 14].

Дискуссионным остаётся вопрос об отграничении противодействия расследованию от законной процессуальной деятельности. Одни авторы (В.Н. Карагодин [2, с. 17–18] и др.) включают в понятие противодействия любые умышленные действия, в том числе законные — например, реализацию права не свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников (ст. 51 Конституции РФ). Другие авторы, например О.И.Цоколова, относят к противодействию исключительно умышленные противоправные действия [3], подчёркивая необходимость разграничения противодействия расследованию и реализации участниками уголовного судопроизводства своих процессуальных прав. С позиции уголовного процессуального законодательства более обоснованной представляется вторая позиция, поскольку реализацию процессуальных прав нельзя расценивать как противодействие. Однако с криминалистических позиций подобные действия также требуют разработки средств и методов работы следователя в этих условиях.

Комплексные исследования противодействия при расследовании отдельных видов преступлений, в том числе незаконной рубки лесных насаждений, остаются недостаточно разработанными. Так, Д. О. Вишневский выделяет три категории незаконных рубок — бытовые, совершаемые в целях извлечения материальной выгоды и осуществляемые формально по разрешительным документам, но с грубым нарушением их условий, — каждая из которых требует принципиально разной тактики оперативно-розыскных мероприятий

и следственных действий [4, с. 29]. Соответственно, каждая из них требует и специфических мер по преодолению противодействия.

Несмотря на некоторое снижение количества незаконных рубок лесных насаждений, чему способствовали цифровизация лесной отрасли, введенный запрет на экспорт круглого леса и внесение изменений в лесное законодательство, проблема остается чрезвычайно актуальной [5, с. 199].

Отдельную проблему создаёт применение поджогов лесных насаждений в качестве способа сокрытия фактов незаконной рубки. Подобные действия не только причиняют существенный ущерб лесному фонду, но и создают серьёзную угрозу экологической и пожарной безопасности.

Помимо этого, сочетание высокой экономической ценности лесных ресурсов, значительной площади лесного фонда и объективной сложности организации контроля создаёт благоприятные условия для незаконной заготовки и экспорта древесины, в том числе для формирования устойчивых организованных групп в лесной отрасли. На это указывает растущий профессионализм их участников, проявляющийся в использовании современных технических средств связи и наблюдения, применении схем легализации преступных доходов, установлении коррупционных связей в контролирующих органах, а также в организации устойчивых каналов сбыта незаконно заготовленной древесины.

Все перечисленные обстоятельства существенно осложняют деятельность правоохранительных органов на всех этапах расследования, включая проведение оперативно-розыскных мероприятий и формирование доказательственной базы по уголовным делам данной категории.

Согласно статистическим данным, свыше двух третей незаконных

рубок, совершаемых на территории Российской Федерации, так и остаются невыявленными. Одной из ключевых причин этого выступает нехватка штатной численности сотрудников, на которых возложена охрана лесов [6, с. 9]. При этом ликвидация лесной охраны сопровождалась параллельным развитием автоматизированных информационных систем учёта лесов и дистанционного мониторинга, однако практика показала: одна лишь ставка на технологические решения без сохранения кадрового ресурса ожидаемого эффекта не дала. Подтверждением тому служит ряд ограничений, присущих технологии обнаружения незаконных рубок средствами космического мониторинга: выборочные рубки и рубки на небольших участках ею не фиксируются, а разрешающая способность общедоступных космических снимков (10–30 м) позволяет выявлять лишь те рубки, площадь которых составляет не менее 0,5–0,8 га. Кроме того, существует технологическая задержка в получении снимков (от 15 до 90 дней с момента вырубки) и низкая периодичность обновления информации (не чаще одного раза в месяц) [6, с. 10], что исключает возможность оперативного реагирования.

Отчасти преодолеть данные ограничения способно применение беспилотных воздушных судов (БВС): как показывает опыт их эксплуатации в лесном хозяйстве, беспилотная система на базе воздушного судна самолетного типа способна выполнять ряд функциональных и специфических задач лесного хозяйства – обнаружение и фиксация очагов возгорания леса, наблюдение и контроль за соблюдением требований в различных сферах использования лесных ресурсов, ведение оператором наблюдения за территорией в режиме реального времени и оперативное перенаправление аппарата [7, с. 188,

190], что делает данную технологию перспективным дополнением к спутниковому мониторингу лесопользования. Подразделения уголовного розыска также могут использовать БВС для розыска и задержания скрывающихся лиц, фиксации перемещений лиц, готовящих преступление, а с применением технологий искусственного интеллекта — для идентификации личности по внешним признакам и подсчёта числа лиц в помещении посредством тепловизионной съёмки. Подобные комплексы уже применяются при пресечении посягательств на природные ресурсы: так, в Томской области регулярные рейды с использованием БВС в 2024 г. позволили выявить 170 нарушений охотничьего законодательства (11 из них квалифицированы как преступления), изъять 35 единиц орудий охоты и установить ущерб природным ресурсам в размере 5 млн руб. [8, с. 168–169]. Аналогичный подход применим и для выявления незаконных рубок лесных насаждений.

Существенную роль в противодействии незаконному обороту древесины сыграло внедрение в 2015 году единой государственной автоматизированной информационной системы учёта древесины и сделок с ней (ЛесЕГАИС)¹, которая способствовала легализации части рынка древесины, улучшению налогового контроля и выводу тысяч организаций и предпринимателей лесоперерабатывающей отрасли из теневого сектора экономики. Тем не менее ключевые цели системы остались нереализованными: отсутствовала возможность интегра-

ции информационных систем Федеральной таможенной службы и ЛесЕГАИС через общую платформу для межведомственного электронного взаимодействия; не были реализованы механизмы отслеживания объёмов заготовленной древесины и соответствия объёмам древесины, указанным во внешнеторговых контрактах; отсутствовала информация о транспортировке древесины, что затрудняло контроль за объёмами лесоматериалов от места рубки до конечного потребителя. На данную проблему указывают и исследования теневой экономики лесной отрасли, авторы которых отмечают, что неполная работоспособность отраслевых информационных систем в сочетании со слабостью экономических механизмов контроля способствует устойчивому сохранению теневого оборота древесины в лесозаготовительной деятельности [9].

Учёт древесины и совершаемых с ней сделок в настоящее время осуществляется посредством Федеральной государственной информационной системы лесного комплекса (ФГИС ЛК). Данная система обеспечивает работу с отчётами об использовании лесов и актами лесопатологических обследований, а также предоставляет возможность запрашивать выписки из государственного лесного реестра, что создает основу для дальнейшей цифровизации отрасли и укрепления её контрольных механизмов.

Несмотря на сохраняющиеся трудности, предпринимаемые меры уже позволяют получить определённые положительные результаты. Так, повышение достоверности сведений о незаконных рубках было достигнуто благодаря внедрению в ряде субъектов РФ (в частности, в Иркутской области) систем непрерывного дистанционного мониторинга лесопользования, а также усилению прокурорского надзора за обработкой

¹О внесении изменений в Лесной кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования правового регулирования в области лесных отношений : Федер. закон от 04.02.2021 № 3-ФЗ : ред. от 08.08.2024 // Собрание законодательства РФ. 2021. № 6. Ст. 958.

карточек дешифрирования спутниковых снимков [10, с. 7–9]. Справедливым представляется утверждение о том, что проверка легальности происхождения древесины стала ключевым элементом современной системы противодействия незаконным рубкам [6]. В частности, в Иркутской области, устойчиво занимающей лидирующие позиции по объёмам незаконных рубок, число выявленных случаев при этом сократилось, чему в немалой степени способствовало внедрение непрерывного дистанционного мониторинга. Вместе с тем, как отмечается исследователями, часть незаконных рубок по-прежнему маскируется под санитарные рубки посредством составления недостоверных актов лесопатологического обследования, что искажает данные официальной статистики [11, с. 62–63]. На необходимость формирования единой системы противодействия незаконному лесопользованию указывает и Р. Ю. Шергин, подчёркивая, что такая система должна включать не только традиционные направления правоохранительной деятельности, но и комплекс мер по совершенствованию нормативно-правовой базы, усилению контроля за лесосырьевой базой, пунктами приёма и переработки древесины, а также её транспортировкой и экспортом [10, с. 7–9].

Существенное влияние на эффективность противодействия оказывает и само законодательное регулирование данной сферы. В настоящее время данная сфера регламентируется значительным массивом нормативных правовых актов — лесного, административного, уголовного и налогового законодательства, что затрудняет их применение лицами, осуществляющими расследование по данной категории дел. Дополнительным фактором, ослабляющим оперативно-розыскное противодействие, выступает то, что санкция ч. 1 ст. 260

УК РФ как преступления небольшой тяжести исключает возможность проведения такого оперативно-розыскного мероприятия, как прослушивание телефонных переговоров, что существенно сужает инструментарий выявления подобных деяний [4, с. 29–30].

В России отношения в области использования лесов регулируются лесным законодательством (ч. 1 ст. 3 ЛК РФ), которое состоит из Лесного кодекса РФ, федеральных законов и принимаемых в соответствии с ними законов субъектов Российской Федерации (ч. 1 ст. 2 ЛК РФ). Лесные отношения могут также регулироваться указами Президента РФ, правовыми актами Правительства РФ, субъектов РФ и органов местного самоуправления, а также нормативными правовыми актами федеральных органов исполнительной власти (ч. 2–6 ст. 2 ЛК РФ).

На международном уровне противодействие незаконным рубкам лесных насаждений осуществляется Российской Федерацией в соответствии с Конвенцией ООН против транснациональной организованной преступности, ратифицированной Федеральным законом от 26 апреля 2004 года № 26-ФЗ, и предусматривающей комплекс мер по выявлению, пресечению и конфискации доходов от преступной деятельности, включая доходы от незаконной заготовки и оборота древесины. Дополнительные механизмы сотрудничества в этой сфере установлены в рамках Евразийского экономического союза, учреждённого Договором о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года.

Основополагающим нормативным правовым актом, регулирующим лесные отношения, является Лесной ко-

декс РФ². С целью совершенствования правового регулирования лесных отношений ежегодно в ЛК РФ вносятся изменения, которые не только устраняют пробелы, но и кардинально меняют сущность правоотношений в лесной сфере. Данный факт свидетельствует о малоэффективности действующих правовых норм [11, с. 56].

Значение для расследования незаконной рубки лесных насаждений имеют, в частности, следующие положения Лесного кодекса РФ: статья 23.1, определяющая понятие и виды рубок лесных насаждений; статьи 29–30, регламентирующие порядок заготовки древесины; статья 99, закрепляющая административную, уголовную и иные виды ответственности за нарушение лесного законодательства; статья 99.1, предусматривающая конфискацию незаконно заготовленной древесины и иных лесных ресурсов; статья 100, устанавливающая порядок возмещения вреда, причиненного лесам в результате нарушения лесного законодательства. В соответствии с ч. 2 ст. 3 ЛК РФ имущественные отношения, связанные с оборотом лесных участков и насаждений, регулируются гражданским и земельным законодательством.

Детальное регулирование вопросов лесопользования и оборота древесины осуществляется на уровне подзаконных нормативных правовых актов. Основными из них являются постановления Правительства Российской Федерации: от 22.05.2007 № 310 «О ставках платы за единицу объема лесных ресурсов и ставках платы за единицу площади лесного участка, находящегося в федеральной собственности»; от 29.12.2018 № 1730 «Об утверждении особенностей возмещения вреда, причиненного ле-

сам и находящимся в них природным объектам вследствие нарушения лесного законодательства»; от 23.12.2022 № 2405 «О применении в 2023–2026 годах коэффициентов к ставкам платы за единицу объема лесных ресурсов и ставкам платы за единицу площади лесного участка, находящегося в федеральной собственности»; от 30.06.2021 № 1098 «О федеральном государственном лесном контроле (надзоре)» и другие. Их детализируют ведомственные приказы Минприроды России и Рослесхоза: о перечне пород деревьев и кустарников, заготовка которых не допускается³; о порядке определения видового и сортиментного состава древесины⁴; о правилах ухода за лесами⁵; о порядке исчисления расчетной лесосеки⁶; о таксационном описании лесосеки⁷. Стратегическое развитие

³Об утверждении перечня видов (пород) деревьев и кустарников, заготовка древесины которых не допускается : приказ Минприроды России от 14.03.2025 № 102 // Зарегистрировано в Минюсте России 08.04.2025. № 81781.

⁴Об утверждении Порядка определения видового (породного) и сортиментного состава древесины : приказ Минприроды России от 30.03.2015 № 154 // Зарегистрировано в Минюсте России 29.04.2015 № 37063.

⁵Об утверждении Правил ухода за лесами : приказ Минприроды России от 30.07.2020 № 534 // Зарегистрировано в Минюсте России 18.12.2020 № 61555.

⁶Федеральное агентство лесного хозяйства. Об утверждении Порядка исчисления расчетной лесосеки : приказ Рослесхоза от 27.05.2011 № 191 // Зарегистрировано в Минюсте РФ 06.07.2011 № 21276.

⁷Об утверждении состава сведений, включаемых в таксационное описание лесосеки, порядка составления таксационного описания лесосеки, требований к его формату в электронной форме, порядка определения несоответствия таксационного описания информации о фактическом состоянии лесосеки, формы таксационного описания лесосеки : приказ Минприроды России от 14.10.2022 № 687 : ред. от 02.04.2025 // Зарегистрировано в Минюсте России 21.11.2022 № 71045.

²Лесной кодекс Российской Федерации : Федер. закон от 04.12.2006 № 200-ФЗ : в ред. от 29.12.2025 // Собрание законодательства РФ. 2006. № 50. Ст. 5278.

отрасли закреплено в Стратегии развития лесного комплекса Российской Федерации до 2030 года, определяющей основные направления его модернизации и цифровизации, а также усиления государственного контроля и противодействия незаконному обороту древесины⁸.

Анализ действующего законодательства свидетельствует о том, что массив нормативных правовых актов, регулирующих данную сферу, отличается значительным объёмом, а недостаточное владение следователем знанием лесного законодательства способно существенно осложнить квалификацию содеянного, корректное определение размера причинённого ущерба и формирование доказательственной базы, что в итоге негативно сказывается на результативности предварительного расследования.

Без соответствующей подготовки следователь оказывается не в состоянии в полной мере оценить достоверность показаний должностных лиц органов лесного хозяйства, равно как и обоснованность их ссылок на те или иные нормативные правовые акты. Следовательно, знание лесного законодательства выступает необходимым условием эффективного расследования уголовных дел о незаконных рубках лесных насаждений.

За нарушения законодательства в сфере лесопользования предусмотрены гражданско-правовая, административная, дисциплинарная, материальная и уголовная ответственность. Вместе с тем Лесной кодекс РФ исчерпывающего перечня лесонарушений не содержит: закреплённые в нём положения об ответственности имеют отсылочный характер.

⁸Об утверждении Стратегии развития лесного комплекса Российской Федерации до 2030 года : распоряжение Правительства РФ от 11.02.2021 № 312-р // Собрание законодательства РФ. 2021. № 8. Ст. 1398.

Уголовная ответственность за незаконную рубку либо повреждение лесных насаждений до степени прекращения их роста предусмотрена ст. 260 УК РФ; объектом посягательства выступают общественные отношения по обеспечению экологической безопасности, рационального использования, охраны и воспроизводства лесов. Предметом преступления являются лесные насаждения как в лесах, так и вне их (парки, аллеи), независимо от происхождения посадки. Не относятся к предмету деяния насаждения на землях сельхозназначения, приусадебных и предоставленных под личное хозяйство участках, в лесопитомниках, а также законно предназначенные для рубки, но срубленные без необходимых документов насаждения, – такие действия квалифицируются как хищение (ст. 158 УК РФ) либо повреждение чужого имущества (ст. 167 УК РФ)⁹.

Объективная сторона состоит из двух форм – незаконной рубки (отделения растений от корня и связанных с ним процессов) и повреждения до степени прекращения роста; незаконность рубки определяется нарушением порядка её оформления, объёма, состава, места или сроков либо использованием подложных документов¹⁰.

Рассматриваемое преступление относится к материальным составам: оно считается оконченным при наступлении последствий в виде зна-

⁹ О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 № 21 (в ред. от 15.12.2022) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 12.

¹⁰ О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 № 21 (в ред. от 15.12.2022) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 12.

чительного ущерба в размере свыше 5000 рублей, крупного – свыше 50 000 рублей, особо крупного – свыше 150 000 рублей (примечание к ст. 260 УК РФ), определяемого по таксам и Методике определения размера возмещения вреда, причинённого лесам¹¹, с учётом категории леса, породы деревьев, сезона рубки, места произрастания и иных факторов.

Субъект преступления – физическое вменяемое лицо, достигшее 16 лет; в квалифицированных составах субъектом может быть должностное лицо, использующее своё служебное положение.

При совершении незаконной рубки группой лиц по предварительному сговору каждый из соучастников, выполняющий согласно распределению ролей хотя бы одно из действий, входящих в объективную сторону преступления (включая трелёвку, первичную обработку или хранение древесины), несёт ответственность как соисполнитель; лицо, не совершающее таких действий непосредственно, но, например, указывающее место рубки, предоставляющее технику или заранее обещающее сбыт древесины, при отсутствии признаков организованной группы отвечает как соучастник со ссылкой на ч. 3, 4 или 5 ст. 33 УК РФ. Под организованной группой (ч. 3 ст. 35 УК РФ) понимается устойчивая группа из двух и более лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступ-

лений, об устойчивости которой могут свидетельствовать наличие организатора, длительность существования и подготовки, техническая оснащённость и распределение ролей между участниками; действия всех членов такой группы независимо от их фактической роли квалифицируются по ч. 3 ст. 260 УК РФ без ссылки на ст. 33 УК РФ.

Если лицо совершило незаконную рубку посредством использования другого лица, не подлежащего уголовной ответственности в силу возраста, невменяемости или иных обстоятельств, оно привлекается к ответственности как исполнитель по ст. 260 УК РФ. Субъективная сторона преступления характеризуется прямым умыслом. На практике доказывание прямого умысла нередко вызывает затруднения применительно к лицам, которые дают указание о рубке, но сами непосредственно в ней не участвуют: так, судебной коллегией был оправдан бригадир лесозаготовительной бригады, распорядившийся о рубке лесных насаждений по указанию своего работодателя и не осведомлённый о её незаконном характере, поскольку прямой умысел именно на незаконную рубку установлен не был, то есть в нарушение ст. 73 УПК РФ не доказана форма вины и мотивы лица, обвиняемого в совершении данного преступления [12, с. 157].

Также необходимо отметить, что незаконная рубка может сопровождаться хищением (ст. 158, 160 УК РФ), подделкой документов (ст. 327 УК РФ), получением или дачей взятки (ст. 290, 291 УК РФ), легализацией (отмыванием) денежных средств (ст. 174.1 УК РФ) и другими преступлениями.

Административная ответственность за нарушения лесного законодательства **предусмотрена** статьями 8.25 (нарушение правил использования лесов), 8.28 (незаконная рубка, повреждение или самовольное

¹¹ Об утверждении особенностей возмещения вреда, причиненного лесам и находящимся в них природным объектам вследствие нарушения лесного законодательства (вместе с Методикой определения размера возмещения вреда, причиненного лесам и находящимся в них природным объектам вследствие нарушения лесного законодательства, и таксами для исчисления размера вреда) : Постановление Правительства РФ от 29.12.2018 № 1730 (ред. от 18.12.2020) // Собрание законодательства РФ. 2019. № 1. Ст. 25.

выкапывание деревьев, кустарников и лиан), 8.31 (нарушение правил санитарной безопасности в лесах) и 8.32 (нарушение правил пожарной безопасности в лесах) КоАП РФ. Рубка лесных насаждений арендаторами лесных участков, имеющими проект освоения лесов с положительным заключением экспертизы, но с нарушением технологии заготовки древесины или без подачи отчёта об использовании лесов, подлежит квалификации по статье 8.25 КоАП РФ.

Разграничение уголовно наказуемой незаконной рубки и правонарушения, предусмотренного ч. 1 и 2 ст. 8.28 КоАП РФ, проводится по признаку значительного размера причинённого ущерба свыше пяти тысяч рублей¹². Однако привлечение лиц к административной ответственности снижают два фактора: неоднозначность правовой квалификации нарушений и несоразмерность штрафов реальным доходам от незаконного лесопользования, что в совокупности способствует повторным правонарушениям.

Выводы и заключение

Противодействие расследованию преступлений является сложным и многогранным явлением, единого понимания сущности которого криминалистическая наука до настоящего времени не выработала, поэтому необходимо его дальнейшее ком-

плексное изучение. Отдельного внимания в этой связи заслуживает вопрос отграничения противодействия расследованию от законной реализации участниками уголовного судопроизводства своих процессуальных прав. Смещение указанных категорий способно привести как к необоснованному расширению круга субъектов противодействия, так и, напротив, к оставлению без криминалистической оценки значимых для расследования действий.

Ответственность за нарушения в сфере лесопользования реализуется через систему различных мер. Раздробленность законодательства, регулирующего лесопользование, охватывающего различные отрасли, затрудняет его применение лицами, осуществляющими расследование. Высокая латентность данных преступлений, организованный характер противодействия их расследованию, сложность доказывания и недостаточная эффективность мер контроля существенно затрудняют выявление, раскрытие и расследование преступлений данной категории. Внедряемые технологические решения требуют дальнейшего совершенствования как технологической, так и организационной составляющей противодействия расследованию рассматриваемых преступлений.

¹² О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 № 21 : в ред. от 15.12.2022 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 12.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Грибунов, О. П., Унжакова, С. В. Противодействие расследованию преступлений и меры по его преодолению: учебное пособие. Иркутск: ФГКОУ ВО ВСИ МВД России, 2019. 132 с.
2. Карагодин, В. Н. Преодоление противодействия предварительному расследованию. Свердловск, 1992. С. 17–18.
3. Цоколова, О. И. Тезис об усилении противодействия расследованию преступлений с позиции уголовного процесса // Российский следователь. 2022. № 4. С. 32–35.
4. Вишневский, Д. О. Отдельные аспекты раскрытия и расследования преступления, предусмотренного ст. 260 УК РФ «Незаконная рубка лесных насаждений» // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2023. Т. 26. № 2. С. 26–34.
5. Байханов, А. И. Современное состояние, тенденции и проблемы предупреждения преступной рубки лесных насаждений // Государственная служба и кадры. 2024. № 1. С. 198–201.
6. Гагарин, Ю. Н., Добровольский, А. А., Смирнов, А. П. Состояние и перспективы охраны лесов от незаконных рубок в Российской Федерации // Вопросы лесной науки. 2019. Т. 2. № 4. С. 1–22.
7. Рябухин, П. Б., Шачнев, А. В., Рунова, Е. М., Иванов, В. А. Перспективы использования беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) в работе авиалесоохраны Хабаровского края // Системы. Методы. Технологии. 2026. № 2 (70). С. 184–191.
8. Семененко, Г. М., Четвероус, А. Н., Базулина, А. А. О комплексе задач применения беспилотных воздушных судов правоохранительными органами МВД России при раскрытии, расследовании и предупреждении преступлений // Судебная экспертиза и исследования. 2025. № 3. С. 163–170.
9. Давыдова, Г. В., Тагиев, М. И., Тагиев, И. М., Рябинина, Е. Н. Теневая экономика в лесозаготовительной деятельности (на примере Иркутской области) // Baikal Research Journal. 2020. Т. 11, № 4. DOI: 10.17150/2411-6262.2020.11(4).11.
10. Шергин, Р. Ю. Меры противодействия незаконным рубкам лесных насаждений в условиях постоянной трансформации этого вида преступности // Законность. 2021. № 4 (1038). С. 7–9.
11. Гусева, И. А., Курышова, И. В. Незаконная рубка леса в Иркутской области: историко-правовые аспекты проблемы // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.-практич. журнал. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России. 2023. № 1 (104). С. 54–66.
12. Иванов, В. Ю., Екимова, О. Р. Проблемы, возникающие при рассмотрении вопросов о привлечении к ответственности за незаконную рубку лесных насаждений // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 4. С. 155–159.

REFERENCES

1. Gribunov O. P., Unzhakova S. V., Protivodeystviye rassledovaniyu prestupleniy i mery po yego preodoleniyu: uchebnoye posobiye [Countering the Investigation of Crimes and Measures to Overcome It: study guide]. Irkutsk: FGKOU VO VSI MVD Rossii, 2019. 132 p. (in Russian)

2. Karagodin V. N., Preodoleniye protivodeystviya predvaritelnomu rassledovaniyu [Overcoming Counteraction to Preliminary Investigation]. Sverdlovsk, 1992. Pp. 17-18 (in Russian)
3. Tsokolova O. I., Tezis ob usilenii protivodeystviya rassledovaniyu prestupleniy s pozitsii ugolovnogo protsessa [The Thesis on the Strengthening of Counteraction to the Investigation of Crimes from the Standpoint of Criminal Procedure]. Rossiyskiy sledovatel. – Russian Investigator 2022. № 4. Pp. 32-35 (in Russian)
4. Vishnevskiy D. O., Otdelnyye aspekty raskrytiya i rassledovaniya prestupleniya, predusmotrennogo st. 260 UK RF «Nezakonnaya rubka lesnykh nasazhdeniy» [Certain Aspects of the Detection and Investigation of the Crime under Article 260 of the Criminal Code of the Russian Federation "Illegal Logging of Forest Plantations"]. Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra. – Criminalistics: Yesterday, Today, Tomorrow 2023. Vol. 26. № 2. Pp. 26-34 (in Russian)
5. Baykhanov A. I., Sovremennoye sostoyaniye, tendentsii i problemy preduprezhdeniya prestupnoy rubki lesnykh nasazhdeniy [The Current State, Trends and Problems of Preventing Criminal Logging of Forest Plantations]. Gosudarstvennaya sluzhba i kadry. – Public Service and Personnel 2024. № 1. Pp. 198-201 (in Russian)
6. Gagarin Yu. N., Dobrovolskiy A. A., Smirnov A. P., Sostoyaniye i perspektivy okhrany lesov ot nezakonnykh rubok v Rossiyskoy Federatsii [State and Prospects of Forest Protection from Illegal Logging in the Russian Federation]. Voprosy lesnoy nauki. – Forest Science Issues 2019. Vol. 2. № 4. Pp. 1-22. (in Russian)
7. Ryabukhin P. B., Shachnev A. V., Runova Ye. M., Ivanov V. A., Perspektivy ispolzovaniya bespilotnykh letatelnykh apparatov (BPLA) v rabote aviolesookhrany Khabarovskogo kraya [Prospects for the Use of Unmanned Aerial Vehicles (UAVs) in the Work of Aerial Forest Protection of Khabarovsk Krai]. Sistemy. Metody. Tekhnologii. – Systems. Methods. Technologies 2026. №2 (70). Pp. 184-191 (in Russian)
8. Semenenko G. M., Chetverous A. N., Bazulina A. A., O komplekse zadach primeneniya bespilotnykh vozdushnykh sudov pravookhranitelnymi organami MVD Rossii pri raskrytii, rassledovanii i preduprezhdenii prestupleniy [On the Set of Tasks for the Use of Unmanned Aircraft by Law Enforcement Agencies of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Detection, Investigation and Prevention of Crimes]. Sudebnaya ekspertiza i issledovaniya. – Forensic Examination and Research 2025. № 3. Pp. 163-170 (in Russian)
9. Davydova G. V., Tagiyev M. I., Tagiyev I. M., Ryabinina Ye. N., Tenevaya ekonomika v lesozagotovitelnoy deyatel'nosti (na primere Irkutskoy oblasti) [Shadow Economy in Logging Activities (Case Study of the Irkutsk Region)]. Baikal Research Journal. 2020. Vol. 11, № 4. (in Russian)
10. Shergin R. Yu., Mery protivodeystviya nezakonnym rubkam lesnykh nasazhdeniy v usloviyakh postoyannoy transformatsii etogo vida prestupnosti [Measures to Counter Illegal Logging of Forest Plantations under Conditions of Constant Transformation of This Type of Crime]. Zakonnost. – Legality 2021. №4 (1038). Pp. 7-9 (in Russian)
11. Guseva I. A., Kuryshova I. V., Nezakonnaya rubka lesa v Irkutskoy oblasti: istoriko-pravovyye aspekty problemy [Illegal Logging in the Irkutsk Region: Historical and Legal Aspects of the Problem]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii: nauch.-praktich. zhurnal. – Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia: scientific-practical journal. Irkutsk: Vostochno-Sibirskiy institut MVD Rossii. 2023. № 1 (104). Pp. 54-66 (in Russian)

12. Ivanov V. Yu., Yekimova O. R., Problemy, vznikayushchiye pri rassmotrenii voprosov o privlechenii k otvetstvennosti za nezakonnuyu rubku lesnykh nasazhdeniy [Problems Arising When Considering Issues of Bringing to Responsibility for Illegal Logging of Forest Plantations]. Vestnik Uralskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia 2024. № 4. Pp. 155-159 (in Russian)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Унжакова Светлана Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики. Восточно-Сибирский институт МВД России. 664074, Российская Федерация, Иркутск, ул. Лермонтова, 110.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Svetlana V. Unzhakova, Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminalistics. East Siberian Institute of the MIA of Russia. 110 Lermontova St., Irkutsk, Russian Federation, 664074.

Научная статья
УДК 343.1

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛНОМОЧИЙ СЛЕДОВАТЕЛЯ НА ЭТАПЕ ОКОНЧАНИЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ

Алексей Александрович Фельк

Барнаульский юридический институт МВД России, г. Барнаул,
Российская Федерация, faa986@mail.ru

Аннотация. Целью настоящей статьи является анализ проблем правового регулирования полномочий следователя на этапе окончания предварительного следствия и разработка предложений по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства. В работе исследованы процедуры уведомления участников уголовного судопроизводства о завершении следственных действий, разрешения заявленных ходатайств и составления обвинительного заключения. На основе анализа судебной практики и результатов эмпирического исследования выявлены системные недостатки действующего правового регулирования, включая размытость нормативных предписаний о порядке уведомления, неполноту перечня прав, подлежащих разъяснению обвиняемому, отсутствие четкого механизма действий следователя при неявке участников для ознакомления с материалами дела и неурегулированность вопроса о возобновлении следственных действий после уведомления об их окончании. Особое внимание уделено проблеме отсутствия в законе понятия технической ошибки и критериев ее отграничения от существенных нарушений, влекущих возвращение уголовного дела прокурору. Сформулированы предложения по внесению изменений в статьи 215 и 237 УПК РФ, направленные на устранение правовой неопределенности и повышение эффективности завершающей стадии предварительного следствия.

Ключевые слова: предварительное следствие, следователь, полномочия следователя, окончание предварительного следствия, уведомление об окончании следственных действий, обвинительное заключение, техническая ошибка, возвращение уголовного дела прокурору

Для цитирования: Фельк А. А. Проблемы правового регулирования реализации полномочий следователя на этапе окончания предварительного следствия // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2026. Т. 39. № 3. С. 173–189.

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF THE IMPLEMENTATION OF THE POWERS OF THE INVESTIGATOR AT THE STAGE OF COMPLETION OF THE PRELIMINARY INVESTIGATION

Alexey A. Felk,

Barnaul Law Institute of the MIA of Russia, Barnaul, Russian Federation
faa986@mail.ru

Abstract. The purpose of this article is to analyze the legal regulation of investigators' powers at the end of a preliminary investigation and to develop proposals for improving criminal procedure legislation. This paper examines the procedures for notifying participants in criminal proceedings of the completion of investigative actions, resolving motions, and drafting indictments. Based on an analysis of judicial practice and the results of an empirical study, systemic shortcomings of the current legal framework are identified, including vague provisions regarding the notification procedure, an incomplete list of rights to be explained to the accused, the absence of a clear mechanism for investigators to follow in the event of participants' failure to appear to review case materials, and the lack of regulation of the resumption of investigative actions after notification of their completion. Particular attention is given to the lack of a legal definition of a technical error and criteria for distinguishing it from significant violations that entail the return of a criminal case to the prosecutor. Proposals have been formulated to amend Articles 215 and 237 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, aimed at eliminating legal uncertainty and increasing the effectiveness of the final stage of the preliminary investigation.

Keywords: preliminary investigation, investigator, investigator's powers, completion of preliminary investigation, notification of completion of investigative actions, indictment, technical error, return of criminal case to prosecutor

For citation: Felk A.A. Problemy pravovogo regulirovaniya realizatsii polnomochiy sledovatelya na etape okonchaniya predvaritel'nogo sledstviya [Problems of legal regulation of the implementation of the powers of the investigator at the stage of completion of the preliminary investigation]. *Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra* = Forensics: yesterday, today, tomorrow. 2026, vol.39 no.3, pp. 173–189 (inRuss.).

Введение

На этапе окончания предварительного следствия следователь выполняет комплекс процессуальных мероприятий, призванных подвести итог расследованию и определить дальнейшее движение уголовного дела. От того, насколько полно и качественно будут реализованы его полномочия в этот период, зависят

законность и объективность собранных материалов, а также возможность их последующего использования в суде. Указанные обстоятельства придают особую значимость рассматриваемой стадии в структуре уголовно-процессуальной деятельности.

Актуальность изучения проблем правового регулирования реализа-

ции полномочий следователя на этапе окончания предварительного следствия обусловлена тем, что от качества принимаемых в указанный период решений напрямую зависит реализация конституционных прав граждан на доступ к правосудию и защиту от незаконного обвинения. Недостаточная проработанность отдельных процедурных аспектов в уголовно-процессуальном законодательстве порождает сложности в правоприменительной практике, приводящие к возвращению уголовных дел прокурором либо судом для устранения выявленных нарушений. Подобные ситуации не только затягивают сроки расследования, но и снижают эффективность всей системы уголовного судопроизводства, что делает совершенствование правового регулирования данного этапа насущной задачей юридической науки и практики.

Примечательно, что законодательство не выделяет группу полномочий следователя, которые могут быть использованы исключительно в рамках окончания предварительного следствия. Однако содержание ст. 215 УПК РФ позволяет очертить круг полномочий, реализуемых следователем при завершении производства по уголовному делу. Прежде всего законодатель возлагает на него обязанность проинформировать обвиняемого о том, что совокупность проведенных следственных действий признана достаточной для формирования обвинительного заключения. Одновременно с уведомлением лицу разъясняется возможность обратиться к материалам дела в порядке, установленном ст. 217 УПК РФ, причем реализовать это право можно как самостоятельно, так и прибегнув к помощи защитника либо законного представителя.

Помимо обвиняемого, извещение направляется и иным участникам производства. В их число входят

защитник, законный представитель обвиняемого (при наличии), а также потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик и их представители. Указанная обязанность следователя закреплена в ч. 2 ст. 215 УПК РФ.

Таким образом, в качестве одного из ключевых процессуальных действий на завершающем этапе расследования выступает уведомление заинтересованных лиц об окончании следственных мероприятий. Именно с этого момента у участников процесса возникает право на ознакомление с материалами дела, что в свою очередь создает необходимые предпосылки для последующего направления уголовного дела прокурору с обвинительным заключением.

Основная часть

Отсутствие в уголовно-процессуальном законе исчерпывающих предписаний относительно порядка уведомления участников об окончании следственных действий отмечается в работах И. В. Тертычной. Восполняя законодательный пробел, в правоприменительной практике была выработана устойчивая форма фиксации рассматриваемого процессуального действия. Составляемый при этом протокол содержит информацию об уведомляемых лицах с указанием их процессуального положения, а также подтверждение разъяснения им права обратиться к материалам уголовного дела. Важно отметить, что возможность такого ознакомления предполагает как личное участие гражданина, так и привлечение защитника либо законного представителя. Подписи участников, удостоверяющие факт получения уведомления, а также отметки о сделанных ими заявлениях или об их отсутствии подлежат обязательному внесению в протокол [1, с. 281].

Несмотря на наличие сложившегося в правоприменительной прак-

тике подхода к документированию факта уведомления участников процесса об окончании следственных действий, сама процедура его реализации нередко обуславливает появление вопросов, требующих судебного разрешения. Отсутствие единообразного понимания пределов и способов выполнения требований ст. 215 УПК РФ приводит к возникновению спорных ситуаций, которые становятся предметом проверки вышестоящих судебных инстанций. Показательным в этом отношении выступает опыт рассмотрения уголовных дел, где нарушения порядка уведомления ставят под сомнение законность последующих процессуальных решений.

Практические сложности, возникающие при реализации положений ст. 215 УПК РФ, находят отражение в судебной практике, в частности, в одном из апелляционных определений, вынесенных Приморским краевым судом. После уведомления обвиняемого и его защитника об окончании следственных действий, направленного следователем 20 марта 2024 года в рамках уголовного дела о преступлении, предусмотренном ч. 5 ст. 291 УК РФ, сторона защиты изъявила желание ознакомиться с материалами как совместно, так и отдельно. Впоследствии между участниками процесса возникли разногласия относительно момента, когда такая возможность была предоставлена в действительности. Если следователь полагал, что доступ к материалам открыт с 24 апреля, то обвиняемый и защитник настаивали на том, что реальное ознакомление стало возможным лишь с 15 мая. Дополнительными препятствиями, по утверждению защиты, выступили низкое качество изготовленных копий, не позволявшее воспринимать текст, а также невозможность исследовать вещественные доказательства вплоть до

3 июня 2024 года.

Обратившись в суд, следователь добился установления конкретного срока для завершения ознакомительных процедур. Постановлением Фрунзенского районного суда г. Владивостока от 14 июня 2024 года стороне защиты предписывалось закончить изучение материалов к 19 июня того же года. Не согласившись с таким решением, защитники подали апелляционную жалобу. Проверив законность выводов нижестоящей инстанции, апелляционный суд констатировал, что постановление в основе своей является правомерным. Вместе с тем суд второй инстанции счел необходимым скорректировать его содержание, исключив формулировки, преждевременно указывающие на доказанность вины, и уточнив продолжительность предварительного следствия по делу¹.

Рассмотренная ситуация подчеркивает наличие проблемы, присущей действующему правовому регулированию: неоднозначность процедуры, закрепленной в ст. 215 УПК РФ, и вариативность подходов к обеспечению доступа к материалам способны провоцировать конфликты относительно реализации процессуальных гарантий. Подобные коллизии, в свою очередь, актуализируют потребность в законодательной конкретизации порядка уведомления об окончании предварительного следствия.

Демонстрацией обозначенных сложностей служит уголовное дело, прошедшее через судебные инстанции Республики Адыгея. Производство, инициированное по обвинению гражданки в мошеннических дей-

¹ Апелляционное постановление № 22-3646/2024 22К-3646/2024 от 22 июля 2024 г. по делу № 3/14-107/2024 [Электронный ресурс] // Судакт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/j5bc0A9G0zj3/> (дата обращения 21.02.2026).

ствиях, квалифицированных по нескольким частям ст. 159 УК РФ, сопровождалось выполнением следователем 8 декабря 2023 года требований ст. 215 УПК РФ. Должностное лицо уведомило обвиняемую и ее защитника о завершении следственных мероприятий, разъяснив возможность изучения собранных материалов. Обвиняемая ограничилась фиксацией документов посредством фотографирования, однако ни она, ни адвокат впоследствии не предприняли попыток систематического ознакомления с делом в предоставленный для этого промежуток времени.

Усмотрев в действиях стороны защиты реализацию права по собственному усмотрению, следователь применил ч. 5 ст. 215 УПК РФ и направил уголовное дело прокурору, не составляя протокола ознакомления. Вмешательство суда последовало после обращения защиты с ходатайством о возвращении материалов. Постановлением Майкопского городского суда от 7 февраля 2024 года требования были удовлетворены со ссылкой на нарушение ч. 5 ст. 217 УПК РФ, выразившееся в неразъяснении обвиняемой всего комплекса прав, сопряженных с процедурой ознакомления.

Прокурор, не согласившись с таким решением, указал в апелляционном представлении на диспозитивность права на ознакомление и возможность восполнения недостатков в ходе судебного разбирательства. Верховный суд Республики Адыгея, проверяя законность выводов нижестоящей инстанции, не усмотрел оснований для их пересмотра. Суд второй инстанции подчеркнул, что неразъяснение лицу соответствующих прав на этапе досудебного производства объективно сужает его возможности по выстраиванию защиты. Выявленное нарушение было признано неустранимым в

процессе судебного следствия, поскольку оно препятствует полноценной подготовке обвиняемой к рассмотрению дела и формулированию позиции по существу предъявленного обвинения².

Рассмотренная ситуация акцентирует внимание не только на недостаточной проработанности процедуры уведомления и разъяснения прав, закрепленной в ст. 215 УПК РФ, но и на важности неукоснительного выполнения следователем возложенных на него обязанностей по созданию условий для реализации участниками процесса своих правомочий. Указанные обстоятельства подтверждают обоснованность суждений о необходимости более детальной законодательной регламентации рассматриваемого этапа уголовного судопроизводства.

Обобщение содержания ст. 215 УПК РФ и складывающейся практики ее правоприменения позволяет выявить ряд системных недостатков, присущих действующему законодательному регулированию полномочий следователя по информированию участников о завершении следственных действий и последующему составлению обвинительного заключения. Устранение выявленных пробелов видится в корректировке уголовно-процессуального закона.

В качестве первого проблемного блока выступает размытость нормативных предписаний, касающихся непосредственно порядка уведомления. Действующая редакция ст. 215 УПК РФ не содержит детализированного алгоритма осуществления этого процессуального действия. Отсутствие унифицированных требований к форме, содержанию извеще-

²Апелляционное постановление № 22-235/2024 от 11 апреля 2024 г. по делу № 1-139/2024 [Электронный ресурс] // Судакт. URL: [//sudact.ru/regular/doc/BcXYUX5Ndeg/](https://sudact.ru/regular/doc/BcXYUX5Ndeg/) (дата обращения 21.02.2026).

ния, срокам его направления и способам доставки становится причиной множественности вариантов поведения следователей, что неизбежно ведет к неоднородности правоприменительной деятельности.

Второй проблемный аспект связан с объемом прав, подлежащих разъяснению обвиняемому. Закон возлагает на следователя обязанность сообщить лицу о возможности изучения материалов уголовного дела, однако оставляет без внимания необходимость информирования о сопутствующих процедуре ознакомления правомочиях, перечисленных в ч. 5 ст. 217 УПК РФ. К числу таковых относится, например, право на заявление различных ходатайств по результатам проведенного ознакомления. Неразъяснение указанных возможностей объективно сужает границы защиты и ограничивает процессуальную активность обвиняемого.

Третья группа проблем концентрируется вокруг отсутствия в законе четкого механизма действий следователя в ситуации, когда участники уклоняются от явки для ознакомления. Положения ч. 5 ст. 215 УПК РФ предоставляют возможность направления дела прокурору без составления протокола ознакомления в случае неявки обвиняемого, не находящегося под стражей, в течение пяти суток. При этом законодатель не обязывает следователя предпринимать какие-либо предварительные шаги для обеспечения явки, равно как и не устанавливает критериев, позволяющих оценить уважительность причин отсутствия участника.

В целях нивелирования обозначенных недостатков представляется целесообразным внесение ряда изменений в структуру и содержание ст. 215 УПК РФ.

Во-первых, требуется дополнить статью отдельной частью, детализи-

рующей процедуру уведомления. Предлагается закрепить обязательные параметры такого извещения: его письменную форму, исчерпывающий перечень сведений, подлежащих включению, конкретные сроки направления, а также допустимые способы доставки. Отдельно следует оговорить необходимость документального подтверждения факта получения уведомления адресатом.

Во-вторых, видится необходимым включение в текст ст. 215 УПК РФ прямого указания на обязанность следователя разъяснять обвиняемому весь комплекс прав, вытекающих из содержания ст. 217 УПК РФ. Фиксация факта такого разъяснения должна производиться в соответствующем протоколе, что позволит впоследствии избежать споров относительно полноты информирования участника процесса.

В-третьих, нуждается в уточнении часть пятая ст. 215 УПК РФ. Представляется обоснованным закрепить в ней обязанность следователя предварительно принимать меры, направленные на обеспечение явки обвиняемого для ознакомления. В качестве таких мер могут выступать направление официальных повесток, осуществление телефонных звонков с обязательной фиксацией соответствующих действий в материалах дела. Кроме того, следует определить примерный перечень обстоятельств, признаваемых уважительными причинами неявки, наличие которых исключало бы возможность направления дела прокурору без составления протокола ознакомления.

Реализация предложенных законодательных новелл будет способствовать устранению существующей правовой неопределенности, формированию единообразной практики применения ст. 215 УПК РФ и, как следствие, усилению процессуальных гарантий лиц, вовле-

ченных в орбиту уголовного судопроизводства. Ожидаемым результатом подобных изменений станет также сокращение количества спорных ситуаций, связанных с оспариванием законности действий следователя на завершающем этапе предварительного расследования.

В юридической литературе обращается внимание на еще один пробел, присущий действующему законодательству. Как отмечает С.В.Сиваев, ни при разработке изначального текста УПК РФ, ни в ходе последующего совершенствования кодекса не была урегулирована ситуация, когда должностное лицо, уже направившее участникам производства уведомление о завершении следственных действий, впоследствии приходит к выводу о неполноте или недостаточности проведенного расследования. Аналогичная коллизия возникает и в случаях, когда дефекты предварительного следствия обнаруживаются руководителем следственного органа либо прокурором, чьи контрольные полномочия распространяются на любой этап производства по делу.

Между тем практика правоприменения свидетельствует о том, что подобные ситуации возникают с завидной регулярностью. Подготавливая материалы уголовного дела к предстоящему ознакомлению потерпевших и стороны защиты, следовательно неизбежно осуществляет повторную ревизию собранных доказательств с позиции их полноты и достаточности. Такая переоценка зачастую вскрывает процессуальные недочеты либо пробелы в доказательственной базе, устранение которых выступает необходимым условием для обеспечения законности принимаемого по делу итогового решения [2, с. 60].

Для выявления реальной картины правоприменения на завершающем этапе предварительного след-

ствия было проведено эмпирическое исследование, в котором приняли участие 243 сотрудника правоохранительных органов. Анкетирование включало пункт, касающийся частоты обнаружения недостаточности доказательственной базы после формального завершения следственных мероприятий. Респондентам предлагалось оценить, насколько регулярно им приходится сталкиваться с необходимостью производства дополнительных следственных действий на заключительном этапе предварительного следствия.

Анализ полученных ответов выявил заметный разброс в восприятии рассматриваемой проблемы различными категориями опрошенных. Почти половина участников (48,7 %) охарактеризовали подобные ситуации как редко возникающие. Четверть респондентов (28,2 %) указали на эпизодический характер столкновения с указанной проблемой. Для 12,2 % опрошенных восполнение доказательственной базы после объявления об окончании следствия представляет собой систематически повторяющееся явление. Наконец, 4,6 % участников исследования констатировали, что необходимость дополнительных следственных действий возникает у них на регулярной основе.

Сравнение ответов представителей различных профессиональных групп также продемонстрировало существенные различия в оценках. Среди работников прокуратуры, осуществляющих надзор за процессуальной деятельностью и утверждающих обвинительные заключения, треть респондентов (33,3 %) подтвердили, что возвращение уголовных дел для производства дополнительного расследования является для них постоянной практикой. Остальные две трети (66,7 %) оценили частоту таких случаев как незначительную. Руководители следственных органов в 34,6 % случаев

фиксируют эпизодическое возникновение необходимости в дополнительном следствии, тогда как 15,4 % опрошенных из этой категории отмечают высокую интенсивность подобных ситуаций. В среде следователей преобладает оценка редкой встречаемости проблем с полнотой доказательственной базы (47,6 %), однако 13,1 % представителей этой группы указывают на систематический характер выявляемых недостатков.

Обращает на себя внимание зависимость между продолжительностью профессионального опыта следователей и частотой столкновения с необходимостью возобновления следственных действий. Наиболее уязвимыми в этом отношении оказываются начинающие специалисты, чей стаж не превышает одного года. Среди них 30,7 % никогда не сталкивались с рассматриваемой проблемой, однако 23,1 % отмечают ее частое возникновение, а 7,7 % констатируют постоянный характер. По мере накопления профессионального опыта в интервале от трех до пяти лет наблюдается существенный рост доли респондентов, указывающих на редкую встречаемость подобных ситуаций (60,7 %) при одновременном снижении частоты их возникновения. Определенный интерес вызывает группа следователей со стажем свыше десяти лет: 15,1 % из них отмечают частое возникновение проблем с доказательственной базой. Подобная тенденция, вероятно, объясняется тем, что наиболее опытные сотрудники задействованы в производстве по сложным, многоэпизодным уголовным делам, где вероятность выявления неполноты расследования объективно выше.

Обобщение результатов проведенного эмпирического исследования убедительно свидетельствует о необходимости формирования действенного правового инструмента-

рия, позволяющего оперативно восполнять доказательственную базу без ущемления процессуальных гарантий участников уголовного судопроизводства. Согласование требования полноты расследования с задачами процессуальной экономии видится в законодательном закреплении четко регламентированной процедуры возобновления следственных действий после того, как участники были официально уведомлены об их окончании. Представляется, что подобная новелла будет способствовать устранению существующей правовой неопределенности и повышению эффективности предварительного следствия в целом.

Несмотря на присутствующие в отдельных сегментах правоприменения критические оценки и выявленные сложности, обобщение полученных в ходе исследования материалов позволяет утверждать, что сложившаяся модель взаимодействия на этапе ознакомления с материалами уголовного дела демонстрирует достаточную степень работоспособности. Преобладание положительных суждений (58,3% от общего числа респондентов) свидетельствует о наличии устойчивых практик, обеспечивающих реализацию процессуальных целей на рассматриваемой стадии производства.

Переходя к характеристике иного значимого правомочия следователя, следует обратиться к содержанию ст. 219 УПК РФ, регламентирующей порядок разрешения ходатайств, поступающих от участников уголовного судопроизводства. Норма, закрепленная в части первой указанной статьи, устанавливает, что при положительном решении вопроса об удовлетворении требований заявителя следователь обязан восполнить материалы дела недостающими сведениями в соответствии с поступившим обращением.

В ситуации, когда должностное лицо не усматривает оснований для удовлетворения ходатайства либо находит его подлежащим частичному удовлетворению, возникает необходимость вынесения мотивированного постановления об отказе. Такой процессуальный документ должен содержать развернутую аргументацию, исключающую возможность произвольного толкования мотивов принятого решения и обеспечивающую транспарентность осуществляемых следователем действий. Дополнительным элементом рассматриваемой процедуры выступает обязанность разъяснить заинтересованным лицам порядок обжалования вынесенного постановления, что согласуется с предписаниями главы 16 УПК РФ и выступает необходимой гарантией реализации их процессуальных прав.

Стоит обратить внимание на значимость оперативного доведения до сведения заявителей информации о принятом процессуальном решении. Как отмечает М. Л. Махова, уведомление должно осуществляться способами, позволяющими зафиксировать факт его получения адресатом. Сложившаяся практика ориентирует правоприменителей на использование телефонной связи, СМС-сообщений либо современных средств коммуникации (мессенджеров и специализированных приложений), обеспечивающих подтверждение доставки сообщения. Обращение к услугам почтовой связи в рассматриваемом контексте признается малоэффективным ввиду существенных временных затрат, способных повлечь нарушение разумных сроков уголовного судопроизводства [3, с. 31].

Как подчеркивает М. В. Белов, после удовлетворения ходатайств, поступивших от участников производства в ходе ознакомления с материалами уголовного дела, на следо-

вателя возлагается обязанность обеспечить обвиняемому и потерпевшему возможность в полном объеме изучить все дополнительные сведения, полученные в результате выполнения соответствующих процессуальных действий. Подобный подход призван гарантировать реализацию принципа состязательности сторон и открытости уголовно-процессуальной деятельности. Только при наличии доступа к вновь собранным доказательствам и иным материалам участники процесса могут в должной мере отстаивать свои права и законные интересы [4, с. 28].

Обобщая изложенное, можно констатировать, что при осуществлении правомочия, предусмотренного ст. 219 УПК РФ, следователь обязан неукоснительно следовать установленной процедуре. Разрешение заявленных участниками ходатайств предполагает не только тщательную оценку их содержания и вынесение законного и обоснованного решения. Указанное полномочие включает также совершение ряда сопутствующих действий: при положительном исходе рассмотрения обращения – восполнение материалов дела недостающими сведениями, при отказе в удовлетворении – подготовку мотивированного постановления с приведением соответствующих доводов. Дополнительным элементом выступает незамедлительное информирование заявителей о принятом решении и разъяснение им порядка его обжалования.

Переходя к рассмотрению следующего элемента процессуального статуса следователя на завершающем этапе расследования, следует обратиться к содержанию ст. 220 УПК РФ. Закрепленная в указанной статье норма возлагает на должностное лицо обязанность по составлению обвинительного заключения. Именно этот документ выступает итоговым процессуальным актом

предварительного следствия, фиксирующим его результаты и создающим необходимые предпосылки для дальнейшего движения уголовного дела – его передачи прокурору для утверждения и последующего направления в судебную инстанцию.

Значение названного процессуального акта, однако, не исчерпывается его ролью формального завершения следственной деятельности. Документ оказывает непосредственное влияние на дальнейшее движение уголовного дела, что предопределяет необходимость обращения к вопросам разграничения компетенции между органами расследования, прокуратурой и судебными инстанциями. В современной научной литературе обращается внимание на смещение процессуальных акцентов в сторону досудебного производства. Как отмечает С. Б. Россинский, именно на этом этапе формируется обвинительное заключение, приобретающее значение центрального элемента, задающего вектор всему последующему разбирательству. Указанное обстоятельство актуализирует исследование того, каким образом содержание итогового документа следствия влияет на реализацию процессуальных функций и на качественные характеристики отправления правосудия [5, с. 209].

Развивая свою мысль, С. Б. Россинский акцентирует внимание на многоаспектности правовой природы обвинительного заключения. Сущность этого акта не сводится лишь к перечню инкриминируемых лицу деяний и их правовой квалификации. Документ призван консолидировать весь массив собранных по делу доказательств, подтверждая их достаточность и процессуальную пригодность для рассмотрения дела в судебном заседании. Обвинительное заключение выступает тем рубежом, который отделяет предварительное расследование от судебного

разбирательства, завершая комплекс правоотношений, характерных для досудебной стадии, и одновременно создавая процессуальные предпосылки для перехода к следующему этапу. Направление этого акта вместе с материалами уголовного дела в суд служит юридическим основанием для возникновения новых процессуальных связей, связанных с подготовкой к слушанию дела по существу. Таким образом, обвинительное заключение выполняет функцию правового моста, обеспечивающего преемственность между этапами уголовного судопроизводства и создающего условия для реализации принципов состязательности и законности при дальнейшем рассмотрении дела [6, с. 12].

Приведенные соображения позволяют утверждать, что правомочие следователя по составлению обвинительного заключения, предусмотренное ст. 220 УПК РФ, имеет определяющее значение для завершения предварительного следствия и поддержания процессуальной преемственности между различными стадиями уголовного процесса. Реализация указанного полномочия предполагает проведение серьезной аналитической работы, направленной на оценку собранных доказательств с позиций их достаточности и допустимости для последующего судебного разбирательства. Выступая итоговым документом следствия, обвинительное заключение структурирует предъявленное обвинение, консолидирует доказательственную базу и задает правовые границы предстоящего судебного процесса, что свидетельствует о его особом месте в механизме уголовного судопроизводства.

При реализации следователем правомочия, предусмотренного ст. 220 УПК РФ, нередко возникают сложности, связанные с соблюдением предъявляемых к итоговому до-

кументу требований. Недостаточная четкость нормативных формулировок порождает неоднозначное понимание того, каким именно образом должно быть составлено обвинительное заключение, чтобы впоследствии не возникло препятствий для рассмотрения дела по существу. Демонстрацией обозначенной проблемы служит уголовное дело, прошедшее через судебные инстанции Удмуртской Республики.

Производство, инициированное по обвинению М. Л. В. и Г. А. А. в покушении на незаконный сбыт наркотических средств, столкнулось с ситуацией, когда суд первой инстанции усмотрел дефекты в составленном следователем документе. Ленинский районный суд г. Ижевска, исследовав материалы, пришел к выводу о необходимости возвращения уголовного дела прокурору. Основанием для такого решения послужило несоответствие обвинительного заключения требованиям уголовно-процессуального закона. Как указал суд, описание преступного деяния не содержало сведений о конкретных действиях Г. А. А., связанных с организацией тайниковых закладок, а изложенные обстоятельства расходились с показаниями подсудимых и доказательствами, исследованными в ходе судебного разбирательства. Подобная неполнота, по мнению районного суда, создавала угрозу нарушения права Г. А. А. на защиту.

Не согласившись с принятым решением, прокурор обратился с апелляционным представлением, настаивая на том, что формулировка обвинения являлась корректной, а отмеченные судом недостатки не препятствовали постановлению приговора. Проверив доводы сторон, Верховный Суд Удмуртской Республики счел позицию нижестоящей инстанции ошибочной. Суд второй инстанции констатировал, что обвинительное заключение содержало

все необходимые элементы, предусмотренные ст. 220 УПК РФ, включая описание деяния, перечень доказательств и формулировку обвинения. Выявленные районным судом несоответствия, по мнению апелляционной инстанции, могли быть устранены непосредственно в ходе судебного следствия без возвращения дела прокурору. Постановление о возвращении было отменено³.

В другом деле, рассмотренном Центральным районным судом г.Твери в отношении ФИО1, обвинявшейся в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ, суд пришел к противоположному выводу, признав обвинительное заключение не соответствующим требованиям уголовно-процессуального закона и возвратив дело прокурору.

Изучив материалы дела, суд установил, что описание обстоятельств причинения телесных повреждений потерпевшему носило неконкретный характер и содержало существенные противоречия. Количество и локализация телесных повреждений, обнаруженных на теле погибшего, характер этих повреждений, отсутствие повреждений на ткани футболки потерпевшего, а также обстановка, зафиксированная в ходе осмотра места происшествия, вступали в противоречие с показаниями очевидца и явкой с повинной обвиняемой.

Суд пришел к выводу, что органом предварительного следствия не были в полной мере установлены и отражены в обвинительном заключении обстоятельства, подлежащие обязательному доказыванию, а именно способ совершения преступ-

³Апелляционное постановление № 22-1557/2024 от 27 августа 2024 г. [Электронный ресурс] // Судакт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/fmLWARdJ28H8/> (дата обращения 21.02.2026).

ления. Простое перечисление количества нанесенных ударов без указания расположения потерпевшего относительно предметов, которыми причинялись повреждения, и без учета обстоятельств их получения, по мнению суда, являлось недостаточным для вывода о соответствии обвинительного заключения требованиям п. 3 ч. 1 ст. 220 УПК РФ. Допущенные нарушения были признаны неустраняемыми в ходе судебного разбирательства, поскольку суд не вправе самостоятельно формулировать объективную сторону преступления, что означало бы выход за пределы обвинения и нарушение права обвиняемой на защиту. Выявленные противоречия породили неопределенность, исключающую возможность постановления законного и обоснованного приговора, в связи с чем уголовное дело было возвращено прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом⁴.

Также приведем третий пример, в рамках которого при составлении обвинительного заключения следователем была допущена техническая ошибка. Омским областным судом рассмотрено дело по апелляционному представлению прокурора на постановление Октябрьского районного суда г. Омска, которым уголовное дело в отношении ФИО1, обвинявшейся в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ, было возвращено прокурору для устранения препятствий его рассмотрения. Основанием для возвращения послужило то обстоятельство, что в описании преступного деяния, изложенном в постановлении о привлечении в качестве обвиняемой и в

обвинительном заключении, отсутствовало указание на номер дома по адресу: г. Омск, <...>, в комнате которого, по версии следствия, было совершено преступление.

Прокурор в апелляционном представлении настаивал на том, что допущенное нарушение следует расценивать как техническую ошибку, подлежащую устранению в ходе судебного разбирательства. В обоснование своей позиции он указывал, что точный адрес места происшествия содержится в иных материалах уголовного дела, в частности в протоколе осмотра места происшествия, сообщении о преступлении, показаниях обвиняемой и свидетелей. Кроме того, обращалось внимание на позицию стороны защиты, которая не усматривала в данном нарушении ущемления права обвиняемой на защиту и выражала согласие на рассмотрение дела по существу.

Суд апелляционной инстанции, проверив доводы представления и жалобы потерпевшей, не нашел оснований для отмены постановления районного суда. В своем решении Омский областной суд указал, что в силу п. 3 ч. 1 ст. 220 УПК РФ указание на место совершения преступления должно содержаться непосредственно в существе обвинения. Самостоятельное установление судом данного обстоятельства на основе иных материалов уголовного дела повлекло бы нарушение требований ст. 252 УПК РФ о пределах судебного разбирательства. Ссылки на то, что правильный адрес приведен в доказательствах, были признаны несостоятельными, поскольку необходимые сведения должны быть отражены именно в описании преступного деяния. Выявленный недостаток был расценен как существенное нарушение, исключающее возможность постановления законного приговора и

⁴Постановление № 1-16/2025 1-165/2024 от 13 августа 2025 г. по делу № 1-16/2025 [Электронный ресурс] // Судакт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/9qTAKHfObRWu//> (дата обращения 21.02.2026).

подлежащее устранению органом предварительного расследования⁵.

Также приведем четвертый пример, демонстрирующий ситуацию, когда недостатки обвинительного заключения были признаны судом апелляционной инстанции устранимыми и не повлекли возвращения дела прокурору, однако послужили основанием для изменения приговора. Ярославским областным судом рассмотрено уголовное дело по апелляционному представлению прокурора и апелляционной жалобе адвоката на приговор Некрасовского районного суда Ярославской области в отношении ФИО10, осужденного за покушение на кражи.

В апелляционной жалобе защитником было обращено внимание на нарушение требований п. 5 ст. 220 УПК РФ, выразившееся в том, что в справке к обвинительному заключению вещественные доказательства (лом металла общей массой 190 и 130 кг) перечислены без указания соответствующих листов дела, что, по мнению адвоката, свидетельствовало о несоответствии обвинительного заключения требованиям уголовно-процессуального закона.

Проверив доводы жалобы, суд апелляционной инстанции не нашел оснований для отмены приговора или возвращения уголовного дела прокурору. В своем решении Ярославский областной суд указал, что допущенные при составлении обвинительного заключения недостатки, выразившиеся в отсутствии в справке ссылок на листы дела применительно к сведениям о вещественных доказательствах, являются восполнимыми в ходе судебного разбирательства. Данные

нарушения не повлияли на полноту и правильность исследования доказательств, не ограничили право обвиняемого на защиту и не исключали возможность постановления приговора на основе имеющегося обвинительного заключения.

При этом суд апелляционной инстанции изменил приговор по иным основаниям, связанным с неправильным применением уголовного закона при назначении наказания и неверной квалификацией действий осужденного по одному из эпизодов, однако вопрос о возвращении дела прокурору не ставился, поскольку выявленные в обвинительном заключении нарушения были признаны несущественными и не препятствующими рассмотрению дела по существу⁶.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что следователь при реализации своих полномочий на этапе окончания предварительного следствия сталкивается с отсутствием четких ориентиров в оценке того, какие именно сведения должны быть в обязательном порядке отражены в обвинительном заключении. Правоприменительная практика демонстрирует неоднородность подходов к определению степени детализации описания преступного деяния, что возлагает на следователя повышенную ответственность за предвидение возможной позиции суда. В условиях такой неопределенности должностное лицо вынуждено действовать на свой риск, не имея гарантий того, что составленный им процессуальный документ не будет впоследствии признан не соответствующим требованиям закона.

⁵Апелляционное постановление № 22-2263/2025 от 24 августа 2025 г. по делу № 1-256/2025 [Электронный ресурс] // Судакт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/M5rv2HkV6vNS> /// (дата обращения 21.02.2026).

⁶Апелляционное постановление № 22-303/2023 от 19 февраля 2023 г. по делу № 1-92/2022 [Электронный ресурс] // Судакт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/NO8uatNTUXmU/> (дата обращения 22.02.2026).

Отсутствие единообразных стандартов изложения обстоятельств совершения преступления приводит к тому, что аналогичные по своему содержанию обвинительные заключения могут получать противоположную оценку в разных судебных инстанциях. Следовательно оказывается лишенным возможности опереться на устойчивую правоприменительную практику, поскольку она носит вариативный характер и не позволяет выработать универсальные рекомендации по составлению итогового документа. Такое положение вещей не только затрудняет работу следственных органов, но и создает предпосылки для нарушения права обвиняемых на защиту, поскольку неясность требований к формулировке обвинения влечет за собой неопределенность в понимании существа инкриминируемого деяния.

Критерием отнесения ошибок в обвинительном заключении к незначительным может служить возможность их устранения непосредственно в судебном заседании без ущерба для существа обвинения. Такие недочеты, именуемые в правоприменительной практике техническими ошибками, не урегулированы уголовно-процессуальным законом, что создает пробел в правовом регулировании. Представляется обоснованным разграничение существенных нарушений, влекущих возвращение дела прокурору как исключительную меру, и технических ошибок, не препятствующих постановлению приговора. Отнесение последних к основаниям возвращения уголовного дела приводило бы к неоправданному затягиванию производства и нарушению разумных сроков судопроизводства, тогда как их исправление в ходе судебного разбирательства обеспечивает необходимый баланс между законностью и эффективностью правосудия.

Решение обозначенной проблемы возможно через разъяснения Верховного Суда РФ относительно того, что следует понимать под технической ошибкой в обвинительном заключении. Предлагается следующая формулировка: «Техническая ошибка в обвинительном заключении – это ошибка в содержании текста обвинительного заключения, которая не препятствует четкому и однозначному восприятию важной для следствия и вынесения судебного решения информации, и которая может быть исправлена в ходе судебного заседания. Наличие такой технической ошибки не влечет за собой необходимости возвращения уголовного дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ». Кроме того, следует внести изменения в ст. 237 УПК РФ, дополнив ее частью 1.4, содержащей формулировку о том, что техническая ошибка в обвинительном заключении не является основанием для возвращения уголовного дела прокурору: «Не являются основанием для возвращения уголовного дела прокурору в соответствии с пунктом 1 части первой настоящей статьи технические ошибки (описки, опечатки, арифметические ошибки), допущенные при составлении обвинительного заключения, обвинительного акта или обвинительного постановления, если они не влияют на существо обвинения, не препятствуют определению пределов судебного разбирательства и не нарушают право обвиняемого на защиту. Указанные ошибки подлежат устранению в ходе судебного разбирательства путем вынесения судом определения или постановления об исправлении технической ошибки».

Выводы и заключение

Реализация указанных предложений создаст для следователя более предсказуемые условия реализации своих полномочий на этапе окончания предварительного след-

ствия. Четкое нормативное закрепление понятия технической ошибки и ее отграничение от существенных нарушений позволит следователю при составлении обвинительного заключения сосредоточиться на изложении значимых для дела обстоятельств, не опасаясь, что случайная описка или опечатка повлечет возвращение уголовного дела и нивелирует результаты всей предшествующей работы. Кроме того, предложенные изменения будут способствовать процессуальной экономии, исключив ситуации необоснованного возвращения дел прокурору по формальным основаниям, и обеспечить более полную реализацию права обвиняемого на доступ к правосудию в разумные сроки.

В свою очередь, предложенные нововведения повысят эффективность третьей стадии досудебного производства по уголовным делам, в рамках которой, как отмечает И. С. Дикарев, происходит смена лица, ответственного за ведение уголовного процесса. С момента поступления уголовного дела с обвинительным заключением таким лицом становится прокурор, чьи действия и принимаемые решения определяют направление дальнейшего движения производства [7, с. 58]. Соответственно, повышение эффективности

реализации полномочий следователя на этапе окончания предварительного следствия будет способствовать своевременному и беспрепятственному переходу уголовного дела на последующую стадию, где прокурор осуществляет проверку законности и обоснованности предъявленного обвинения.

Можно сделать вывод, что современное уголовно-процессуальное законодательство не дает следователю достаточных ориентиров для реализации полномочий при завершении расследования. Размытость правил уведомления об окончании следственных действий, отсутствие обязанности разъяснять весь комплекс прав по статье 217 УПК РФ и отсутствие регламентации действий при уклонении участников от ознакомления создают предпосылки для конфликтов и возвратов дел. Дополнительные трудности возникают при составлении обвинительного заключения из-за отсутствия четких критериев оценки его качества. Законодательное закрепление прав и правила о том, что технические ошибки не служат основанием для возвращения дела, способно существенно повысить стабильность и качество завершающей стадии предварительного следствия.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Тертычная, И. В.* Алгоритм действий следователя на этапе окончания предварительного расследования // Актуальные проблемы предварительного расследования: Сборник научных статей международных научно-практических конференций, Санкт-Петербург, 20.04.2021 года – 25.04.2022 года. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. С. 281–286.
2. *Сиваев, В. С.* Проблемные вопросы окончания уголовного дела на предварительном следствии // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. 2024. № 3(61). С. 59–62.
3. *Махова, М. Л.* Особенности заявления и разрешения ходатайств при ознакомлении с материалами уголовного дела // *European and Asian Law Review*. 2023. Т. 6. № 2. С. 29–33.
4. *Белов, М. В.* Обеспечение прав и законных интересов потерпевших в ходе ознакомления с материалами уголовного дела при окончании дознания //

Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, правозащитной, уголовно-процессуальной деятельности и национальной безопасности: Материалы Международной научно-практической конференции, Краснодар, 02 апреля 2021 года. Том Часть 1. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 2021. – С. 25–30.

5. *Россинский, С. Б.* Правила подготовки обвинительных заключений: требуется перезагрузка // Юрист Правоведъ. 2024. 3(110). С. 207–214.

6. *Россинский, С. Б.* Обвинительное заключение: мнимые и подлинные процессуальные смыслы // Российский следователь. 2023. № 10. С. 10–14.

7. *Дикарев, И. С.* Третья стадия досудебного производства по уголовным делам // Вестник военного права. 2025. № 3. С. 56–59.

REFERENCES

1. *Tertychnaya, I. V.* Algoritm deystviy sledovatelya na etape okonchaniya predvaritel'nogo rassledovaniya [Algorithm of Investigator Actions at the Stage of Concluding the Preliminary Investigation]. Aktual'nyye problemy predvaritel'nogo rassledovaniya: Sbornik nauchnykh statey mezhdunarodnykh nauchno-prakticheskikh konferentsiy – Current Issues of Preliminary Investigation: Collection of Scientific Articles from International Scientific and Practical Conferences, St. Petersburg, April 20, 2021 – April 25, 2022. St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2022. Pp. 281–286. (in Russian).

2. *Sivaev, V. S.* Problemnyye voprosy okonchaniya ugovnogo dela na predvaritel'nom sledstvii [Problematic Issues Regarding the Conclusion of a Criminal Case at the Preliminary Investigation Stage]. Trudy Orenburgskogo instituta (filiala) Moskovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii. – Proceedings of the Orenburg Institute (Branch) of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL). 2024. No. 3(61). Pp. 59–62. (in Russian).

3. *Makhova, M. L.* Osobennosti zayavleniya i razresheniya khodataystv pri oznakomlenii s materialami ugovnogo dela [Specifics of Filing and Resolving Motions During the Review of Criminal Case Materials]. European and Asian Law Review – European and Asian Law Review. 2023. Vol. 6, No. 2. Pp. 29–33. (in Russian).

4. *Belov, M. V.* Obespecheniye prav i zakonnykh interesov poterpevshikh v khode oznakomleniya s materialami ugovnogo dela pri okonchani doznaniya [Ensuring the Rights and Legitimate Interests of Victims During the Review of Criminal Case Materials at the Conclusion of the Inquiry (Doznanie)]. Aktual'nyye problemy sudebnoy, pravookhranitel'noy, pravozashchitnoy, ugovno-protsessual'noy deyatel'nosti i natsional'noy bezopasnosti: Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii – Current Issues of Judicial, Law Enforcement, Human Rights, and Criminal Procedural Activities and National Security: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Krasnodar, April 2, 2021. Part 1. – Krasnodar: Kuban State University, 2021. – Pp. 25–30. (in Russian).

5. *Rossinsky, S. B.* Pravila podgotovki obvinitel'nykh zaklyucheniy: trebuyetsya перезагрузка [Rules for Drafting Indictments: A Reset Is Needed]. Yurist" Pravoved – Yurist-Pravoved. 2024. 3(110). Pp. 207–214. (in Russian).

6. *Rossinsky, S. B.* Obvinitel'noye zaklyucheniye: mnimyye i podlinnyye protsessual'nyye smysly [The Indictment: Apparent and Genuine Procedural Meanings]. Rossiyskiy Sledovatel – Russian Investigator. 2023. No. 10. Pp. 10–14. (in Russian).

7. *Dikarev, I. S.* The Tret'ya stadiya dosudebnogo proizvodstva po ugovnym delam [Third Stage of Pre-trial Criminal Proceedings]. Vestnik voyennogo prava. – Bulletin of Military Law. 2025. No. 3. Pp. 56–59. (in Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Фельк Алексей Александрович, старший преподаватель кафедры уголовного процесса. Барнаульский юридический институт МВД России. 656038, Российская Федерация, г. Барнаул, ул. Чкалова, д. 49

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexey A. Felk, Senior Lecturer of the Department of Criminal Procedure. Barnaul Law Institute of the MIA of Russia. 49 Chkalova St., Barnaul, Russian Federation, 656038.

Научная статья
УДК 343.983

КРИПТОГРАФИЧЕСКИ ЗАЩИЩЕННАЯ ИНФОРМАЦИЯ КАК ОБЪЕКТ КОМПЬЮТЕРНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Андрей Борисович Шавловский,

Московская академия Следственного комитета Российской Федерации
имени А. Я. Сухарева, г. Москва, Российская Федерация, ashavlovsky@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена вопросам исследования криптографически защищенной информации в судебной компьютерно-технической экспертизе. На основе анализа научных положений криминалистики и судебной экспертологии рассмотрены основные свойства цифровых следов. Раскрыты тенденции расширения содержания экспертных задач, разрешаемых при производстве судебных компьютерно-технических экспертиз по уголовным делам, включая исследование информации, преобразованной методами криптографии. Обосновано, что распространение современных технических средств защиты информации существенно влияет на условия обнаружения, фиксации, извлечения и исследования криминалистически значимой цифровой информации. Подчеркивается отсутствие актуальных методических рекомендаций для специалистов и экспертов, посвященных вопросам обнаружения, фиксации, закрепления и экспертного исследования цифровой информации, имеющей признаки криптографической защиты. Определено одно из направлений совершенствования научно-методического обеспечения, реализация которого может повысить результативность судебно-экспертной деятельности в условиях распространения современных средств криптографической защиты информации.

Ключевые слова: судебная экспертиза, криптография, цифровая информация, цифровые следы, компьютерно-техническая экспертиза, криптографически защищенная информация

Для цитирования: Шавловский, А. Б. Криптографически защищенная информация как объект компьютерно-технической экспертизы // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2026. Т.39. № 3. С. 190–196.

CRYPTOGRAPHICALLY PROTECTED INFORMATION AS AN OBJECT OF COMPUTER FORENSICS

Andrey B. Shavlovsky

Sukharev Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, ashavlovsky@mail.ru

Abstract. This article addresses issues related to the examination of cryptographically protected information in computer forensics. Based on an analysis of scientific principles in criminalistics and forensic science, the article

examines the main features of digital traces. The article reveals the trends in expanding the scope of expert tasks that can be solved during computer forensics, including the examination of information that has been transformed using cryptographic methods. The author proves that the widespread use of modern technical kinds of information protection significantly affects the conditions of detecting, recording, extracting, and examining criminologically significant digital information. The study highlights the lack of up-to-date methodological guidelines dedicated to the detection, recording, preservation, and forensic examination of digital information containing signs of cryptographic protection. One area of improving scientific and methodological support has been identified, the implementation of which could enhance the effectiveness of forensic expert activities in the context of the widespread use of modern kinds of cryptographic information protection.

Keywords: forensic investigation, cryptography, digital information, digital traces, computer forensics, cryptographically protected information

For citation: Shavlovsky A. B. Kriptograficheski zashchishchennaya informatsiya kak ob'yekt komp'yuterno-tekhnicheskoy ekspertizy [Cryptographically protected information as an object of computer forensics]. *Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra* = Forensics: yesterday, today, tomorrow. 2026, vol.39 no.3, pp.190–196 (inRuss.).

Введение

Традиционно научно-техническое обеспечение расследования уголовных правонарушений было ориентировано преимущественно на обнаружение, фиксацию и исследование материальных следов в их классическом понимании. При этом в современных условиях значительный объем криминалистически значимой информации представлен в цифровой форме. Взаимосвязь большинства современных преступлений с цифровыми технологиями закономерно обуславливает образование самостоятельной группы следов – цифровых. В учебной литературе сегодня под цифровым следом понимается «любая криминалистически значимая компьютерная информация, т.е. сведения (сообщения, данные), представленные в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи» [1, с. 93].

Основная часть

В криминалистике и судебной экспертиологии цифровой след обоснованно рассматривается учеными в качестве самостоятельной научной кате-

гории. Как подчеркивает Е. Р. Россинская, «если выделять информацию, формирующуюся в процессе работы с вычислительной техникой, в особую группу материальных следов, то наиболее рациональным мы полагаем обозначить их как «цифровые», поскольку формирование данных следов обусловлено спецификой реализации информационных технологий и связано с представлением информации в цифровой форме» [2, с. 572].

По своему содержанию цифровые следы представляют собой данные в цифровой форме, записанные в память электронного носителя. Их характеризуют следующие свойства:

1. Возможность модификации, копирования и безвозвратного удаления. Процесс удаления информации, как правило, мгновенный и не требует особых условий и специальной подготовки пользователя компьютерной системы.

2. Необходимость использования специальных аппаратных и программных средств, преобразующих цифровые данные в форму, пригод-

ную для восприятия и просмотра человеком. Отсутствие таких средств делает невозможным взаимодействие человека с цифровыми следами.

3. Формирование и существование в специальной среде – памяти электронных носителей.

Как отмечает А. А. Саркисян, «высокий риск утраты цифровых следов обуславливает необходимость их быстрой фиксации и изъятия. Любое взаимодействие с цифровыми следами подразумевает использование специальных знаний» [3, с. 86].

Одной из основных и распространенных процессуальных форм применения специальных знаний является судебная экспертиза. При этом по причине своего универсального содержания цифровые следы могут исследоваться не только в рамках судебной компьютерно-технической экспертизы, но и в рамках иных родов (видов) судебных экспертиз. Об этом пишет Е. Р. Россинская: «в связи с широким распространением в первой четверти XXI века компьютерной преступности, когда информационно-коммуникационные компьютерные технологии стали применяться при совершении практически любых видов преступлений, а аналоговые способы отображения следов преступлений сменились на электронные, во всех родах и видах судебных экспертиз появились новые объекты исследования – цифровые следы. Причем это коснулось не только судебной компьютерно-технической экспертизы, но и фоноскопической, видеотехнической и фототехнической экспертиз...» [4, с. 22].

Вместе с тем исследование цифровой информации традиционно занимает центральное место именно в судебной компьютерно-технической экспертизе. Это обусловлено тем, что к числу ее основных объектов, согласно типовой методике исследования компьютерной информации, относится компьютерная (цифровая)

информация, содержащаяся на различных электронных носителях информации [5, с. 3].

На первоначальных этапах развития компьютерно-технической экспертизы к числу ее объектов относились электронные носители и компьютерные средства. Однако в условиях цифровизации этот перечень существенно расширился за счет исследования цифровой информации, содержащейся в смартфонах, иных цифровых устройствах, беспилотных аппаратах, автотранспортных средствах и др. К примеру, развитие сотовой радиосвязи и компьютерных сетей предопределило потребность в исследовании «больших данных» в судебной экспертизе.

Сегодня судебная компьютерно-техническая экспертиза назначается в целях исследования цифровой информации и компьютерных средств и систем, а ее специальные знания охватывают такие области знаний как «электроника, электротехника, информационные системы и процессы, радиотехника и связь, вычислительная техника и автоматизация» [6, с. 118].

В рамках компьютерно-технической экспертизы решается достаточно широкий перечень экспертных задач, связанных с исследованием цифровой информации в компьютерных средствах и системах, электронных носителях, включая программное обеспечение и пр. В указанный перечень экспертных задач включают [7, с. 365]:

- поиск информации, созданной с помощью прикладных программ;

- поиск информации о действиях пользователя (процессах обработки файлов, ведения баз данных, работе в сетях передачи данных и т. п.);

- определение свойств программ и программных продуктов и другое.

В научной литературе имеются различные подходы к определению понятия экспертной задачи. Наиболее содержательной представляется

позиция, сформулированная Е. В. Ивановой, согласно которой экспертная задача представляет собой «проблемную ситуацию, разрешаемую на основе специальных знаний путем оценки совокупности признаков, выявленных в процессе исследования представленных объектов» [8, с. 966].

В условиях цифровизации содержание экспертных задач закономерно расширяется применительно ко всем родам и видам судебных экспертиз, включая судебную компьютерно-техническую экспертизу. Так, наряду с восстановлением удаленной и поврежденной информации все большее значение приобретает решение задач, связанных с выявлением следов функционирования вредоносных компьютерных программ, установлением обстоятельств использования программного обеспечения, реконструкцией действий пользователя, а также исследованием криптографически защищенной информации.

Развитие цифровых технологий сопровождается совершенствованием средств криптографической защиты информации. Современные операционные системы, мобильные устройства, программы и облачные сервисы в некоторых случаях предусматривают использование встроенных средств шифрования, парольной и биометрической аутентификации, контроля доступа. Криптографические алгоритмы применяются для шифрования отдельных файлов, баз данных, резервных копий, сетевого трафика и электронных носителей. В результате информация, имеющая значение для расследования преступления, может быть недоступна для изучения без применения специальных знаний и соответствующих технико-криминалистических средств.

Анализ материалов экспертной практики свидетельствует о распространении цифровых объектов, информационное содержимое которых

полностью или частично преобразовано методами криптографии. Данное обстоятельство обусловлено как применением встроенных механизмов защиты, интегрированных в современные цифровые устройства, так и целенаправленным применением пользователями специализированных средств шифрования в целях ограничения доступа к информационному содержанию.

Исследование криптографически защищенной информации является одной из экспертных задач, решаемых при производстве судебной компьютерно-технической экспертизы. Ее решение полностью соответствует принципам проведения судебно-экспертных исследований, отраженных в ст.8 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»: «эксперт проводит исследования объективно, на строго научной и практической основе, в пределах соответствующей специальности, всесторонне и в полном объеме». В современных условиях всестороннее исследование информационного содержимого компьютерных средств и систем, цифровых устройств предполагает установление обстоятельств использования средств криптографической защиты, установление криптографически защищенной информации и определение ее свойств.

Вместе с тем существует проблема обеспечения доступа к криптографически защищенной информации в разумные сроки по причине использования технических средств шифрования на основе криптостойких алгоритмов. В отдельных случаях это привело к утрате актуальности существующих экспертных алгоритмов исследования. Так, оснащение мобильных устройств системами криптографической защиты, основанных на криптостойких алгорит-

мах, существенно ограничило результативность использования методов прямого доступа к чтению данных с микросхем мобильных устройств, поскольку извлеченные данные не могут быть интерпретированы специалистом без дешифрации.

Ш. Н. Хазиев, А. Н. Штохов в контексте развития криптографии и современных технических средств защиты указывают на необходимость создания высокоэффективных отечественных средств дешифрования, предназначенных для использования судебными экспертами компьютерно-технических подразделений экспертно-криминалистических служб и судебно-экспертных учреждений соответствующих ведомств [9, с. 18].

Отсутствие актуальных рекомендаций по установлению криптографически защищенной информации и исследованию возможностей преодоления средств шифрования также можно отнести к числу проблем научно-методического обеспечения судебной компьютерно-технической экспертизы. Имеющиеся по данному вопросу научные исследования преимущественно посвящены теоретическим аспектам рассматриваемой проблематики и, как правило, не содержат практико-ориентированных рекомендаций.

Кроме того, в криминалистическом обеспечении следствия наблюдается отсутствие специализированных методических рекомендаций по

обнаружению, фиксации и закреплению цифровых следов, имеющих признаки криптографической защиты. При этом, как подчеркивает А.А.Рудых, «в условиях технологического оснащения преступного мира средствами эффективной защиты информации одной из приоритетных задач науки криминалистики является разработка и внедрение в практику научно обоснованных методик использования технологий преодоления криптографической защиты информации» [10, с.211].

Заключение

В связи с этим одним из важных направлений развития судебной компьютерно-технической экспертизы является совершенствование ее научно-методического обеспечения, включая вопросы исследования криптографически защищенной информации и оценки технических возможностей обеспечения доступа к ее содержанию. Разработка соответствующих рекомендаций позволит структурировать последовательность действий судебных экспертов и технических специалистов при исследовании таких объектов.

В совокупности это будет способствовать повышению эффективности судебно-экспертной деятельности и обеспечению надлежащего качества раскрытия преступлений и расследования уголовных дел в условиях широкого применения средств криптографической защиты информации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Цифровая криминалистика: учебник для вузов / под редакцией В.Б.Вехова, С. В. Зуева. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2026. 485 с. (Высшее образование). ISBN 978-5-534-21152-8. –Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. URL: <https://urait.ru/bcode/581669> (дата обращения: 10.07.2026).

2. Россинская, Е. Р. Цифровизация судебно-экспертной и криминалистической деятельности взаимосвязи и разграничения // Вопросы экспертной практики. 2019. № S1. С. 569-574.

3. Саркисян, А. А. Цифровизация судебно-экспертной деятельности: учебное пособие для вузов / А. А. Саркисян; ответственный редактор

Е.Р.Россинская. Москва: Издательство Юрайт, 2026. 138 с. (Высшее образование). ISBN 978-5-534-20447-6. Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. URL: <https://urait.ru/bcode/589938> (дата обращения: 15.07.2026).

4.Россинская, Е. Р. Система теории цифровизации судебно-экспертной деятельности // Теория и практика судебной экспертизы. 2024. Т. 19, № 3. С. 20–32.

5.Тушканова О. В. Типовая методика исследования компьютерной информации. М.: Следственный комитет Российской Федерации, 2020. 52с.

6.Судебная компьютерно-техническая экспертиза / Е. Р. Россинская, А. И. Усов. Москва: Право и закон, 2001. 414 с.: ил., табл.; 21 см. (Серия книг «Практическая юриспруденция») (Судебная экспертиза).

7.Криминалистика: учебник для бакалавров / под ред. Л. В.Бертовского. Москва: РГ-Пресс, 2018. 960 с.

8.Иванова, Е. В. Экспертные задачи и их классификации // Baikal Research Journal. 2025. Т. 16, № 3. С. 963–974.

9.Хазиев, Ш. Н., Штохов А. Н. Криптография в криминалистике и судебной экспертизе: история и современное состояние // Теория и практика судебной экспертизы. 2025. Т. 20, № 2. С. 6–21.

10.Рудых, А. А. Криптография и криминалистика: современные проблемы и возможные пути решения // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 2(89). С. 203–212.

REFERENCES

1. Tsifrovaya kriminalistika: uchebnik dlya vuzov [Digital Forensics: A Textbook for Higher Education Institutions] / edited by V.B. Vekhov and S.V. Zuev. –3rd ed., revised and expanded. –Moscow: Yurait Publishing House, 2026. – 485 pp. – (Higher Education). –ISBN 978-5-534-21152-8. –Text: electronic. Obrazovatel'naya platforma Yurayt – Yurait Educational Platform [website]. – URL: <https://urait.ru/bcode/581669> (accessed 10 July 2026). (in Russian)

2. Rossinskaya, E.R. Tsifrovizatsiya sudebno-ekspertnoy i kriminalisticheskoy deyatel'nosti vzaimosvyazi i razgranicheniya [The digitalisation of forensic and criminal investigation activities: interrelationships and distinctions]. Voprosy ekspertnoy praktiki. –Issues in Expert Practice. 2019. No. S1. Pp. 569–574. (in Russian)

3. Sarkisyan, A.A. The Tsifrovizatsiya sudebno-ekspertnoy deyatel'nosti: uchebnoye posobiye dlya vuzov [Digitalisation of Forensic Expertise: A Study Guide for Higher Education Institutions]. editor-in-chief E.R. Rossinskaya. – Moscow: Yurait Publishing House, 2026. –138 pp. –(Higher Education). –ISBN 978-5-534-20447-6. –Text: electronic // Yurait Educational Platform [website]. – URL: <https://urait.ru/bcode/589938> (accessed 15 July 2026). (in Russian)

4. Rossinskaya, E.R. The Sistema teorii tsifrovizatsii sudebno-ekspertnoy deyatel'nosti [System of Theory of Digitalisation of Forensic Expertise]. Teoriya i praktika sudebnoy ekspertizy. – Theory and Practice of Forensic Expertise. 2024. Vol. 19. No. 3. Pp. 20–32. (in Russian)

5. Tushkanova, O.V. Tipovaya metodika issledovaniya komp'yuternoy informatsii. [Standard Methodology for the Examination of Computer Information]. – Moscow: Investigative Committee of the Russian Federation, 2020. – 52 p. (in Russian)
6. Sudebnaya komp'yuterno-tehnicheskaya ekspertiza [Forensic Computer and Technical Expertise] / E.R. Rossinskaya, A.I. Usov. Moscow: Law and Justice, 2001. – 414p. (in Russian)
7. Kriminalistika: uchebnik dlya bakalavrov [Forensic Science: A Textbook for Undergraduates] / ed. by L.V. Bertovsky. – Moscow: RG-Press, 2018. – 960 pp.
8. Ivanova, E.V. Ekspertnyye zadachi i ikh klassifikatsii [Expert Tasks and Their Classification]. Baikal Research Journal Baikal Research Journal. – 2025. – Vol. 16, No. 3. – Pp. 963–974. (in Russian)
9. Khaziev, Sh.N., Shtokhov A.N. Kriptografiya v kriminalistike i sudebnoy ekspertize: istoriya i sovremennoye sostoyaniye [Cryptography in Forensic Science and Forensic Examination: History and Current Status]. Teoriya i praktika sudebnoy ekspertizy – Theory and Practice of Forensic Examination. 2025. Vol. 20, No. 2. Pp. 6–21. – (in Russian)
10. Rudykh, A.A. Kriptografiya i kriminalistika: sovremennyye problemy i vozmozhnyye puti resheniya [Cryptography and Forensic Science: Contemporary Problems and Possible Solutions]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. – Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No. 2(89). Pp. 203–212. (in Russian)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шавловский Андрей Борисович, преподаватель кафедры судебно-экспертной и оперативно-розыскной деятельности. Московская академия Следственного комитета Российской Федерации имени А. Я. Сухарева. 125080, Российская Федерация, г. Москва, ул. Врубеля, 12.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Andrey B. Shavlovsky, lecturer at the Department of Forensic Expertise and Operational Investigative Activities. Sukharev Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation. 12, Vruble Street, Moscow, Russian Federation, 125080.

КРИМИНАЛИСТИКА: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Сборник научных трудов

2026. Т. 39. №3

Редактор
Т.В. Зайцева

Перевод
Е.С.Фидель

Компьютерная верстка
Е.И.Третьякова

Дизайн обложки
М. А. Полянская

Публикуемые материалы отражают точку зрения автора, которая может не совпадать с мнением редколлегии.

В текстах статей сохранено авторское изложение, выполнено лишь необходимое редактирование, в связи с чем редакционная коллегия не несет ответственности за возможные неточности.

Авторы несут полную ответственность за подбор и изложение фактов, содержащихся в статьях.

Любые нарушения авторских прав преследуются по закону.

Перепечатка материалов журнала допускается только по согласованию с редакцией.

Плата с авторов за публикацию рукописей не взимается. Рукописи не возвращаются.

Подписано в печать 29 сентября 2026 г. Дата выхода в свет 30 сентября 2026 г.

Формат 60×84/8

Цена: свободная

Усл.печ.л. 24,6 Тираж 1000экз.

Первый завод 25 экз. Заказ № 22

Редакционно-издательская группа

Восточно-Сибирский институт МВД России,
Иркутск, ул.Лермонтова, 110